

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 7 2021 (ИЮЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

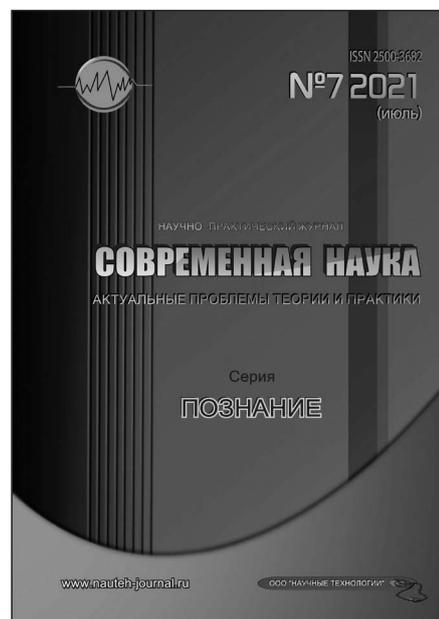
Подписано в печать 26.07.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №7 (июль) 2021 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

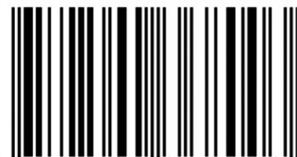
Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Енчинов Э.В.** – К проблеме сохранения культурного наследия народов Республики Алтай
Enchinov E. – On the problem of preserving the cultural heritage of the peoples of the Altai Republic..... 5
- Кирьянова О.А.** – Современные формы проведения корпоративных мероприятий в бизнес-организации
Kiryanova O. – Modern forms of holding corporate events in a business organization..... 9
- Цзян Дань** – Исследование межкультурного конфликта в китайско-российских транснациональных браках
Jiang Dan – Research on the cross-cultural conflict in Sino-Russian transnational marriage..... 14

Психология

- Абу-Талеб Д.В.** – Эмоционально-волевая сфера и ее развитие в интегральном образовании
Abu-Taleb D. – Emotional-volitional sphere and its development in integral education..... 19
- Горюнова Н.Б., Воронин А.Н., Бирюков С.Д.** – Когнитивная пластичность в структуре когнитивного ресурса
Goryunova N., Voronin A., Biryukov S. – Cognitive plasticity in the structure of the cognitive resource..... 25
- Жихарева Л.В., Юдеева Т.В.** – Стратегии ведения переговоров в реализации практик инициативного бюджетирования
Zhikhareva L., Yudeeva T. – Negotiation strategies in the implementation of proactive budgeting practices..... 29

- Распопин Е.В.** – Психологические и социальные факторы ресоциализации бывших осужденных к жизни в законопослушном обществе
Raspopin E. – Psychological and social factors of re-socialization of former convicts to life in a law-abiding society..... 34

- Савельева И.П., Гаджиева М.** – Воображение как неотъемлемый компонент музыкальной деятельности обучающихся
Saveleva I., Gadzhieva M. – Imagination as an integral component of students musical activity 37

- Трофимова Н.Б.** – Механизм реализации духовного потенциала как возможность духовно-нравственного роста в юности
Trofimova N. – Mechanism of realization of spiritual potential as a possibility of spiritual and moral growth in youth 42

- Фахурдинов Р.Р.** – Взаимосвязь свойств темперамента и профессиональной направленности личности у курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации
Fakhurdinov R. – The relationship of the properties of temperament and professional orientation of personality in the cadets of military institutes of the national guard of the Russian Federation 47

- Чернов А.Ю.** – Социальная дистанция, характерная для мусульман-мигрантов по отношению к представителям принимающей стороны региона нижнего Поволжья
Chernov A. – Social distance characteristic of muslim migrants in relation to the representatives of the receiving side of the lower Volga region 52

- Чернов А.Ю.** – Толерантность и интолерантность к неопределенности в различных возрастных группах мигрантов
Chernov A. – Tolerance and intolerance of uncertainty in different migrant age groups..... 59

Шаар Маалоули Мария – Индивидуально-личностные характеристики пациентов с полинаркоманией в зависимости от тяжести влечения к наркотику
Chaar Maalouli Maria – Individual and personal characteristics of patients with polynarcotic administration depending on the severity of drug addiction 64

Философия

Андреева Л.С. – Дискуссии о философии истории на рубеже веков
Andreeva L. – Discussion about the philosophy of history at the border of the age. 67

Ван Дихань – Развитие речевого этикета в Китае
Wang Dihan – Development of speech etiquette in China. 71

Лолаев Т.П., Габараев А.Д. – Время субстанциальной концепции: история и современность
Lolaev T., Gabaraev A. – Time of substantial concept: history and modernity 75

Побережный И.А. – Понятийный базис и его роль в формировании новых разделов математики
Poberezhnyy I. – The conceptual basis and its role in the formation of new sections of mathematics 79

Сметанкина Л.В., Огарков А.Н. – К истории становления социальной философии XX века: вокруг дискуссии об азиатском способе производства
Smetankina L., Ogarkov A. – On the history of the formation of social philosophy of the XX century: around the discussion about the Asian mode of production 84

Токарев Д.А. – Атрибутивная модель страдания в восточной философии и в иррационализме А. Шопенгауэра
Tokarev D. – Attributive model of suffering in eastern philosophy and in A. Schopenhauer's irrationalism 89

Фисенко Г.Ф. – Концепция человека как оригинальное антропологическое учение В.И. Несмелова
Fisenko G. – Human concept as an original anthropological teaching of V.I. Nesmelov 94

Хабибуллина З.Н. – Аксиологический потенциал философии Н.Ф. Федорова
Khajibullina Z. – Axiological potential of philosophy N.F. Fedorova 98

Ярославцева Ю.О. – Философско-мировоззренческие основы экономических отношений в исламе
Yaroslavtseva Yu. – Philosophical and ideological fundamentals of economic relations in islam. 102

Информация

Наши авторы. Our Authors. 108

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 109

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Енчинов Эркин Валериевич

К.и.н., с.н.с., БНУ Республики Алтай

«Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск
enchinov_e@mail.ru

ON THE PROBLEM OF PRESERVING THE CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF THE ALTAI REPUBLIC

E. Enchinov

Summary: The article examines the cultural heritage of the peoples of the Altai Republic. Altaians, russians, telengits, tubalars, kumandins, chelkans and kazakhs have been living in the region under study for a long time and in good-neighborly relations. The existing elements of traditional material culture (clothing, food, and housing).

Keywords: Altai Republic, altai, russians, kazakhs, indigenous peoples, culture, ethnography, traditions, custom.

Аннотация: В статье рассматривается культурное наследие народов Республики Алтай. В исследуемом регионе длительное время и в добрососедских отношениях проживают алтайцы, русские, теленгиты, тубалары, кумандинцы, челканцы и казахи. Кратко описываются бытующие элементы традиционной материальной культуры одежда, пища, жилище.

Ключевые слова: Республика Алтай, алтайцы, русские, казахи, коренные малочисленные народы, культура, этнография, традиции, обычай.

Республика Алтай – субъект Российской Федерации, расположен в южной части Западной Сибири и входит в Сибирский федеральный округ, занимает 35-е место по площади территории (92 903 тыс. кв. км.) и 81-е место по численности населения (221 050 чел.) среди субъектов по состоянию на 1 января 2021 г., плотность населения – 2.38 чел./кв. км. [7].

Национальный состав региона согласно данным переписи 2010 г. представлен 91 национальностью [2]. Мозаика этнических групп представлена русскими 55,68 %, алтайцами 35,33 %, казахами 6,07 % и 2,92 % другие этнические группы [4].

В данной статье мы остановимся только на ряде народов, проживающих в исследуемом регионе, это алтайцы, русские, казахи и коренные малочисленные народы Республики Алтай: теленгиты, тубалары, кумандинцы и челканцы. Указанные народы имеют длительную историю совместного проживания, многочисленные межнациональные браки, билингвизм и трилингвизм в семьях, совместное использование пастбищ, охотничьих и сенокосных угодий, таежных массивов при сборе дикоросов, в т.ч. и в промышленных масштабах. Широкое хождение в культуре питания жителей региона имеют такие блюда как щи, борщ, *бешбармак*, *jëргëм*, *кан* и *кëчë*. При этом хотим отметить, что ни в коей мере не хотим умалить достоинства и уникальность культуры других народов, проживающих в добрососедстве и взаимном уважении в исследуемом регионе вот уже не одно десятилетие.

В Республике Алтай, как и по всей стране в 90-х гг. XX в. активно обсуждались вопросы этнической идентич-

ности и культурного возрождения, также нужно учесть, что исследуемый регион, традиционно национальный. В указанное время произошли политические и юридические трансформации, это достижение статуса республики, формирование органов власти, принятие конституции Республики Алтай, также таких атрибутов как флаг, герб, гимн. В указанное время в регионе произошли значительные трансформации, как в культурно-религиозной сфере, так и в ее материальной составляющей, изменилось сознание граждан, выразившееся в новой этнической идентификации субэтносов, некогда входивших в единый состав алтайского народа. Теленгиты, тубалары, челканцы в 2000 г. были отнесены к коренным малочисленным народам Российской Федерации (Постановление Правительства Российской Федерации № 255 от 24.03.2000 г.) [5]. Еще ранее в начале 1990-х гг. кумандинцы были отнесены к малочисленным народам (Постановлением Совета национальностей Верховного Совета Российской Федерации за №4538-1 от 24.02.1993 г.) [6]. Всероссийская перепись населения 2002 г. учла их отдельными народностями со своим языком, но во Всероссийской переписи 2010 г. представителей этнических групп теленгитов, тубаларов, кумандинцев и челканцев учли уже субэтнотами в составе алтайцев.

Многообразие национального этнического состава, межкультурное и межрелигиозное взаимодействие служат факторами укрепления российской государственно-сти, что гарантируется основным документом страны – Конституцией Российской Федерации и подкрепляется рядом краевых документов, в том числе «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [10].

Столпы традиционной материальной культуры как одежда, пища, жилище, в 90-е гг. XX в. во многих уголках страны стали яркими маркерами выражения этнической самоидентификации. Но за прошедшие четверть века этнографическая триада также подверглась анализу и переосмыслению, в первую очередь, среди носителей культуры. Если в конце XX в. традиционные жилища или одежда служили своего рода демонстрацией и «провождением» собственной этничности, то к началу третьего десятилетия людям стало важно понимание того, как в целом работает материальный предмет в традиции, стали важны воспитательные функции одежды, пищи и жилища.

Традиционная одежда жителей Горного Алтая, как и раньше, соответствует различным бытовым ситуациям, поэтому подразделяется на повседневную и праздничную, в зависимости от климатических условий на зимнюю и летнюю, от возраста её обладателя на одежду детей и подростков, молодежи, взрослых и пожилых людей, а от пола на мужскую и женскую [9; 1].

В алтайской культуре на начало XXI в. хорошую сохранность демонстрирует верхняя плечевая одежда мужчин и женщин – шуба тон, которую шьют из овечьих шкур. Из легкой верхней одежды бытуют разные по компоновке безрукавки, которые носят как в повседневной жизни, так и на праздниках. К категории легкой верхней женской одежды относятся *чегедек* – длиннополая безрукавка, надеваемой поверх свадебного платья девушки во время свадебной церемонии, имеющей символическое значение, отражающее переход девушки в статус замужней женщины [9; 3].

Традиционная русская одежда мужчин, бытовавшая в регионе, отличалась простотой покроя. Мужские рубашки были следующих типов: туникообразные, на кокетке и с плечевыми швами. Мужчины всегда носили рубашку навыпуск, прикрывая портки. Из женской одежды, в исследуемом регионе, самой архаичной считается рубашка/сорочка туникообразного кроя. Верхнюю часть туникообразной рубашки изготавливали из льняной или конопляной, хлопчатобумажной или шелковой ткани. Нижнюю часть шили из плотного домотканого холста. Центральное полотнище такой рубашки перегибалось пополам, образуя перед и спинку. На сгибе прорезалось отверстие и разрез ворота. В настоящее время такие костюмы можно встретить на общественных и семейных праздниках русского населения.

Казахи традиционную одежду изготавливали из меха, кожи и ткани. Казахи Кош-Агачского района в холодное время продолжают носить традиционную теплую шубу – *тон* из обработанной овечьей шкуры. Шубу из овчины шьют мехом внутрь. Ворот и рукава оторачивают мехом пушных зверей. Женское одеяние состоит из несколь-

ких частей. Чаще всего, это *камзол* и *платья – косэтек*. В теплое время года носят легкий *чапан*, а в холодное – с шерстяной подкладкой, которая простегивается вместе с верхом.

Основу традиционную питания народов исследуемого региона составляла мясная, молочная и растительная пища, чему способствовал ландшафт, история, традиции, этногенетические связи сформировавшие пищевые модели, тесно связанные с хозяйственно-культурными типами.

В употребление идут различные блюда из мяса таких домашних животных как лошадь, крупный и мелко рогатый скот, як, верблюд, диких зверей – косули, марала, дикого козла, барсука, медведя и др.

Из супов население Республики Алтай, часто готовят щи, борщ, рассольник, солянку, окрошку. Например, щи – это одно из самых употребляемых блюд современной русской семьи в регионе. Готовят щи из свежей или квашеной капусты, щавеля. Одним из любимых супов остается борщ, это одновременно и праздничное, и повседневное блюдо.

В меню коренных жителей региона в начале XXI в. как и ранее большое место продолжают занимать продукты, изготовленные из производных молока, как например сквашенное молоко *чеген*, также собственно свежее коровье молоко, в теплое время года на селе можно отведать настоящий деликатес кобылье молоко *кымыс*. Традиционный алтайский чай с солью, обжаренными зернами жаренного ячменя *талкан* и домашним маслом *саржу* в обязательном порядке белиться свежим коровьим молоком.

На протяжении длительного времени народы региона сформировали свои особые типы и формы поселений и жилищ максимально адаптированных к местной природно-климатической среде и формам ведения хозяйства. К числу традиционных жилищ коренных жителей Горного Алтая относятся постоянные, сезонные и временные, стационарные и переносные, разной конструкции: конической, пирамидообразное каркасное жилище, прямоугольное четырехстенное из жердей и коры с конической крышей, решетчатое цилиндрическое и многоугольные срубы с конической корьевой крышей [8, с. 120]. Традиционные жилища имеющие бытование в алтайской культуре и на начало XXI в. это такие типы, как: конический, цилиндрический (решетчатая) айылы, многоугольный сруб и дощатый летник.

Поселения русского населения в Республике Алтай размещались вдоль водоемов, ручьев и вблизи лесных массивов, что было обусловлено хозяйственной деятельностью.

В настоящее время сохранившимися типами традиционных жилищ русского населения Республики Алтай можно назвать срубную однокамерную избу, двухкамерный пятистенный дом и трёхкамерный или трехчастный домом – изба-связь (дом-связь).

Дома традиционно строили из пихты, лиственницы иногда из кедра; хозяйственные постройки – из сосны, лиственницы. При этом надо отметить, из-за современных процессов глобализации происходит исчезновение, изменение самобытных черт материальных и духовных маркеров. Но веками проверенная конструкция традиционной русской избы не претерпевала сильных изменений. Например, у самого распространенного типа жилища русского населения региона у дома пятистенка сруб имеет прямоугольную форму, разделен поперечной стеной на две камеры: «избу» и «горницу». Капитальная пятая стена внутри избы укрепляет и связывает основу сруба, несет дополнительную нагрузку, поддерживая вес верхних конструкций. Такой тип дома мог быть значительно больших размеров, поэтому изба пятистенок была широко распространена по всей территории Сибири [11].

Казахи на территории Горного Алтая расселились в конце XIX в., занимались экстенсивным кочевым и полукочевым скотоводством, что предопределило их тип жилища – решетчатую юрту. В настоящее время традиционная юрта продолжает использоваться как летнее жилье, особенно животноводами на дальних стоянках.

Стены юрты состоят из решетчатых звеньев, связанных между собой тканой тесьмой, верхнего обода и жердями служащих скатом крыши, войлочный покров юрты состоит из четырех основных частей, соответствующих

четырем частям каркаса.

В начале XXI в. жилища, в том числе и традиционные переходят в новую социально-экономическую категорию, они уже являются не только местом обитания членов семьи, но обретают такие характеристики как маркер успешности, престижности. Традиционные жилища, служа летниками, кухнями в теплое время года, в условиях районных центров и города также становятся способом самоидентификации хозяина, выражением его этнической идентичности.

Таким образом на начало 20-х гг. XXI в. перед научным сообществом исследуемого региона, в деле сохранения и развития культурного наследия народов Республики Алтай, формирования и укрепления общероссийской идентичности, крайне важным является решения следующих задач:

- проследить динамику этнокультурного развития коренных жителей, русского населения и казахов Республики Алтай;
- описать и дать анализ элементам традиционной материальной культуры исследуемых народов;
- определить роль и значение традиций хозяйствования в современной системе жизнеобеспечения;
- описать и подвергнуть анализу бытующие свадебные традиции исследуемых народов;
- проанализировать систему традиционной календарной обрядности;
- исследовать народные праздники, игры и эстрадное, фольклорное творчество самодеятельных коллективов, музыкальных групп;
- определить роль религиозных воззрений коренных жителей в современной культурной практике.

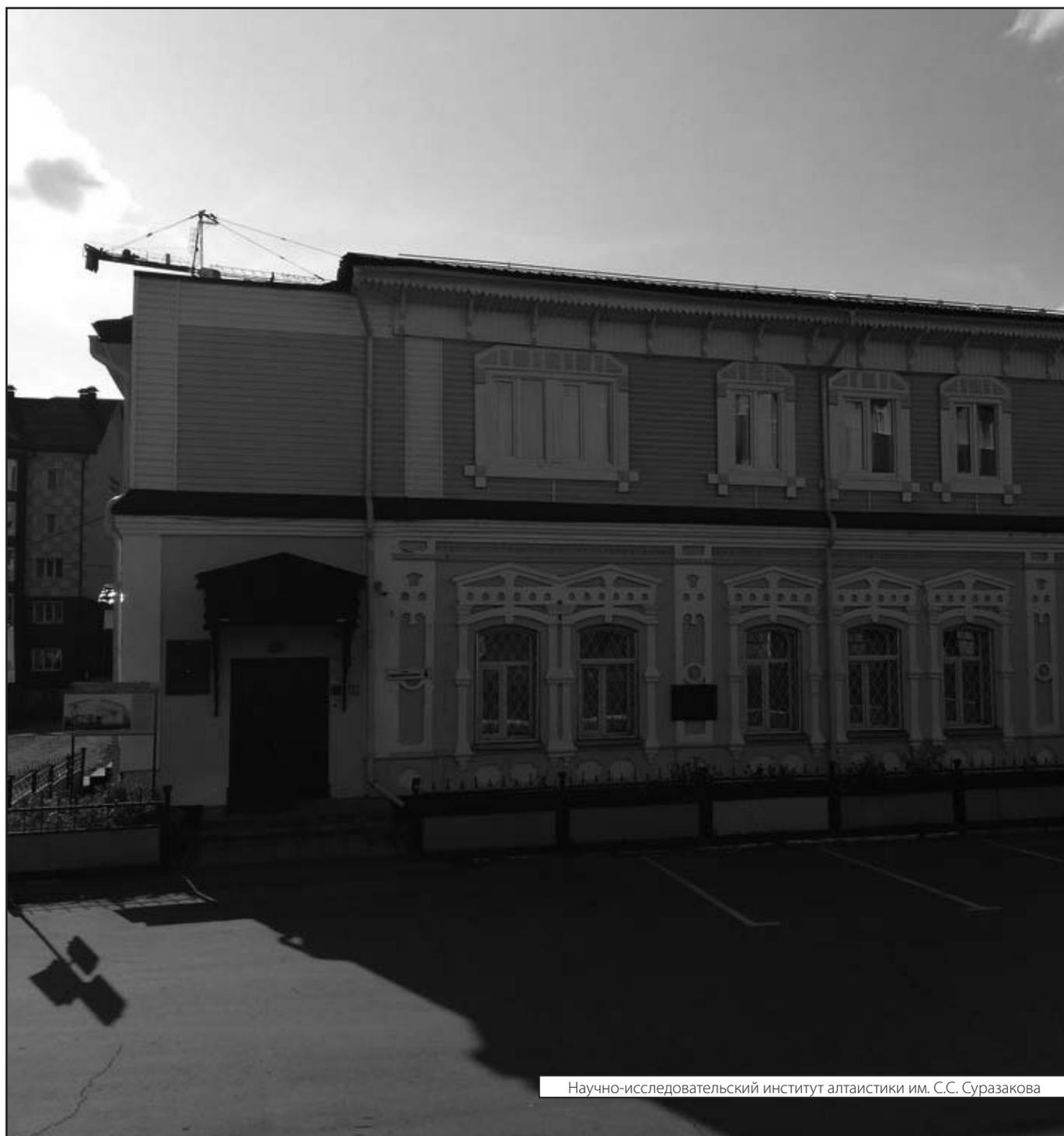
ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайцы: Этническая история и традиционная культура. Современное развитие /НИИ Алтаистики им. С.С. Суразакова; редколл. Н.В. Екеев (отв. ред.), Н.М. Екеева, Э.В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск: Изд-во «ИП Пермяков С.А.», 2014. – 464 с.
2. Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 13.04.2021).
3. Кыдыева В.Я. Чегедек – эпши кижинин кеби. (Чегедек – одежда замужней женщины). – Горно-Алтайск: Изд-во АУ РА Литературно-издательский дом «Алтын-Туу», 2010. – 20 с.: илл. (на алт. яз.).
4. Население Республики Алтай (Системно-структурный анализ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/eposobia/makoshev/> (дата обращения 10.04.2021).
5. Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. N 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/181870/#ixzz6mu9Zycui> (дата обращения: 18.12.2020).
6. Постановлением Совета национальностей Верховного Совета Российской Федерации за №4538-1 от 24.02.1993 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/13207:1> (дата обращения: 25.06.2020).
7. Республика Алтай. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%90%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения 24.02.2021).
8. Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: Изд-во ИПА «Три Л», 1998. – 288 с.

9. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. – М.: Изд-во «Наука». 2006. – 678 с.
10. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70284810/#ixzz4PxTys5pF> (дата обращения: 13.11.2020).
11. Щеглова Т.К. Типы крестьянской архитектуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.altspu.ru/p_arh/russian/pamjatn/type.html (дата обращения: 17.03.2021).

© Енчинов Эркин Валериевич (enchinov_e@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИИ

Кирьянова Ольга Александровна

*К.п.н., преподаватель, Байкальский Государственный
Университет, г. Иркутск
s-slon@bk.ru*

MODERN FORMS OF HOLDING CORPORATE EVENTS IN A BUSINESS ORGANIZATION

O. Kiryanova

Summary: The author of the article discusses the modern forms of holding corporate events in a business organization. The main focus is on the description of the goals, tasks, and functions of corporate events, the concept of «event» is disclosed and the features of the activity of an event agency for organizing corporate events for a business organization are considered. The author concludes that a well-thought-out system of organizing and conducting corporate events plays an important role in the process of cultivating corporate values, in forming loyalty and trust of employees to the management of a business organization, increasing motivation and satisfaction from working in a business organization, and uniting employees for effective and efficient activities of a business organization.

Keywords: corporate culture, corporate event, corporate event goals, event agency.

Аннотация: Автор статьи рассуждает о современных формах проведения корпоративных мероприятий в бизнес-организации. Основной акцент сделан на описание целей, задач и функций корпоративных мероприятий, раскрыто понятия «ивент» и рассмотрены особенности деятельности ивент-агентства по организации корпоративных мероприятий для бизнес-организации. Автор делает вывод о том, что продуманная система организации и проведения корпоративных мероприятий играет важную роль в процессе культивирования корпоративных ценностей, в формировании лояльности и доверия сотрудников руководству бизнес-организации, повышении мотивации и уровня удовлетворения от работы в бизнес-организации, объединения сотрудников для эффективной и результативной деятельности бизнес-организации.

Ключевые слова: корпоративная культура, корпоративное мероприятие, цели корпоративного мероприятия, ивент-агентство.

По мере развития рыночной экономики и глобальных конкурентных процессов, технического прогресса и кризисов, вызванных внешней средой в центр внимания руководителей бизнес-организаций крупного и среднего уровня становится эффективная система по созданию, развитию и управлению корпоративной культурой. Выходят на первый план мягкие факторы конкурентоспособности, связанные с отношениями между людьми. Эти факторы концентрируются в понятии корпоративной культуры, которая является важным институтом современных социально-экономических отношений, элементом социального капитала экономических систем, важным фактором конкурентоспособности организации.

Корпоративная культура, которая объединяет ценности и нормы, стиль и процедуры управления, концепции технологического и социального развития, свойственные организации задает пределы, в которых возможно уверенное принятие решений на каждом из бизнес-уровней, возможности использования ресурсов организации, регламентирует управленческую деятельность, способствует идентификации членов с организацией. Формирование корпоративной культуры сотрудников организаций определяет их готовность и подготовленность в совместном труде выполнять ответственную

профессиональную миссию.

Корпоративная культура бизнес-организации выступает как совокупность значений, образов, символов эталонного корпоративного сознания в той или иной степени полноты, присваиваемых конкретным сотрудником и персоналом бизнес-организации в целом. Преломляясь через систему индивидуальных ценностей, через мировоззрение сотрудника, пространство организационной (корпоративной) культуры формирует системы ценностных представлений и индивидуальные ценностные пространства, обретающее личностный смысл и задающее специфическое ценностное отношение сотрудников к организационной жизнедеятельности. Именно изменение ценностного отношения сотрудников, то есть выработка новой системы ценностей, в рамках корпоративного сознания и представляет собой задачу развития организационно (корпоративной) культуры в бизнес-организациях через продуманное проведение различных по форме и содержанию корпоративных мероприятий как практического инструмента для формирования и усиления корпоративной культуры бизнес-организации.

Корпоративные мероприятия – это один из главных инструментов создания, формирования, развития корпоративной культуры, трансляции ценностей бизнес-ор-

ганизации как своим сотрудникам, так и потребителям товаров или услуг, поставщикам, конкурентам, подрядчикам. Корпоративным мероприятием можно считать любое событие в жизни бизнес-организации, которое не связано с выполнением профессиональных задач и в котором участвуют ее сотрудники. Корпоративные мероприятия позволяют успешно решать такие задачи, как повышение лояльности к компании, нематериальная мотивация сотрудников, командообразование.

Мероприятие – это специально организованное действие для осуществления какой-либо цели.

Корпоративное мероприятие – это специально организованное действие или совокупность действий для осуществления конкретной, важной и актуальной цели для бизнес-организации.

Основные цели организации и проведения корпоративных мероприятий:

1. Сплотить коллектив бизнес-организации. Корпоративное мероприятие работает как эффективный инструмент только в том случае, если на этапе подготовки организаторы четко сформулируют цели и задачи, которые могут быть решены с помощью корпоративного мероприятия.
2. Отметить лучших сотрудников. Корпоративное мероприятие помогает руководству бизнес-организации проявить свое расположение и заботу о сотрудниках, помогает наглядно продемонстрировать благодарность руководства как к команде сотрудников, персонала вместе, так и индивидуально, поощрить, наградить, отметить, поблагодарить за работу в бизнес-организации.
3. Наладить коммуникации. Между молодым и старшим поколениями, между разрозненными отделами, между новичками и опытными работниками, вовлечь в мероприятие коллектив и дать возможность неформального общения.
4. Познакомить сотрудников с изменениями, нововведениями, реорганизацией, новыми назначениями. Запланированные как часть мероприятия такие новости воспринимаются спокойнее, позволяют наладить неформальные коммуникации.

Корпоративное мероприятие – это социально-культурный феномен, который объединяет в себе несколько функций:

1. Функция объединения. На корпоративном мероприятии сотрудники бизнес-организации находятся вместе не формально, в рамках статуса, уровня должности, опыта, стажа, роли в бизнес-организации, а на равных, как сотрудники коллектива бизнес-организации. Одновременно и вместе получают развлекательную, познавательную или обучающую информацию, все вместе ее пере-

живают или погружаются в предлагаемые обстоятельства корпоративного мероприятия, взаимодействуют и тем самым сближаются друг с другом.

2. Функция просвещения. На каждом мероприятии сотрудники получают какую-то новую информацию о самой бизнес-организации, ее успехах, результатах, количественных и качественных показателях работы; о целях и задачах своей деятельности в коллективе бизнес-организации, о истории ее создания, а также о миссии, целях и бизнес-процессах, в которые они включены. Новая информация присутствует и в развлекательных, календарных праздниках, сотрудники бизнес-организации прирастают новыми знаниями, которые воспринимаются лучше и полнее в неформальной обстановке.
3. Функция развлечения. На каждом корпоративном мероприятии, даже делового и развлекательного формата есть развлекательные части, которые позволяют сотрудникам бизнес-организации переключиться из реальности в плоскость воображения, забыть на время о действительности и получить удовольствие от предлагаемых развлечений.
4. Функция релакса, расслабления. Корпоративные мероприятия переключают восприятие и внимание сотрудников на неформальные отношения и взаимодействие, предлагают другие, отличные от профессиональных действия и возможности, раскрывают индивидуальные возможности сотрудников. Корпоративное мероприятие дает возможность персоналу бизнес-организации побыть в безопасной среде со «своими» людьми, на одной волне и отключиться от забот, проблем, суеты, и почувствовать нужность и важность своей работы, личности, участия в работе бизнес-организации.
5. Функция раскрытия потенциала. Некоторые корпоративные мероприятия предполагают различные организационные задания или творческие конкурсы, которые позволяют сотрудникам проявить свои творческие способности, лидерские и организационные качества.
6. Функция мотивации на дальнейшую деятельность в бизнес-организации. В результате грамотно проведенного мероприятия, на котором сотрудник получил признание, развлечение, обучение или неформальное общение, у сотрудников возникает благодарность к бизнес-организации, вдохновение и мотивация продолжать трудиться в ней и дальше и становиться «адвокатом бренда» – популяризатором идей, продуктов, товаром или услуг бизнес-организации.

Корпоративные мероприятия помогают бизнес-организации создать положительный имидж как внешний,

работающий на репутацию, так и внутренний, работающий на сотрудников, персонал организации, повышая мотивацию работать и удерживая сотрудников на своих местах и должностях.

Организацией корпоративных мероприятий для бизнес-организаций занимается отдельный сектор экономики, специализирующийся на услугах по подготовке и проведению мероприятий различных форматов, видов, жанров и уровней, это – ивент-агентства.

Event (с англ. «событие») — публичное мероприятие, которое носит развлекательный, деловой и/или рекламный характер.

В России ивент-индустрия начала развиваться в конце 20 века, когда на рынке появился спрос на организаторов, ивент-менеджеров и компании, ивент-агентства, предоставляющие услуги по организации мероприятий. Большинство ивент-агентств специализируются на рынке «B2B», что переводится как «бизнес для бизнеса», где одна бизнес-организация, заказчик корпоративного мероприятия, приобретает у другой бизнес-организации, исполнителя, подрядчика, поставщика, набор услуг по организации, подготовке, контролю и проведению части корпоративного мероприятия или всего мероприятия в целом. На оказание услуг по организации и проведению мероприятия заключается Договор возмездного оказания услуг, расчет за оказанные услуги производится по безналичной форме оплаты на основании подписанного сторонами Акта приема и сдачи оказанных услуг. Ивент-агентства могут быть по своему профилю деятельности узкоспециализированными, например, организовывать и проводить только выездные командообразующие или только деловые мероприятия, или многопрофильными, выполняющими заказы на проведение различных по видам и жанрам корпоративных мероприятий: тематические праздники, профессиональные конкурсы, презентации и другие.

При организации и проведении корпоративного мероприятия любого вида или жанра, ивент-агентство учитывает правило «4-P», уточняет у заказчика 4 главных компонента: место (Place), цели и принципы (Principles), программа (Programm) и участники (Participants). Уточнение содержания и наполнения каждого из элементов «4-P» системы гарантирует успех корпоративному мероприятию и достижение поставленных целей его проведения.

Значимость и событийность корпоративного мероприятия определяются общими принципами, которые помогают на этапе подготовки проверить его содержание, наполнение, цели, задачи, способы организации и вовлечение сотрудников:

- абсолютная добровольность участия и согласие на все принимаемые обязательные и условные правила поведения на мероприятии;
- свободный выбор разнообразных сюжетов, ролей, положений, предложений, отличных от видов и результатов бизнес-процессов, от деятельности бизнес-организации;
- возможность для каждого участника корпоративного мероприятия иметь пространство, время и место для творческого выхода своей индивидуальности или личного участия в какой-либо из частей мероприятия;
- системность, цикличность и целесообразность в проведении корпоративных мероприятий с учетом календарных праздников, профессиональных праздников, календаря обучающих и деловых мероприятий;
- коммуникативный характер проводимых корпоративных мероприятий и событий, предполагающий максимальные возможности для неформального общения, свободы самовыражения, творчества, лидерских и организационных качеств.
- учет в корпоративных мероприятиях традиций, вбирающих в себя ритуалы, церемонии, символов и атрибутов корпоративного стиля бизнес-организации.

Постановка целей – главный ориентир и отправная точка в процессе подготовки и реализации корпоративного мероприятия. Перед созданием концепции мероприятия заказчик, руководитель бизнес-организации и ивент-организатор, представитель ивент-агентства уточняют и согласовывают цель проведения корпоративного мероприятия. Ивент-организатор доводит главную цель до всех участниками процесса организации и проведения мероприятия. Это позволяет достичь максимального эффекта при подготовке всех частей мероприятия, добиться координации в сроках исполнения услуг и единого понимания необходимости, уместности, логики и баланса всех действий, элементов, частей корпоративного мероприятия. Цели корпоративного мероприятия могут быть рациональным и иррациональными. Рассмотрим каждую из них.

Рациональные цели на корпоративном мероприятии:

1. знакомство, введение новых должностей, видом деятельности, линейки продуктов, корпоративных ценностей и символики, представление новых сотрудников, достижений, перспектив, планов развития;
2. формирование желаемого будущего; инициирование или запуск процесса обучения, развития, структурирования; отстранение от прошлого, внедрение инновационных идей, продуктов, ус-

- луг;
3. ребрендинг (смена названия, логотипа, корпоративной символики); следование традициям с восстановлением утраченных смыслов: наставничество, корпоративные ритуалы, система обучения, развития и мотивации сотрудников;
 4. организация досуга: управление временем, вниманием, поведением сотрудников, их активное вовлечение в ход корпоративного мероприятия.

К иррациональным целям корпоративного мероприятия можно отнести:

1. адаптация: возможность привыкнуть к чему-либо; войти в обстоятельства времени и места, принять, понять, осознать, запомнить;
2. интеграция: направление на соединение с внешней средой или на внутренние коммуникации, объединение сотрудников, командообразование;
3. целедостижение: опыт совместного достижения сотрудниками бизнес-организации поставленных целей, акцент на том, что деятельность каждого влияет на продвижение общей цели;
4. поддержание ценностных стандартов бизнес-организации: однозначное понимание сотрудниками основных ценностей компании, ее миссии, целей, планов, уникальности и уровня деятельности.

Рациональные и/или иррациональные цели корпоративного мероприятия – адаптация, интеграция, объединение, целедостижение, поддержание ценностных стандартов являются основой содержания корпоративного мероприятия и работают на главную, масштабную, глобальную цель бизнес-организации – формирование и поддержание корпоративной культуры и гармонизация организационной структуры для эффективной и результативной деятельности бизнес-организации.

Установка на достижение поставленных целей предполагает постановку и выполнение определенных и конкретных задач в процессе подготовки и проведения корпоративного мероприятия.

1. Определение организатора корпоративного мероприятия. Выбор основного подрядчика, ивент-агентства, берущего на себя основную организационную и творческую нагрузку.
2. Определение круга участников мероприятия, их роли, план действий и уровень участия.
3. Выбор места проведения праздника с учетом всех организационных, технических и творческих задач корпоративного мероприятия.
4. Разработка тайминга, плана, подробной программы и сценария корпоративного праздника.
5. Координация всех частей, элементов корпоративного мероприятия до, вовремя и после его проведения, управление всеми участниками ме-

роприятия: подрядчики, артисты, гости, зрители, представители СМИ.

6. Подведение итогов, анализ результатов проведенного корпоративного мероприятия: достижение цели и выполнение задач, анализ ошибок и форс-мажоров, получение обратной связи от всех участников его проведения и сотрудников бизнес-организации, отслеживание изменений в межличностной внутренней коммуникации, изменение психологического микроклимата в коллективе сотрудников, реакция и отзывы в средствах массовой информации.
7. Корректировка системы подготовки и проведения следующих корпоративных мероприятий.

Четкое выполнение вышеизложенного плана подготовки и проведения корпоративного мероприятия гарантирует выполнение заложенных в него целей и задач, успех у сотрудников бизнес-организации, универсальность применения как в формате «офлайн», так и в формате «онлайн».

До конца 2020 года большинство корпоративных мероприятий проводилось в формате «офлайн», с введением ограничений на проведение массовых мероприятий с марта 2020 года актуальным и востребованным стало проведение корпоративных мероприятий в формате «онлайн». Уточним что означают данные форматы и в чем их различие.

Офлайн – (англ. offline, «отключённый от сети») – термин, применяющийся к чему-либо не связанному с Интернетом, противоположно термину «онлайн». Изначально – «онлайн» и «офлайн» («на линии» и «вне линии») – англоязычные технические термины, обозначающие состояние специального электронного оборудования, но к настоящему времени они вошли во многие языки мира как общеупотребительные слова. Применительно к организации и проведению мероприятий: мероприятия «офлайн» – это мероприятия, проходящие в традиционном формате, с активным вовлечением в непосредственное живое общение максимального количество его участников и без применения сети Интернет.

«Онлайн» корпоративные мероприятия проводились и до 2020 года как деловые события: конференции, вебинары, семинары, прямые включения гостей с докладом, приветствием или поздравлением для всех участников корпоративного мероприятия.

Перевод большинства бизнес-организаций на удаленный формат деятельности, отсутствие возможности проведения мероприятий в привычном формате и потребность сохранить традиции проведения корпоратив-

ных мероприятий развернуло вектор поиска решения этой ситуации в онлайн форматы. Появились онлайн-студии и контент-студии, оборудованные видео-, аудио-аппаратурой, световыми приборами, видео-экранами и предлагающие свои ресурсы для создания видео-контента, в том числе для записи или съемки в прямом эфире корпоративных мероприятий различных видов и жанров. Более конкретно о процессе и проблемах организации и подготовки корпоративных мероприятий мы поговорим во второй и третьей главах нашего исследования

В настоящий момент мы наблюдаем появление но-

вых возможностей для организации корпоративных мероприятий, как важной части корпоративной культуры, через активное привлечение информационных технологий в формате онлайн.

Продуманная система организации и проведения корпоративных мероприятий играет важную роль в процессе культивирования корпоративных ценностей, в формировании лояльности и доверия сотрудников руководству бизнес-организации, повышении мотивации и уровня удовлетворения от работы в бизнес-организации, объединения сотрудников для эффективной и результативной деятельности бизнес-организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жемчугов А.М. Организационная культура / А.М. Жемчугов, М.К. Жемчугов // Проблемы экономики и менеджмента. – 2012. – № 10. – С. 4–26.
2. Колос А.Л. Место и роль организационной культуры в антикризисном управлении предприятием / А.Л. Колос, Д.А. Репка // Приборостроение 99: материалы междунар. науч.-техн. конф., Калуга, 1999. – (спец. вып.). – С. 8–11.
3. Корпоративная культура: учеб. пособие / под ред. А.Г. Поршнева, Б.З. Мильнера. – Москва: Изд-во Гос. ун-та управления, 2003. – 278 с.
4. Могутнова Н.Н. Корпоративная культура: понятие, подходы / Н.Н. Могутнова // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 132–139.
5. Погребняк В.А. Культура организации как объект регулярного управления / В.А. Погребняк // Вопросы управления предприятием. – 2005. – № 1 (13). – С. 59–64.
6. Смирнова И.А. Корпоративная культура организации: психолого-акмеологические основы формирования и развития корпоративной культуры организации / И.А. Смирнова. – Москва : КДУ, 2009. – 194 с.
7. Спивак В.А. Корпоративная культура: теория и практика / В.А. Спивак. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 345 с.
8. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / Э. Шейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 336 с.
9. Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации / С.В. Шекшня. – Москва: Интел-синтез, 1996. – 297 с.
10. Шинкаренко О.Н. Корпоративная культура: мифы и реальность / О.Н. Шинкаренко // Кадры предприятия. – 2011. – №9. – С. 34–35.

© Кирьянова Ольга Александровна (s-slon@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА В КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКАХ¹

Цзян Дань

Аспирант, Забайкальский государственный университет; доцент, Хэйхэский университет Китая
waiyuxijiangdan@163.com

RESEARCH ON THE CROSS-CULTURAL CONFLICT IN SINO-RUSSIAN TRANSNATIONAL MARRIAGE

Jiang Dan

Summary: In recent years, the number of transnational marriages has been increasing, especially in border areas. The advantages of geographical factors, the development of tourism, the promotion of academic exchanges and the friendly relations between the neighboring two countries have made the residents of the two countries closer. Although Sino-Russian transnational marriages are not contemporary mainstream marriages, the stability of their marriages continues to increase and the speed of development continues to increase, which not only deepens the friendly exchanges between the two countries, but also enables further cultural exchanges between the two countries. However, with the development of economy and the deepening of global integration, the phenomenon of transnational marriages makes cross-cultural conflicts in transnational marriages unavoidable.

Keywords: China and Russia, transnational marriage, cross-cultural conflict.

Аннотация: В последние годы наблюдается тенденция к увеличению числа транснациональных браков, особенно на приграничных территориях. Преимущественно географические факторы, развитие туризма, содействие академическим обменам и дружеские отношения между двумя соседними странами сделали жителей России и Китая ближе. Хотя китайско-российские транснациональные браки не являются современными обычными браками, их численность продолжает расти, что не только углубляет дружеские обмены между двумя странами, но и способствует дальнейшему культурному обмену между ними. Однако с развитием экономики и углублением глобальной интеграции феномен транснациональных браков делает неизбежными межкультурные конфликты в транснациональных браках.

Ключевые слова: Китай и Россия, транснациональный брак, межкультурный конфликт.

Введение

С развитием глобализации количество транснациональных браков и отношений между жителями соседних стран стало увеличиваться в современном мире. Этому способствует дружественное развитие китайско-российских отношений, что оказало влияние на увеличение китайско-российских транснациональных браков. Глобализация культуры также стала причиной роста китайско-российских транснациональных браков и любви между супругами разных национальностей. Транснациональный брак определяется как брачные отношения, выходящие за пределы национальных границ и между людьми из разных стран. Однако из-за наличия культурных различий китайско-российские транснациональные браки имеют культурные конфликты, которых нет в обычных внутриэтнических браках. Китайско-российские транснациональные супруги развивают свои отношения, поддерживают свой брак, обретают счастье,

поскольку культурная адаптация стала единственным способом развития китайско-российских транснациональных супругов.

Китайско-российский транснациональный брак и любовь – это практическая область культурной адаптации. Успешная культурная адаптация способствовала счастливому и благоприятному российско-китайскому транснациональному браку и любви. Неудачная культурная адаптация вызывает несчастья и трагедию. В результате в китайско-российских транснациональных браках по любви выявлены культурные конфликты и проблемы адаптации. Кроме того, культурная адаптация является важным фактором межкультурного общения.

Исследование и обсуждение проблемы культурной адаптации способствует развитию исследований межкультурной коммуникации, а также дополнению исследований социологии.

¹ Данная статья публикуется в рамках научно-исследовательского проекта основного операционного расхода вузов в провинции Хэйлуцзян 2018 г. на тему «Исследование изменений истории и нынешнего состояния китайских мигрантов на фоне районов в России». Проект:2018-KYYWF-1283.

I. Причины межкультурных конфликтов в китайско-российских транснациональных браках

1. Исторические причины формирования межкультурных конфликтов в китайско-российских транснациональных браках

Китай и Россия всегда были дружественными странами, сохраняющими отношения сотрудничества. В связи с постоянным углублением политических, экономических, торговых и личных обменов между двумя странами, некоторые мероприятия, такие как «Год страны», значительно способствовали развитию и обогащению друг друга, взаимопониманию между народами двух стран и традиционной дружбе между странами. В последние годы между Китаем и Россией становится все больше транснациональных браков.

Отметим, что китайско-российские транснациональные браки имеют давнюю историю. До «Октябрьской революции» в России в 1917 году значительное количество китайцев уезжало в Россию работать шахтерами. После «Октябрьской революции» большое количество россиян перебралось на китайскую границу, чтобы поселиться в Китай. Количество транснациональных браков резко возросло. После реформы и открытости, хотя китайско-российские транснациональные браки подвергались определенным юридическим ограничениям, они все еще растут [2, с. 133].

С конца XIX до начала XX века китайско-российские транснациональные браки набирали популярность. Большое количество китайских рабочих и китайских бизнесменов познакомилась с русскими женщинами на производстве, в труде и в жизни, и у них возникла взаимная привязанность. Русскими женщинами приветствовались такие хорошие качества китайских мужчин, как трудолюбие, прагматичность, сильное чувство ответственности и холодное отношение к алкоголю. Многие китайцы часто женятся на русских женщинах. В этот период количество китайско-российских браков продолжало расти, увеличивая количество зарубежных китайских браков в Амурской и Приморской областях.

В соответствии с российским законодательством китайцы, живущие за границей, должны официально присоединиться к Православной церкви и пройти формальное крещение в церкви, прежде чем они смогут вступить в брак со здоровой россиянкой. Только вступив в брак с русской женщиной, китайцы за границей могут получить право на законное проживание в России и единственный способ получить российское гражданство. Многие китайцы, живущие в России, не могут отказаться от традиционной китайской культуры и жениться на местной

русской женщине. Это ограничивается добровольным фактическим браком и не может быть защищено законом. По статистике между Китаем и Россией в деревнях вдоль реки Эргун было 33 таких смешанных брака. Российские местные власти осторожно относятся к смешанным бракам между Россией и Китаем. Потому что многие китайцы молодого и среднего возраста за границей уже вступили в брак в своих родных городах, а их жены заботятся о своих родителях и детях дома. Такие мужчины на русских женщинах женятся второй раз, имея первую законную супругу в Китае [3, с. 313]. Если русская женщина не поедет за мужем обратно в деревню после замужества, ее бросят. Согласно российскому законодательству, если русская женщина вступает в брак с китайцем и не может продолжать жить в России, русские женщины и их дети, которые поселяются в Китае, автоматически теряют свое российское гражданство. Многие русские женщины не могут покинуть свои семьи, поэтому они отказываются от российского гражданства и возвращаются в страну вместе со своими мужьями.

В течение 1920-х и 1950-х годов из-за политических факторов количество смешанных браков между Китаем и Россией увеличилось. Из-за особого географического положения в приграничной зоне Китая и России проживает множество смешанных семей из Китая и России, которые образуют уникальные русские деревни, способствуя развитию интеграции еды, языка, одежды, культуры и других аспектов жителей приграничных территорий Китая и России. Российские ученые считают, что правительство Китая активно продвигает и решительно поддерживает смешанные браки между Россией и Китаем с целью ассимиляции русской нации. Соседи на Дальнем Востоке используют форму транснационального брака для интеграции. Кристаллизация этого смешанного брака – китайские и русские дети смешанной расы получают образование в условиях слияния двух разных культур, поэтому существуют определенные межкультурные коммуникативные барьеры. Что касается будущего роста детей, существует определенная проблема разделения сознания «этой нации» и «другой нации», что является первопричиной межкультурных конфликтов между китайско-российскими транснациональными браками.

2. Сознательные причины формирования межкультурных конфликтов в китайско-российских транснациональных браках

У.Б. Гудикунст, специалист по межкультурным коммуникациям, считает, что культурное измерение индивидуализма и коллективизма обеспечивает мощную основу для лучшего понимания культурных различий в личном общении. Этот уровень незаменим, особенно когда речь

идет о культурных различиях. Ценностная ориентация индивидуализма и коллективизма может отражаться в нашей повседневной жизни, в школах, офисах и семьях. Следовательно, в межкультурном браке основными переменными факторами являются индивидуализм и коллективизм. Он провел много исследований своих ученых [4, с. 87].

Триандис считает, что индивидуализм и коллективизм являются наиболее важными факторами, различающими культуры. В культуре индивидуализма люди склонны заботиться о себе и своих семьях, отстаивают независимость, конфиденциальность и сосредотачиваются на себе. Напротив, в коллективистской культуре люди несут ответственность и обязательства перед группой, что превышает значение власти, и люди всецело завязаны от организации. Функции коллективизма и индивидуализма воплощены в стиле общения высокого и низкого контекста. Характеристики высокого контекста – эвфемизм, расплывчатость, размышление и молчание. Характеристики низкого контекстного общения: прямые, ясные, открытые и точные. Первый подходит для коллективистской культуры, а второй – для индивидуалистической культуры. В китайско-российских транснациональных браках влияние высокого и низкого контекста относительно велико. Это влияние в основном отражается в различных способах выражения и даже мышления. Для России, которая привыкла использовать четкую информацию, непросто понять значение китайских выражений [5, с. 54]. Из-за разницы в самовыражении в многонациональных браках часто возникают небольшие разногласия.

Внутреннее различие в групповом сознании также является причиной конфликтов и разногласий. Так называемая внутренняя группа относится к группе, которая важна для человека. В индивидуалистической культуре у людей есть много определенных внутренних групп, таких как социальные клубы, религиозные организации, семьи, профессиональные организации и т.д. В коллективизме не так много внутренних групп, принадлежащих отдельным лицам, таких как рабочие единицы, семьи, школы и т.д. Таким образом, из-за многочисленности внутригрупповых отношений в индивидуализме их влияние на индивидов относительно слабо, а в культуре коллективизма влияние внутригрупповых явлений относительно невелико. В китайско-российских транснациональных браках влияние внутригруппового сознания может проявляться в двух аспектах. С одной стороны, это влияние общества на транснациональные браки, особенно в Китае. Китайцы уделяют большое внимание группам, в которых они принимают участие. Вся страна представляет собой группу, обычно очень «чужую», и рассматривает Россию как аутсайдера или даже злоумышленника. Поэтому некоторые китайские и российские транснаци-

ональные браки покидают эту среду, чтобы сохранить свои браки. С другой стороны, в китайско-российских транснациональных браках русские рассматривают жен и мужей как внутреннюю группу, в то время как китайцы думают, что члены семьи и родственники их партнеров все находятся в одной внутренней группе, так что «один человек получает выгоду, праведность». Пословица «Курица и собака восходят на небо». Различное сознание внутри группы в определенной степени повлияло на китайско-российские транснациональные браки.

II. Межкультурные конфликты в китайско-российских межкультурных браках

1. Конфликт культуры языка

Язык является основным выражением человеческой культуры. Языковое общение позволяет понимать друг друга. Напротив, языковые различия также могут стать причиной конфликтов. Следовательно, язык склонен вызывать противоречия в жизни китайско-российских транснациональных браков. Неспособность общаться на языке своего партнера будет мешать проявлению чувств и эмоций, пониманию и принятию своего партнера. Непонимание языка супруга в китайско-российском транснациональном браке является частой причиной конфликтов [1, с. 155]. Пары с высоким уровнем образования в китайско-российском транснациональном браке могут общаться более эффективно, чем пары с более низким уровнем образования. Таким образом, пары с высоким уровнем образования имеют меньше конфликтов при языковой адаптации и могут понимать друг друга. Для пар в китайско-российских транснациональных браках, когда есть языковой и культурный барьер, обе стороны должны медленно адаптироваться друг к другу, и им также нужно постепенно находить общий язык с членами своей семьи, чтобы уменьшить количество конфликтов.

2. Конфликт культуры питания

Диета – это самая основная потребность человека и потребность самого низкого уровня для удовлетворения физиологических потребностей людей. Диета является основой человеческого существования. После удовлетворения основных потребностей потребности людей в питании будут постепенно увеличиваться. На пищевые привычки различных регионов влияют историческое наследие, географическая среда, демографический статус и религиозные влияния. Культуры питания Китая и России уникальны и привлекательны, но когда эти две привычки переплетаются, различия в культуре питания порождают конфликты. Прежде всего, это проявляется в разных вкусах еды. Большинство китайцев в России –

северяне, в то время как северная кухня в основном тушеная, соусная и жареная. Китайские блюда отличаются ярко выраженным вкусом, разнообразием приправ, при этом русская еда не так вкусна, как китайская, имеет более легкий вкус. Во-вторых, это проявляется в разных способах питания. Для россиян хлеб и чай обязательно должны присутствовать на столе во время еды. Россияне склонны употреблять алкогольную продукцию. В дополнение к обычным приемам пищи они предпочитают полдник. Постоянная привычка есть заставляет китайцев чувствовать, что русские тратят много времени на приготовление еды, а русские считают, что китайцы просто не наслаждаются жизнью. Кроме того, русские предпочитают вино, но для китайцев вино – это только форма общения, а алкогольное поведение проявляется только за обеденным столом. Для китайско-российских трансграничных браков это также может стать причиной конфликта.

3. Конфликт образовательных процессов

Образование всегда было серьезной проблемой и важной задачей в Китае. Что касается образования детей, то китайские родители обычно считают, что образование детей должно начинаться в раннем возрасте. Поэтому они используют методики раннего развития детей. Этот метод соответствует свободному мышлению. Русские родители стараются не навязывать своим детям дополнительное обучение, за исключением обычного школьного обучения и интереса детей к учебе.

Поэтому в межгосударственных браках между Китаем и Россией, когда образовательная идеология, основанная на самовыражении, вступает в противоречие с интенсивным обучением, возникают разногласия относительно концепции обучения и способа воспитания ребенка. В традиционной китайской семье существует четкое разделение труда между мужчинами и женщинами, и женщины должны нести ответственность за все семейные дела, включая воспитание детей. Когда они сталкиваются с китайско-российской трансграничной брачной семьей, то ответственность на воспитании детей ложится на женщину. В образовательной концепции русских женщин развитие личности детей – нормальное явление, и больше внимания уделяется воспитанию детской самостоятельности, что неизбежно приведет к конфликтам, вызванным культурными различиями.

Китайско-российский трансграничный брак – это процесс культурной адаптации. Можно сказать, что счастливые трансграничные браки возникают из-за успешной культурной адаптации, в то время как неудачные трансграничные браки возникают из-за

неудавшейся культурной адаптации. Обычно считается, что культурная адаптация имеет два аспекта: психологическая адаптация и социокультурная адаптация. Межкультурная адаптация в основном включает изменения в поведении и психологии людей, которые имеют межкультурный контакт, а культурная интеграция в основном включает изменения в познании, отношениях и ценностях. В процессе китайско-российского трансграничного брака первая стадия – сладкая. В этот период, из-за взаимного предпочтения двух сторон, культурные различия также будут ощущаться меньше, поскольку супруги недавно вступили в брак. По мере увеличения времени, проведенного вместе, неизбежно возникнут конфликты. Этот период является испытанием для обеих сторон в китайско-российских трансграничных браках, и они получают более глубокое понимание друг друга. Если вы хорошо понимаете и адаптируетесь друг к другу в этот период, конфликты могут разрешиться, и счастливый брак продолжится. Если этого не произойдет, случится неминуемый развод.

Заключение

С развитием глобализации и углублением китайско-российских дружеских отношений китайско-российские трансграничные браки становятся все более распространенными. Но вкус подобен человеку, пьющему воду, зная, что она холодная или теплая. С одной стороны, китайские и российские трансграничные браки хотят непредвзято принимать красивых невест или красивых женихов из стран с культурными различиями. С другой стороны, они естественным образом отвергают те части, которые слишком противоречат их собственной культуре. В этом романтическом и противоречивом процессе обе стороны должны уважать культурное разнообразие, понимать и терпимо относиться друг к другу, и тогда будет счастливый трансграничный брак. Счастливые международные браки часто требуют больше терпения, понимания и внимания.

Хотя культурные конфликты между этническими группами распространены повсеместно, большинство китайско-российских трансграничных браков являются стабильными и хорошими. С развитием Интернета, туризма и обучения за рубежом, а также с постепенным открытием китайской концепции трансграничного брака и любви, обмена между людьми Китая и России станут еще больше. Близкие и глубокие люди будут выбирать трансграничные браки более тщательно и рационально, а сила любви будет способствовать взаимной интеграции культур двух стран, так что качество трансграничных браков будут становиться все выше и выше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дин, Лин. Межкультурная коммуникация – о культурном конфликте в транснациональных браках / Лин Дин // Библиотека знаний – 2019. – № 12. – С. 154-159.
2. Ли, Кэ. Обзор китайско-российских транснациональных браков: на примере Ланьчжоу / Кэ Ли // Естественнонаучное образование. – 2009 – № 27. – С. 132-136.
3. Лукин, А.В., Иванов, А.В. Российско-китайские отношения: проблемы и перспективы / А.В. Лукин, А.В. Иванов // Вестник МГИМО университета. – № 3. – С. 312-317.
4. Gudykunst, W.B. An Anxiety/Uncertainty Management (AUM) Theory of Strangers' Intercultural Adjustment / W. B. Gudykunst // Theorizing about intercultural communication. – 2005. – Pp. 419–457.
5. Triandis, Harry S. Individualism and collectivism / Harry S. Triandis: New Directions in Social Psychology. – 1995. – 250 p.

© Цзян Дань (waiyuxijiangdan@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВАЯ СФЕРА И ЕЕ РАЗВИТИЕ В ИНТЕГРАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Абу-Талеб Дарья Викторовна

Соискатель, Институт психологии творчества
onedeka@mail.ru

EMOTIONAL-VOLITIONAL SPHERE AND ITS DEVELOPMENT IN INTEGRAL EDUCATION

D. Abu-Taleb

Summary: The author believes that in modern education the external locus of control and external factors of student motivation are not important, but the psychosemantic space of integral education is important, which is a system of values, meanings and motives that can induce learning activities. The emotional-volitional sphere of students is formed under the influence not of an external locus of control, but of the social experience that they receive in an integral educational environment. Also, the formation of the emotional-volitional sphere of the individual within the framework of integral education is influenced by: the atmosphere of cooperation and empathy, which can give positive reinforcement to the success of educational activities.

Keywords: integral education, paternalism, external locus of control, emotional-volitional sphere, psychosemantic space, motivation.

Аннотация: Автор полагает, что в современном образовании важен не столько внешний локус контроля и внешние факторы мотивации учащегося, сколько особое психосемантическое пространство интегрального образования, представляющее собой систему ценностей, смыслов и мотивов, способную побуждать к учебной деятельности. Эмоционально-волевая сфера учащихся формируется под влиянием не внешнего локуса контроля, а социального опыта, который они имеют возможность получить в интегральной образовательной среде. Также на формирование эмоционально-волевой сферы личности в рамках интегрального образования влияет: атмосфера сотрудничества и эмпатии, которая способна дать положительное подкрепление успехам учебной деятельности.

Ключевые слова: интегральное образование, патернализм, внешний локус контроля, эмоционально-волевая сфера, психосемантическое пространство, мотивация.

Актуальность темы интегрального образования в современном мире связана с глобализацией, информатизацией и виртуализацией современных социально-культурных пространств. Кроме того, тема интегрального образования важна в контексте растущей человекоразмерности современного мира, опознавания значимости прав человека, установления всеобщего равенства в качестве основополагающего морально-этического принципа. Интегральное образование направлено на формирование аксиосферы человека и развитие его в качестве самоактуализирующейся личности. Отличительной чертой интегрального образования является применение ряда подходов, среди которых: интегративный (в частности, подход интегративной психологии), коммуникативный (ненасильственная коммуникация), коучинговый (преподаватели в интегральном образовании выполняют функции коуча – ментора, помогающего практика).

Еще одной чертой интегрального образования является (выделенная нами) “интегральная субординация” как особый подход к субординации, управлению, начальствованию в образовательной среде. По нашему мнению, классическая субординация в образовании, устоявшаяся со времен популярности прусской системы, устарела, поскольку направлена не на развитие свободной творческой личности, а на формирование идеального исполнителя, нуждающегося в обязательном

руководстве сверху. Иными словами, в современной образовательной сфере (в частности, в школьном образовании) необходим переход от вертикальной коммуникации – к горизонтальной. Вертикальная коммуникация также предполагает безусловное подчинение руководителю, что, по нашему мнению, не актуально в современном мире, где каждый должен уметь самостоятельно ориентироваться в смысловом и информационном поле, а также – в ценностном поле, действуя в соответствии с собственными ценностями.

Классическая школьная система отчасти построена на негативной мотивации в виде внешнего локуса контроля и манипуляций негативными санкциями (оценками, угрозами отчисления и т.д.). В современном мире абсолютная актуальность внешнего локуса контроля, в том числе – в образовательной среде, – поддается сомнению. Все больше родителей хотят видеть в своих детях самостоятельных личностей, способных делать собственные жизненные выборы и способных к целенаправленной деятельности с внутренним локусом контроля и внутренней мотивацией.

Итак, еще одним недостатком образовательных систем прошлого является патерналистский подход в образовании. О сущностных чертах патернализма в образовании – статьи М.С. Леонтьевой “Патернализм в обучении и воспитании детей-сирот” [12], А.В. Петрова

“Патернализм в педагогике: препятствие или основание учебного процесса” [16] и других. Патернализм в образовательной среде выражен, в частности, в авторитарном стиле преподавания и руководства учащимися, в четкой субординации, в определенной системе правил (часто чрезмерной), сформированной без участия самих учащихся (то есть, не предполагающий демократического волеизъявления учащихся). Патернализм в образовании нельзя охарактеризовать как однозначно негативное явление, необходимо оценивать этот феномен во множестве его значимых сторон. Мы, однако, рассматриваем патернализм в современном образовании как пережиток прошлого, некогда необходимый, а сейчас, скорее, негативный. Мы полагаем, что современное образование должно быть нацелено на формирование свободной личности, способной к самоопределению и самоактуализации, что крайне сложно достигается патерналистскими методами воспитания и образования. В этом смысле, мы противопоставляем патерналистскому подходу в образовании – личностный подход, о котором напишем ниже.

Патерналистский подход в образовании несовместим с ценностями интегрального образования, даже если рассматривать исключительно положительные эффекты патернализма, а также – “подлинный патернализм” как его высшую форму, потому что, согласно нашему видению, патернализм – форма несвободы человека. “Г.Д. Левин [11] понимает патернализм как особую форму несвободы (путь к несчастью по воле другого человека), мимикрирующую под бескорыстную, отеческую заботу о благе индивида. Наряду с этим, он считает, что существует подлинный патернализм, т.е. действительно альтруистическая забота одного человека о благе другого, восходящий своими корнями в мировые религии, прежде всего в христианство. Такой подход позволяет выделить признаки абсолютного патернализма. К ним относятся: всеблагость, полное бескорыстие (идеальный «патрон» не ожидает от своего клиента эквивалентной услуги), всеведение патрона (ни благие цели, ни их бескорыстие не имеют никакого значения, если патрон не знает, что есть благо и какие пути ведут к нему) и всемогущество патрона (способность не только в воображении, но и в реальности преодолеть все трудности, возникающие к сверхцели абсолютного патернализма – вечному и полному блаженству объекта патерналистического воздействия) [12]. Исходя из приведенных признаков, можно сделать вывод, что идеальный патрон – это абсолют в нравственном, интеллектуальном и практическом смысле. Однако его всеблагость и абсолютное бескорыстие превращают клиента в полного потребителя, подчиняющегося воле патрона”.

По нашему мнению, в современном образовании место патрона должен занять наставник, коуч, который не руководит подопечным, а действует с ним заодно, раскрывая, при помощи системы наводящих во-

просов и других приемов взаимодействия, потенциал личности. Коучу нет необходимости быть “абсолютом в нравственном смысле”, достаточно руководствоваться в своей деятельности системой ценностей, адекватной современному гуманистическому человекообразному мировоззрению, а также – таблицей коучинговых компетенций. Таким коучем должен, очевидно, стать учитель (преподаватель). Стоит отметить также, что коуч (и учитель, применяющий в работе коучинговые методы), воспринимает коуча (ученика) не как объект образовательного процесса, а как полноценного его субъекта. С этой точки зрения, действенными в процессе обучения могут быть наводящие вопросы (коучинговые вопросы), направленные не столько на контроль знаний ученика, сколько на выявление его собственного мнения по поводу некоторого предмета обсуждения.

Актуальность внедрения коучингового подхода в образовании соответствует современным требованиям ФГОС. На сайте урок.рф в статье про «Коучинговый подход в учебно-воспитательном процессе как технология реализации современных требований ФГОС» сообщается о появлении в некоторых учебно-образовательных заведениях такого подхода с 2010 года. «Коучинг, представляет собой форму консультативной поддержки, которая помогает человеку достигать значимых для него целей в оптимальное время путем мобилизации внутреннего потенциала, развития необходимых способностей и формирования новых навыков». [15] В своей деятельности, технологию коучинга взяла за основу, чтобы проследить за душевным состоянием ученика, его воспитанностью и процессом формирования личности по разным жизненно важным направлениям». Баравкова М.М. в своих исследованиях склоняется к мнению о том, что: “Концепция коучинга, как эффективная, апробированная на практике система развивающего взаимодействия, максимально соответствует концептуальным основам современного образования, обозначенным в нормативно-правовых актах и Федеральным государственным образовательным стандартом” [5].

О системе ценностей в интегральном образовании следует, на наш взгляд, упомянуть отдельно. Ценности в интегральном образовании не “прививаются извне”, не формируются целенаправленно воспитательными приемами, а воспитываются средой – когнитивно-коммуникативным топосом (пространством) интегрального образования. Мы исходим из представления о миметичности (подражательности) детства и убежденности в том, что пример воспитывает лучше, чем образовательный прием, а среда – лучше, чем отдельный наставник. В этом смысле раскрывается еще один аспект интегральности в интегральном образовании: среда воспитывает во взаимодействии ее отдельных компонентов – коммуникативной этики, ценностей, разделяемых участниками коммуникации, особенностей поведения окружающих, характером их сотрудничества и т.д. Можно сказать,

что когнитивно-коммуникативный топос интегрального образования создается при участии ее организаторов (преподавателей и т.д.), а также каждого из учащихся как участников образовательного пространства.

Говоря о топосе интегрального образования, заметим его взаимосвязанность с интегральной субординацией, а также еще одной особенностью интегрального образования [3], отмеченной нами в других статьях (в частности, в статье «Интегральное образование как среда формирования навыков фрилансера») [2]. Под упомянутой особенностью мы имеем в виду непрерывность интегрального образования, его адаптивность, способность продолжаться в разных жизненных контекстах и ситуациях (не только в пространстве школьных аудиторий, но и дома, на отдыхе и т.д.). Интегральная субординация [4] как здоровое горизонтальное взаимодействие учащегося и преподавателя (ученика и учителя) предполагает адаптивность, пластичность социальных ролей и разных жизненных контекстах: так, учитель может быть другом ученика, находясь в пространстве школы, мама (а мы полагаем, что родители - также полноправные участники интегральной образовательной среды) может быть помощником учителя или учителем; учитель раскрывается как человек, находясь в образовательном контексте, и, в другое время, - продолжает быть учителем во время совместного досуга с учащимися (например, поездки в лес, в музей, театр, другие города и страны). Это смещение контекстов и социальных ролей не только помогает учителю и ученику раскрыться с разных сторон, стать ближе и избежать стресса, связанного с привычной субординацией, но и делает процесс образования по-настоящему непрерывным. Непрерывность этого процесса обеспечивается не патернализмом, а личностным подходом в образовании, способностью когнитивно-коммуникативного образовательного пространства раскрыть внутренний потенциал учащегося и помочь ему найти собственную мотивацию, сформировать внутренний локус контроля, помочь целенаправленно распоряжаться собственным временем.

Таким образом, мы переходим ко второй смысловой части нашей статьи, посвященной развитию эмоционально-волевой сферы учащихся в интегральном образовании. Эмоционально-волевая сфера включает в себя такие значимые для интегрального образования компоненты, как: целеполагание, мотивация (автономная внутренняя мотивация), воля, самооценка и т.д. Мотивация учащегося относится к его эмоционально-волевой сфере.

Л.С. Выготский в своих трудах отмечал решающую зависимость качества усвоения знаний и умений, полученных в процессе воспитания и обучения субъекта, от его эмоционального отношения к людям и окружающей предметной среде [7].

Широта эмоциональных переживаний помогает человеку более чутко понимать происходящее и сопереживать другим людям, понимать их межличностные отношения, осознавать самого себя, понимать свои возможности, способности, достоинства и недостатки. Становление личности ребенка зависит от формирования его эмоционально-волевой сферы и личного опыта.

Основные компоненты эмоционально-волевой сферы - направленность личности, эмоции и воля. При этом под направленностью личности мы понимаем систему побуждений, устойчиво характеризующих человека: его желания, стремления, и наоборот - объекты, против которых он готов бороться; его миропонимание.

Развитие эмоционально-волевой сферы школьника не может успешно проходить, по нашему мнению, в условиях гиперопеки, контроля и школьного патернализма. Это связано с тем, что постоянный внешний локус контроля мешает развитию личности: ее собственного миропонимания, в том числе - осознанию ее собственных, не навязанных извне, желаний, стремлений, предпочтений. По нашему мнению,

Как отмечает А.В. Морозова, эмоциональное развитие играет важную роль в становлении личности школьника, поскольку недостаточность развития эмоционально-волевой сферы влечет за собой затруднение процесса саморегуляции учебной деятельности. [13].

Особенно актуален вопрос развития эмоционально-волевой сферы в младших классах, что связано с эмоционально-интеллектуальной незрелостью детей младшего школьного возраста, а также возрастными особенностями саморегуляции учебной деятельности. Как отмечают педагоги, необходимо развивать у младших школьников как эмоционально-волевую сферу в целом, так и навыки саморегуляции, что, в конечном счете, является элементами развития личности в целом, а также - необходимыми компонентами воспитания.

Как указано в статье 2 в редакции Федерального закона об образовании от 31.07.2020 № 304-ФЗ («Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе»): «воспитание - деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства... [1].

Эмоционально-волевая сфера детей младшего школьного возраста отличается такими особенностями: непосредственность в проявлении эмоций, бурная эмоциональная реакция на события, впечатлительность, низкие способности к управлению эмоциями, эмоцио-

нальный интеллект, находящийся в процессе развития. Перед системой образования стоит задача по развитию эмоционально-волевой сферы, а также эмоционального интеллекта ученика.

Развитие эмоционально-волевой сферы у детей с поддержкой развития. «Эмоции считаются одним из главных механизмов саморегуляции психической деятельности и поведения, предназначенных для удовлетворения необходимых потребностей» [6]. Эмоции – одна из форм психического отражения объективной реальности, элемент поведенческой адаптации (приспособления). Эмоции способствуют приобретению личного опыта, а также выработке желательных и избавлению от неэффективных форм поведения человека. Формирование эмоционально-волевой сферы – важнейшее условие развития личности человека. Этапы генезиса эмоционально-волевой сферы предполагают создание устойчивых эмоциональных взаимоотношений с окружающими людьми, формирование ценностно-нормативного аспекта, в том числе – круга обязанностей, идеалов и норм поведения, служащих регуляторами повседневной деятельности. В.К. Вимонас писал, что «многообразие человеческих эмоций связано со сложностями человеческих желаний и потребностей, условий для их реализации и действий, направленных на их достижение» [6]. К. Изард отмечал в своих работах чувственную и функциональную стороны эмоций: «Эмоция — это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действие» [10]. Иными словами, эмоция по определению связана с волей, поскольку служит «мотивирующим и направляющим чувством».

Важно отметить, что эмоции – не исключительно психологическое, но сложное, комплексное психофизиологическое – как явление, так и состояние. То есть – на характер эмоций (их возникновение и проживание) влияют физиологические факторы. Это значимо в случае, когда речь идет о эмоционально-волевой сфере детей, поскольку в этом аспекте необходимо понимать биологические (физиологические) основания формирования эмоциональной (эмоционально-волевой) сферы взрослого человека.

«Эмоции могут выражать положительные и отрицательные переживания, могут оказывать стимулирующий и тормозящий эффект на поведение и деятельность, характеризуются интенсивностью переживаний, длительностью протекания эмоционального реагирования и предметностью, что объясняется уровнем связи с конкретным объектом или произошедшей ситуацией» [6]. Вышеописанное позволяет думать об элементах эмоционально-волевой сферы – эмоциях и воле – как тесно взаимосвязанных явлениях, где эмоции оказывают значительное влияние на волю человека (и его желание той или иной деятельности), а воля может служить основой для появления тех или иных эмоций. По нашему

мнению, понимание компонентов эмоционально-волевой сферы как взаимосвязанных значимо с точки зрения исследования образовательной среды и ее когнитивно-коммуникативных пространств. Так, «негативные» эмоции, полученные в процессе образования, в школьной среде, могут существенно тормозить мотивацию к учебе и, соответственно, учебные успехи. Позитивные эмоции, напротив, могут создавать положительное эмоциональное подкрепление желаемого поведения (в частности, учебного).

Вопрос о нейрофизиологии эмоций актуализируется в связи с дискуссией об эмоционально-волевой сфере детей школьного возраста. Так, в дискуссиях можно встретить аргументы о незрелости подкорковых зон головного мозга детей и подростков определенных возрастов как обоснование необходимости внешнего локуса контроля в образовательной среде. В этом контексте упомянем исследования Е.Д. Хомской и Н.Я. Батовой, которые выделяют два направления в исследовании эмоциональной сферы: узкий локализационизм и системный подход. «Сторонники узкого локализационизма считают, что проявление базовых эмоциональных реакций связано с работой подкорковых центров головного мозга. Однако исследования показали, что раздражения конкретных зон головного мозга вызывают лишь незначительное число эмоций. Другие эмоции не имеют постоянного местоположения и образуются как условно-рефлекторные сочетания базовых эмоций, возникающие в ходе приобретения социального опыта. На сегодняшний день лимбическая система выступает как организатор разных систем мозга, участвующих в обеспечении эмоционального реагирования. Центральное звено лимбической системы имеет взаимосвязь, как с подкорковыми мозговыми структурами, так и с большими полушариями коры головного мозга. Система работы структур головного мозга в регуляции эмоций доказаны в ряде исследований на животных и клиническими наблюдениями за людьми» [17]. В связи с этим мы можем отметить, что зрелость неокортекса, хотя и влияет на генезис эмоционально-волевой сферы, не является единственным фактором ее формирования. Также в формировании эмоций и воли человека существенную роль играет социальный опыт, который невозможно получить в достаточном объеме в «патерналистически-ориентированной» системе образования. Лимбическая система, которая формируется под влиянием социального опыта, ответственна за формирование эмоций, воли и мотивации, участие в ориентировочно-исследовательской деятельности. Также лимбическая система отвечает за качество кратковременной и долговременной памяти человека. В книге «Физиология эмоций» о лимбической системе написано: «в конце концов, была сформулирована теория о лимбической системе, представляющей собой совокупность структур головного мозга, принимающих участие в образовании эмоционально-мотивационного поведения. Согласно этой теории эмоции

возникают в гиппокампе, оттуда направляются в гипоталамус, таламус и затем в поясную извилину – круг Папеца» [8]. Интегральное образовательное пространство, нацеленное на получение участниками самостоятельно социального опыта (в том числе - опыта социального взаимодействия), опосредованно влияет на развитие лимбической системы и эмоционально-волевой сферы учеников.

Таким образом, трансформация влияния внешнего локуса контроля в интегральном образовании не оказывает негативного влияния на успешность обучения. Под «трансформацией внешнего локуса контроля» мы понимаем ситуацию отсутствия патернализма в образовательной среде, а также распределение ответственности (за ход работы и успехи работы) в когнитивно-коммуникативном топосе образования между всеми его участниками. В результате, ученики, получающие положительное подкрепление в ходе командной учебной деятельности, не нуждаются в патерналистском управлении этой деятельностью. Желание учиться и работать образуется в интегральном когнитивно-коммуникативном пространстве не под влиянием конкретного стимула, а в силу воздействия особой аксиосферы, сформированной в пространстве интегрального образования. Ценности такой аксиосферы - сотрудничество, командная работа, важность личности, мыслей каждого участника, непрерывность образования, знания как ценность, понимание того, что индивидуальный успех влечет за собой успех команды в целом и т.д.

Эмоционально-волевая сфера учеников в интегральном образовании развивается также и благодаря особой атмосфере сотрудничества и эмпатии, позитивного эмоционального отклика, сопровождающего учебно-познавательную деятельность. Мы говорим об особом «психосемантическом пространстве» интегрального образования, сформированном на пересечении значимых персональных значений, ценностей, смыслов и норм, с ориентацией на общечеловеческие гуманистические ценности, а также ценности личностного подхода в педагогике. Фактически, психосемантическое пространство интегрального образования оказывает положительное влияние на эмоционально-волевую сферу его участников, стимулируя интерес к учебе. В психосемантическом пространстве интегрального образования межличностное соперничество (и сопутствующее ему внешнее оценивание успехов и неудач) уступает место сотрудничеству в дружелюбной командной обстановке. Отметим, что отсутствие внешнего оценивания успехов и неудач способствует формированию здоровой самооценки в Я-концепции личности.

Психосемантическое пространство интегрального образования можно назвать также «пространством ценностных ориентаций» [9].

Основатель отечественной теории отношений В.М. Мясищев обращал внимание на то, что в ценностях и идеалах человека могут быть заключены побуждения к действию (так же, как и в потребностях): «так, потребность и идеал могут вступать в конфликт друг с другом, вместе с тем в идеале или в требованиях долга так же, как и в потребностях, заключено внутреннее побуждение к действию» [14]. Соглашаясь с этим утверждением Мясищева, мы видим его как доказательство влияния психосемантического пространства на развитие ценностно-волевой сферы учащихся, а также на побуждение их к учебной, творческой, познавательной деятельности.

Таким образом, на вопрос о том, что именно будет побуждать учащихся к необходимой деятельности в рамках системы интегрального образования, учитывая тот факт, что персонализированный внешний локус контроля и оценивания (учитель, директор, завуч как лица, выполняющие функцию контроля и оценивания) в подобных пространствах не приветствуется, - мы можем ответить, что функцию «побуждающего к действию и деятельности» берет на себя психосемантическое пространство интегрального образования. Учитель в этом пространстве остается нравственно-ценностным ориентиром, экспертом в определенной области знаний, а также выполняет функции тьютора, коуча образовательного процесса и, одновременно, - партнера по командной деятельности.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Классическая субординация в образовании (закрепившаяся под влиянием популярности «прусской системы»), направлена не на развитие свободной творческой личности, а на формирование идеального исполнителя, нуждающегося в обязательном руководстве сверху, и устарела в современном мире.
2. Традиционная школьная система построена, среди прочего, на негативной мотивации в виде внешнего локуса контроля и манипуляций негативными санкциями. В современном мире внешний локус контроля как необходимый фактор мотивации к учебной деятельности теряет актуальность.
3. Патернализм в современном образовании – пережиток прошлого. Современное образование должно быть нацелено на формирование свободной личности, способной к самоопределению и самоактуализации, что идет вразрез с патерналистскими методами воспитания и образования. Также патернализм противоречит ценностям интегрального образования.
4. Интегральное образование - новая система образования, построенная по принципам «новаторства, эффективности и альтернативы», предполагающая формирование особых (интегральных)

образовательных пространств, в которых учащийся получает не только знания, но и навыки их интеграции в жизнь, а также опыт горизонтальной коммуникации и командного взаимодействия с соучениками и учителями. Также интегральное образование нацелено на формирование у учащегося "интегрального видения" объективной реальности на основе полученных знаний.

5. Важным является вопрос о развитии эмоционально-волевой сферы учащихся в рамках системы интегрального образования, а также - вопрос о возможности мотивации учащихся к учебной деятельности при отсутствии внешнего локуса контроля.
6. Отвечая на этот вопрос, мы исходим из убежденности в том, что в современном образовании важен не столько внешний локус контроля и внешние факторы мотивации учащегося (например, система оценивания или сопернический компонент учебной деятельности), сколько особое психосемантическое пространство интегрально-

го образования, представляющее собой систему ценностей, смыслов и мотивов, способную побуждать к учебной деятельности. Психосемантическое пространство интегрального образования дает учащемуся возможность сформировать свои собственные ценности и смыслы в рамках учебной деятельности.

7. Эмоционально-волевая сфера учащихся формируется не под влиянием внешнего локуса контроля, а под влиянием социального опыта, который они имеют возможность получить в интегральной образовательной среде. Также на формирование эмоционально-волевой сферы личности в рамках интегрального образования влияет доброжелательная эмпатичная среда: атмосфера сотрудничества и эмпатии, позитивного эмоционального отклика, которая, по нашему мнению, способна дать положительное подкрепление успехам учебной деятельности лучше, чем внешнее оценивание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон об Образовании в Российской Федерации. В редакции Федерального закона от 31.07.2020 № 304-ФЗ - Режим доступа: <https://edu.gov.ru/about/>
2. Абу-Талеб Д.В., Сандалова А.В. Интегральное образование как среда формирования навыков фрилансера // Современное образование: опыт прошлого, взгляд в будущее. - 2021. - С.163-172
3. Абу-Талеб Д.В. Коучинг как инструмент развития личности учащегося в интегральном образовании // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2021. 7(85). URL: <https://universum.com/ru/psy/archive/item/11916> (дата обращения: 08.06.2021).
4. Абу-Талеб Д.В. Межпоколенная коммуникация и феномен затрудненного общения в контексте современного образования личности. Вестник интегративной психологии // Журнал для психологов. Вып. 22. /Под ред. В.В. Козлова, Ш.Р. Баратова, М.Н. Усмановой. – Бухара - Ярославль: МАПН, 2021. – 252 с. С. 5-10
5. Баравкова М.М. Коучинг как инструмент развития межличностных отношений младших подростков // Мотивация и рефлексия личности: теория и практика. - Материалы конференции "Мотивация и рефлексия личности" (31 октября 2017). - 2018. - С.44-49
6. Вимонас, В.К. Психология эмоциональных явлений / В.К. Вимонас. – М.: Просвещение, 2006. – 132 с.
7. Выготский, Л.С. Лекция по психологии [Текст] / Л.С. Выготский. – СПб.: Союз, 1997. – 260 с.
8. Гиноян Р.В., Хомутов А.Е. Физиология эмоций. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета. 2010. 66 с.
9. Дементьева О.С. Психосемантическое пространство ценностных ориентаций личности в подростковом возрасте // Образование и саморазвитие. - 2013. - № 2(36). - С.183-187
10. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб.: Питер, 2007. – 464 с.
11. Левин Г.Д. Свобода и покинутость. Методологический анализ // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 57-68.
12. Леонтьева М.С. Патернализм в обучении и воспитании детей-сирот // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. - 2013. - № 3-2. - С.143-149
13. Морозова А.В. Особенности эмоционально-волевой сферы личности младших школьников // Студенческая наука и XXI век. - 2016. - № 1. - С.76-83
14. Мясичев, В.Н. Психология отношений / В.Н. Мясичев; под ред. А.А. Бодалева. - М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. - с.77
15. Педагогическое сообщество «Урок.рф». - [Электронный источник]. - Режим доступа: https://урок.рф/library/kouchingovij_podhod_v_uchebno_vospitatelnom_p_225956.html (дата обращения: 06.05.2021)
16. Петров А.В. Патернализм в педагогике: препятствие или основание учебного процесса // Вестник МИТХТ. Серия: гуманитарные науки и экология. - 2015. - № 2. - Т.2. - С.20-25
17. Хомская, Е.Д. Мозг и эмоции (нейропсихологическое исследование) / Е.Д. Хомская, Н.Я. Батова. – М.: Букинист, 1998. – 268 с.

© Абу-Талеб Дарья Викторовна (onedeka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОГНИТИВНАЯ ПЛАСТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ КОГНИТИВНОГО РЕСУРСА¹

Горюнова Наталья Борисовна

К.псих.н., с.н.с., ФГБУН Институт психологии РАН (Москва)

gorjunovanb@ipran.ru

Воронин Анатолий Николаевич

Д.псих.н., г.н.с., ФГБУН Институт психологии РАН (Москва)

voroninan@ipran.ru

Бирюков Сергей Дмитриевич

К.псих.н., с.н.с., ФГБУН Институт психологии РАН (Москва)

biryukovsd@ipran.ru

COGNITIVE PLASTICITY IN THE STRUCTURE OF THE COGNITIVE RESOURCE

**N. Goryunova
A. Voronin
S. Biryukov**

Summary: The article attempts to connect the concepts of cognitive resource and cognitive plasticity, explaining the functional redundancy of a cognitive resource by the features of cognitive plasticity. The article shows that cognitive plasticity determines the completeness and speed of the construction of «stimulus representation» and the ability to acquire new cognitive skills, thereby predetermining the characteristics of the cognitive resource. The leading directions of empirical study of cognitive plasticity are presented. The main mechanisms underlying the decrease in plasticity in ontogeny are described and explanations of this phenomenon are given. The role of cognitive plasticity in the functional redundancy of the cognitive resource is determined.

Keywords: cognitive plasticity, cognitive resource, intelligence, cognitive reserve, cognitive skills.

Аннотация: В статье предпринята попытка связать понятия когнитивный ресурс и когнитивная пластичность, объяснив функциональную избыточность когнитивного ресурса особенностями когнитивной пластичности. В статье показано, что когнитивная пластичность определяет полноту и скорость построения «стимульной репрезентации», и способность приобретать новые когнитивные навыки, предопределяя тем самым характеристики когнитивного ресурса. Представлены ведущие направления эмпирического изучения когнитивной пластичности. Описаны основные механизмы, лежащих в основе снижения пластичности в онтогенезе и приведены объяснения этого феномена. Определена роль когнитивной пластичности в функциональной избыточности когнитивного ресурса.

Ключевые слова: когнитивная пластичность, когнитивный ресурс, интеллект, когнитивный резерв, когнитивные навыки.

Конструкт «когнитивная пластичность» был введен для обозначения изменчивости когнитивных функций, опосредованной социальными взаимодействиями и опытом обучения [13; 14]. В данной работе мы рассматриваем этот конструкт в контексте представлений о когнитивном ресурсе и гипотезы о функциональной избыточности когнитивного ресурса относительно требований окружающей среды и делаем попытку представить эмпирические и теоретические основания, которые позволили бы сформулировать проверяемые гипотезы о механизмах, лежащих в основе функциональной избыточности когнитивного ресурса.

Когнитивный ресурс как сложная совокупность специализированных подсистем, характеризуется фиксированным пределом доступной мощности и обладает функциональной избыточностью относительно требований среды (природной и социально-культурной). В научном дискурсе «когнитивный ресурс» обозначает «протоспособность» когнитивной сферы – общий базис

интеллекта. Первоначально когнитивный ресурс был определен через множество когнитивных элементов, которые симультанно используются человеком в процессе переработки информации [4; 5]. Когнитивный ресурс как количественная характеристика или множество связанных когнитивных элементов обеспечивает активное создание ментальных моделей реальности. Гипотетически, одной из функций когнитивной системы является порождение и поддержание в активном состоянии той части «субъективной реальности», которая представлена в ментальном плане в виде модели, отражающей проблемную ситуацию. Отсюда, симультанное «схватывание» некоторого множества элементов ситуации, удержание его в фокусе внимания и оперирование им обеспечивают индивидуальную продуктивность [2; 3]. Общая идея, заложенная в структурно-функциональную модель когнитивного ресурса, состоит в том, что на интеллектуальную продуктивность влияет не только скорость обработки информации нервной системой, но и свойства некоей базовой структуры (или структур), име-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00495 «Эмпирическая верификация структурно-функциональной модели когнитивного ресурса».

ющей нейрофизиологические основания. Симультанная актуализация множества элементов нейрокогнитивной сети обеспечивает создание и поддержание релевантной модели, а скорость когнитивных процессов является производной от мощности когнитивного ресурса.

Мощность когнитивного ресурса определяется исходя из внутренних условий и внешних обстоятельств и, вероятно, может меняться на сознательном уровне, позволяя выходить за рамки этих обстоятельств. В одной из своих последних работ В.Н. Дружинин высказал идею о функциональной избыточности когнитивного ресурса по отношению к задачам адаптации: когнитивные способности человека превышают те требования, которые предъявляет к нему окружающая природная среда. С развитием культуры возрастают социально-культурные требования среды, однако феномен функциональной избыточности когнитивного ресурса сохраняется: человек проактивно выдвигает гипотезы, выходя за пределы адаптивных требований среды (природной или культурной), порождая тем самым процесс творчества [6].

Предложенная гипотеза функциональной избыточности когнитивного ресурса может быть привлечена для объяснения таких характеристик креативного поведения, как склонность проявлять «надситуативную активность» [1] или тенденцию «сверхнормативной активности» [7]. Развивая эти представления, мы предполагаем, что в основе функциональной избыточности когнитивного ресурса лежат функциональные характеристики когнитивной пластичности, которая может проявляться на разных уровнях анализа (нейронном, поведенческом и социокультурном).

Когнитивная пластичность на теоретическом уровне тесно связана с концепцией развития в онтогенезе, понимаемого как процесс непрерывной адаптации [8]. Предполагается, что разные способности или когнитивные процессы различаются по своим траекториям развития, демонстрируя как линейные, так и нелинейные тенденции. Изменчивость когнитивной пластичности отражает нейронные ограничения на точность репрезентации стимулов. Исследования взаимосвязи изменчивости поведенческой гибкости и интеллекта со структурой и функциями мозга указывают на некоторые нейронные свойства, которые могут ограничивать когнитивные способности: размер одной или нескольких областей мозга, способность нейронных сетей (особенно в лобных отделах) активно поддерживать и контролировать обработку информации и физически изменять свои связи с течением времени для максимизации эффективности [15].

Согласно Е. Меркадо, нейронная пластичность обеспечивает когнитивную пластичность в той степени, в которой реорганизация увеличивает способность мозга

реконструировать стимульные репрезентации. Термин «стимульная репрезентация» используется автором для обозначения нейронной активности, вызванной сенсорными, моторными или ментальными структурами. Стимульные репрезентации указывают на то, что произошло определенное событие (изменение внешнего и внутреннего состояния). Мощность репрезентативного решения ограничивает то, что индивид может узнать о событии, например, человек, не различающий две репрезентации стимула, не может научиться по-разному реагировать на события, связанные с этими репрезентациями. Следовательно, когнитивная пластичность индивида ограничена способностью его мозга реконструировать стимульные репрезентации [там же].

В работе [12] когнитивная пластичность рассматривается как латентный когнитивный потенциал (способность приобретать когнитивные навыки) в определенных контекстных условиях, который может меняться в процессе практики и обучения. Способность мозга дифференцировать репрезентации определяется как основной фактор, обуславливающий то, какие когнитивные навыки может усвоить индивид и сколько времени потребуется ему для их овладения [15]. Сформированные когнитивные навыки предполагают возможность решать проблему без необходимости усвоения каких-либо перцептивно-моторных навыков, применяя способ, который ранее был неизвестен [16]. Исходя из этого, мы допускаем, что когнитивная пластичность обуславливает способность и легкость приобретения когнитивных навыков.

Для исследования когнитивной пластичности необходимо определить контекст, в котором она изучается. В большинстве исследований когнитивная пластичность изучалась в контексте эксперимента. При этом средний уровень когнитивного функционирования индивида в повседневном опыте противопоставлялся диапазону пластичности, демонстрируемому в условиях эксперимента. Определение контекстных условий является критическим, поскольку диапазон проявляемой пластичности будет варьировать в зависимости от таких экспериментальных факторов как продолжительность, интенсивность, формат инструкции и т.д.

Идея о том, что высоко-функциональные люди обрабатывают информацию более эффективным способом, нашла воплощение в гипотезе когнитивного резерва, предложенной Я. Штерном [17]. Согласно предположению автора, существует критический порог емкости ресурсов мозга, преодоление которого делает очевидным функциональный дефицит. В основе этой идеи лежат два типа нервных механизмов: 1) использование более эффективных и гибких нейронных сетей или когнитивных схем; 2) формирование новых компенсаторных сетей

мозга из-за повреждения обычно используемых. Вариабельность емкости ресурсов мозга может быть обусловлена как генетическими различиями, так и жизненным опытом.

Когнитивная пластичность проявляется и может быть изучена на разных уровнях анализа (нейронном, поведенческом, социокультурном) и в различных временных интервалах. Аналитически можно выделить разные типы пластичности, каждый из которых связан с различными теоретическими концепциями. Так, *структурная* пластичность может быть обнаружена на уровне изменений ковариационных связей во времени, например, когнитивных способностей. *Дифференциальная* пластичность описывает индивидуальные различия в согласованности когнитивных показателей. Если изменения в когнитивных способностях тесно связаны, то предполагается наличие одного или очень малого количества факторов, ответственных за наблюдаемую индивидуальную пластичность.

При изучении когнитивной пластичности в условиях тренировки исследователи фокусируются на когнитивных процессах (скорость обработки, торможение, исполнительное функционирование и т.д.) [12], простых когнитивных конструктах (индуктивное мышление, пространственная ориентация, эпизодическая память и т.д.) [19], когнитивных конструктах более высокого порядка (флюидный интеллект, кристаллизованный интеллект и т.д.) [11]. На нейронном уровне когнитивное функционирование концептуализируется через связность нейросетей: участие какого-то конкретного подмножества мозговых структур в овладении когнитивным навыком зависит от сложности задачи, опыта индивида и конкретных выполняемых действий [9; 10]. Когнитивная пластичность, обусловленная практикой использования когнитивных навыков и стратегий, характеризует состояние нейрокогнитивного резерва, позволяя реконструировать и модифицировать нейронные связи.

Наличие нейронных структур является необходимым, но не достаточным условием для пластичности. Как отмечает Mercado [15], более крупные области мозга, большее количество нейронов и синапсов сами по себе не обеспечивают большую пластичность, а являются условием для возможного увеличения нейрокогнитивных сетей, что приводит к большей функциональной емкости и разрешающей способности. Автор подчеркивает, что важнейшей особенностью пластичности является не только наличие устойчивых и эффективных связей, но и функциональная емкость, для обеспечения возможности менять конфигурацию и настройку нейронных сетей в кортикальных областях мозга.

Для изучения природы пластичности важно понимание механизмов, лежащих в основе ее снижения в онтогенезе. Одно из объяснений касается созревания нейронных структур, что предполагает нейрохимические изменения в конкретной области мозга, что в свою очередь приводит к увеличению скорости разрыва синаптических связей и снижению функциональной связности. Другое объяснение связано с прекращением обучения. Идея заключается в том, что сам процесс обучения приводит к изменениям, которые могут снизить пластичность в нейронной системе (нейробиологические изменения). Также предыдущее обучение может предъявлять высокие требования к вычислительным ресурсам системы, что ограничивает ресурсы для нового обучения. Наконец, предыдущее обучение может приводить систему в неоптимальное состояние для нового обучения, то есть для перенастройки системы потребуется дополнительное время [18].

В заключение резюмируем основные идеи о когнитивной пластичности как конструкте, который, возможно, объясняет функциональную избыточность когнитивного ресурса. Когнитивная пластичность представляет латентное свойство когнитивного ресурса, обеспечивающее успешность адаптации и изменений. При этом, существует выраженная возрастная динамика когнитивной пластичности. Взаимосвязь между мозгом, опытом и поведением, проявляется в том, что мозг способен на основе опыта «перенастраивать» кортикальные модули и сети для различных задач. Эффективное формирование новых когнитивных навыков зависит от перенастройки нейрокогнитивных сетей, в основе которой лежат механизмы пластичности мозга.

Влияние обучения и опыта на формирование когнитивной пластичности неоднозначно: с одной стороны, когнитивная стимуляция на поведенческом уровне может привести к изменениям в перенастройке нейронных сетей; с другой – предварительное обучение и опыт могут снижать пластичность, ограничивая существующие нейрокогнитивные ресурсы, необходимые для приобретения новых когнитивных навыков. Важно отметить, что когнитивная пластичность как важный компонент успешной адаптации предоставляет человеку возможность лучше использовать свои ресурсы для саморегуляции в достижении целей и в решении возникающих проблем. А исходя из гипотезы функциональной избыточности когнитивного ресурса, когнитивная пластичность обуславливает и такие характеристики креативного поведения как «надситуативную» или «сверхнормативную» активность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богдавленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Изд-во Ростовского университета, 1983. 176 с.
2. Воронин А.Н., Горюнова Н.Б. Когнитивный ресурс: структура, динамика и развитие. М.: Институт психологии РАН, 2016. 247 с.
3. Горюнова Н.Б. Теоретические и прикладные аспекты проблемы когнитивного ресурса в структуре общих познавательных способностей // Психология человека в современном мире / Отв. ред. А.Л. Журавлев, И.А. Джидарьян, В.А. Барабанщиков, В.В. Селиванов, Д.В. Ушаков. М.: Институт психологии РАН, 2009, Т. 2, с. 327-337.
4. Горюнова Н.Б., Дружинин В.Н. Операциональные дескрипторы когнитивного ресурса и продуктивность решения тестовых задач и задач-головоломок // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4, с. 21-29.
5. Горюнова Н.Б., Дружинин В.Н. Операциональные дескрипторы ресурсной модели общего интеллекта // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4, с. 57-64.
6. Дружинин В.Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: ПЕР СЕ; СПб.: ИМАТОН-М, 2001. 224 с.
7. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности / Российский открытый университет. М.: ТОО «Горбунок», 1992. 224 с.
8. Baltes P.B., Lindenberger U., Staudinger U.M. Life span theory in developmental psychology // In R. M. Lerner (Ed.), Handbook of child psychology: Theoretical models of human development. New York: Wiley. 2006. Vol. 1, 569-664.
9. Brehen Y., Li S.-C., Muller V., von Oertzen T., Lindenberger U. Memory plasticity across the life span: Uncovering children's latent potential. Developmental Psychology. 2007. 43, 465-478.
10. Craik F.I.M. Remembering items and their contexts: Effects of aging and divided attention // In H. Zimmer, Z. Mecklinger, U. Lindenberger (Eds.). Binding in human memory: A neurocognitive perspective. Oxford: Oxford University Press. 2006. 571-594.
11. Jaeggi S.M., Buschkuhl M., Jonides J., Perrig W.J. Improving fluid intelligence with training on working memory. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2008. 10, 1-5.
12. Jones S., Nyberg L., Sandblom J., Stigsdotter N.A., Ingvar M., Petersson K., et al. Cognitive and neural plasticity in aging: General and task-specific limitations. Neuroscience & Biobehavioral Reviews, 2006. 30, 864-871.
13. Kramer A.F., Bherer L., Colcombe S.J., Dong W., Greenough W.T. Environmental influences on cognitive and brain plasticity during aging. J. of Gerontology. Biological Sciences and Medical Sciences. 2004. 59(9), 940-957.
14. Li S.C. Biocultural orchestration of developmental plasticity across levels: The interplay of biology and culture in shaping the mind and behavior across the life span. Psychological Bulletin. 2003. 129(2), 171-194.
15. Mercado E. Neural and Cognitive Plasticity: From Maps to Minds. Psychological Bulletin. 2008, Vol. 134. 1, 109-137.
16. Rosenbaum D.A., Carlson R.A., Gilmore R.O. Acquisition of intellectual and perceptual-motor skills. Annual Review of Psychology. 2001. 52, 453-470.
17. Stern Y. (Ed.). Cognitive reserve: Theory and applications. New York: Taylor & Francis. 2007.
18. Thomas M.S.C., Johnson M.H. New advances in understanding sensitive periods in brain development. Current Directions in Psychological Science. 2008. 17, 1-5.
19. Willis S.L., Schaie K.W., Martin M. Cognitive Plasticity // In: Bengtson V., Silverstein M., Putney N., Gans D. Handbook of Theories of Aging. New York: Springer. 2009. 295-322.

© Горюнова Наталья Борисовна (gorjunovanb@ipran.ru), Воронин Анатолий Николаевич (voroninan@ipran.ru),
Бирюков Сергей Дмитриевич (biryukovsd@ipran.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИИ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКТИК ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ

NEGOTIATION STRATEGIES IN THE IMPLEMENTATION OF PROACTIVE BUDGETING PRACTICES

L. Zhikhareva
T. Yudeeva

Summary: The article analyzes the problem of negotiation as a form of collective problem resolution in the implementation of the practices of initiative budgeting. Negotiations are considered as a specific kind of communicative activity that leads to the smoothing of disputes and disagreements among the population. The analysis of negotiation strategies and approaches is presented, depending on the individual psychological characteristics of the participants' personality, as well as the main stages of negotiations. The features of the manipulative behavior of the individual, the expected reactions of the opponent and the methods of protection in the negotiation process are described. Initiative budgeting is considered as a form of public participation and support for residents' initiatives in solving local issues.

Keywords: negotiation process, negotiation strategies, stages and organization of the negotiation process, personality, manipulative behavior, initiative budgeting.

Жихарева Лилия Владимировна

К.псх.н., доцент, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь

Юдеева Татьяна Васильевна

К.псх.н., ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь
djoma@list.ru

Аннотация: В статье анализируется проблема ведения переговоров, как формы коллективного разрешения проблем, в реализации практик инициативного бюджетирования. Переговоры рассматриваются как специфическая разновидность коммуникативной активности, которая приводит к сглаживанию споров и разногласий среди населения. Представлен анализ стратегий и подходов ведения переговоров в зависимости от индивидуально психологических особенностей личности участников, а также основных этапов проведения переговоров. Описаны особенности манипулятивного поведения личности, предполагаемые реакции оппонента и способы защиты в переговорном процессе. Инициативное бюджетирование рассматривается как форма участия населения и поддержка инициатив жителей в решении вопросов местного значения.

Ключевые слова: переговорный процесс, стратегии ведения переговоров, этапы и организация переговорного процесса, личность, манипулятивное поведение, инициативное бюджетирование.

В последние годы активно обсуждается тема инициативного бюджетирования, как формы вовлечения граждан и гражданского участия в бюджетном процессе путем выдвижения инициатив и в дальнейшем контроле реализации проектов. Инициативное бюджетирование активно внедряется в России с 2013 года, однако сохраняются отдельные нерешённые вопросы, которые в той или иной степени затрудняют повсеместное распространение соответствующих практик [1-4]. В данном направлении считаем важным рассмотреть вопрос ведения переговоров как с населением, так и с административными органами управления. На сегодняшний день актуальным вопросом является создание доступной и востребованной площадки для обмена мнениями между гражданами и органами государственной власти, органами местного самоуправления.

Переговоры используются как форма коллективно-го разрешения проблем на различных уровнях как на государственном уровне, так и на в повседневной жизни. Переговоры представляют собой обмен мнениями с определенной деловой целью и могут осуществиться даже тогда, когда люди об этом даже не догадываются. Переговоры – это специфическая разновидность комму-

никативной активности, которая приводит к сглаживанию споров и разногласий с максимальным учетом интересов оппонентов. Причем целью переговоров является не только разрешение противоречий, а поиск общих условий которое бы способствовали достижению цели каждой стороны переговорного процесса. Приговоры могут быть как официальными, так и протокольными [5].

В современной практике сложилось несколько стратегий, подходов ведения переговоров в зависимости от индивидуально психологических особенностей личности участников. Первая стратегия проведения переговоров сводится к противостоянию крайних позиций партнеров по общению.

Например, человек с мягким характером, гибкими установками во время переговоров будет избегать острых углов, не вступать в конфронтацию, ради достижения соглашения склонен идти на уступки. В тоже время человек с ригидным характером будет отстаивать свою позицию.

Следующая стратегия представляет собой середину между мягкостью и жесткостью, но придерживаться «зо-

лотой середины» довольно сложно и к сожалению, не всем удается [5].

Третий стратегический подход к ведению переговоров предполагает разрешение проблемы исходя из ее содержания и не имеет ничего общего с торгом по поводу жестко придерживаемой позиции оппонентов. Это принципиальные переговоры, здесь осуществляется попытка учета интересов обеих сторон, результат должен быть обоснован справедливыми нормами независимо от воли каждой стороны.

Переговорный процесс имеет свои этапы: подготовка к переговорам, непосредственное проведение переговоров, анализ (обсуждение) результатов переговоров [5-6].

На этапе подготовки к переговорам необходимо проработать содержание, организацию и тактику ведения переговорного процесса. Содержательный аспект переговорного процесса определяет:

- иерархию целей переговорного процесса;
- основное содержание обсуждаемых предложений или проблем;

— возможные варианты разрешения вопросов и определение перспектив достижения поставленных целей.

Организационный аспект переговорного процесса охватывает широкий спектр вопросов:

- место проведения переговоров;
- время;
- общая стратегия проведения переговоров;
- подбор команды;
- точное распределение функций и ролей каждого члена команды.

Проработка тактического аспекта переговорного процесса обеспечивает необходимую деловую согласованность выдвигаемых предложений. Тактический аспект включает весь объем конкретных вопросов от тактико-технологических характеристик предложений до финансовых и юридических деталей [6].

Проработка этих трех аспектов предполагает высокий уровень интеллектуальных способностей и профессиональных знаний, поэтому здесь рекомендуется командная работа.

Таблица 1.

Задачи первой фазы переговоров

Задачи	Продуктивные приемы, способствующие решению поставленных задач	Не продуктивные формы поведения
Установление контакта	- контакт глаз; - обращение по имени; - открытая поза.	- отсутствие контакта глаз; - отсутствие реакции на слова партнера; - «закрытая» поза.
Поддержание контакта	- активное слушание; - эмоциональное сопровождение коммуникации; - контакт глаз; - прямое обращение; - «открытая» поза; - уточняющие вопросы.	- отсутствие контакта глаз; - отсутствие реакции на слова партнера; - «закрытая» поза. - дистанцирование; - вопросы не по теме; - оценивание собеседника.
Снятие напряжение	- функциональные вопросы; - объективация собственного состояния, состояния собеседника и ситуации в целом; - «открытая» поза и поведение; - спокойный тон речи; - идентификация с собеседником; - принятие ответственности и разделение инициативы.	- ригидная позиция; - взаимное расположение партнеров друг на против друга; - эмоциональный тон; - оценочное отношение; - приписывание негативных ролей и черт; - неприятие собеседника в целом либо его позиции.
Поддержание разговора	- отзеркаливание; - перефразирование; - уточняющие вопросы; - беседа в терминах и представлениях собеседника.	- игнорирование интересов и представлений собеседника; - навязывание собственного решения; - отсутствие обратной связи.
Фиксация точки зрения собеседника	- перефразирование.	- использование словосочетаний по типу: «Я понял», «Так, все понятно» и т.п.
Уточнение, прояснение позиций	- фиксация позиций по главной теме.	- использование словосочетаний по типу: «Я понял», «Так, все понятно» и т.п.

На этапе непосредственного проведения переговоров теоретики и практики выделяют три фазы переговорного процесса.

Первая фаза – уточнение позиций оппонентов, главные задачи данной фазы представлены в таблице 1.

Вторая фаза ведения переговорного процесса заключается в поиске разрешения поставленных задач. Это главная фаза, здесь важно минимизировать разногласия. На этой фазе проявляется физическая и психологическая выдержка переговорных команд. От того каким образом поведет себя человек на этой фазе будет зависеть успех переговоров [5-6].

Безусловно защищая свои интересы необходимо проявлять твердость, но там, где это возможно желательно уступить оппоненту, учесть и его интересы. Для достижения поставленных целей переговоров необходимо искать взаимовыгодные варианты разрешения проблем. Предлагаемые участниками переговоров варианты решения могут быть различны, но в любом случае участники переговоров будут придерживаться того решения, которое было достигнуто путем соглашения.

Бывают ситуации, когда оппоненты в переговорном процессе не склонны менять свои установки и намерения и пытаются путем манипулирования достигнуть собственных целей.

Манипулирование – это такая стратегия поведения при которой личность пытается удовлетворить свои потребности и интересы путем скрытого давления на собеседника. При этом манипулирование может быть

на столько скрытым, что собеседник об этом может не подозревать. Здесь важно обладать навыками распознавания манипулятивного поведения, чтоб была возможность быстро отреагировать и повернуть переговоры в нужное русло [6].

В таблице 2 приведены примеры реагирования на манипулятивное поведение.

Также существуют более сложные для манипуляции, которые сложно выявить сразу. Такая группа манипуляций относится к так называемым «социальным обычаям».

В ситуации если вышеперечисленные типы манипуляций используются не часто и оппонент недостаточен о них осведомлен, то от них будет крайне трудно защититься. Но способность выявлять и избегать манипуляций, удерживать свою позицию важно, но это является дополнительным условием ведения успешных переговоров [5-6].

Практика проведения переговоров показывает, что огромное влияние на успех оказывает психологическая атмосфера. Для этого следует придерживаться следующих правил:

- ровный спокойный тон и тембр речи;
- определение среди оппонентов «ключевой фигуры», потому что от нее будет зависеть разрешение вопросов;
- никогда при ведении переговоров не указывать на ошибки и промахи представителей своей команды (организации);

Таблица 2.

Реакции на манипулятивное поведение и защита от него в переговорном процессе

Манипулятивное поведение	Предполагаемые реакции оппонента	Способы защиты
Указание на возможную критику действий оппонента со стороны своей команды ли общестственности.	Возрастание тревожности, чувства неопределенности, того что, что-то не так понято.	Изобразить гнев и удивление от того что другая сторона может опуститься до такой тактики.
Демонстрация самоуверенности и полного превосходства.	Вхождение оппонента в роль «просителя», поскольку понимает неэффективность своих усилий.	Проявлять скептический настрой относительно позиции оппонента, постепенно наращивать демонстрацию собственной самоуверенности.
Многословное доказательство нелогичности аргументов оппонента	Возрастающее чувство бессилия, так как появляется ощущение того что все последующие аргументы будут также «разгромлены»	Вежливо объяснить, что противоположная сторона не ясно поняла ситуацию.
Озвучивание риторических вопросов о поведении и здравом уме оппонента	Возникновение желания ответить на все вопросы, если это не получается появляется чувство слабости.	Не отвечать! Указать на то что другая сторона некорректно задала вопросы.
Чередования гнева и милости	Дезориентация, возрастание неуверенности в себе.	Отвечать соответственно контексту, гневом на гнев, милостью на милость.
Блеф, который демонстрирует полную независимость от оппонента.	Утрата уверенности в том, что оппонент может удержать свою позицию.	Задавать критические вопросы, демонстрировать позитивное отношение.

— при возникновении «острых углов» не использовать выражения: «безусловно», «только так», «окончательное решение» и т.п., лучше заменить их на: «я думаю», «мне кажется», «это может быть интересным вариантом» и т.п.

III фаза – достижение договоренностей – заключительная фаза переговоров логически вытекает из всего хода возможных вариантов (альтернатив) решения проблем, а потому в заключение нужно еще раз убедиться, что нет недомолвок. Переход к завершающей фазе только на том основании, что заканчивается срок (например, отведенное время на встречу, окончание командировки), является отнюдь не лучшим мотивом для заключения соглашений или подписания протокола о намерениях. Это очень ответственная, важная и значительная часть переговоров. Любая неточность, небрежность или невнимательность могут привести к исходной точке или к еще большим разногласиям и разрыву любых отношений и конфликтов [5-6].

Полностью застраховаться от дальнейших недоразумений в совместной деятельности невозможно, но свести к минимуму эти недоразумения можно. Для этого необходимо:

- записать договоренность;
- убедиться, что записанное одинаково понимается;
- убедиться, что другая сторона имеет полномочия по достигнутым договоренностям;
- проверить документацию;
- стеречься незамеченных дополнительных пунктов;
- уточнить разногласия;
- предусмотреть испытательный срок или образец.

Результатами переговоров могут быть:

- договор (правовой акт, устанавливающий права и обязанности договаривающихся сторон);
- пакт (разновидность договора, цель которого обеспечение гарантий и согласованных действий);
- конвенция (правовое соглашение по отдельному вопросу в согласуемой процедуре);
- протокол о намерениях (договор, который не носит юридического характера, а лишь проясняет степень согласованности намерений сторон);
- декларация и меморандум (заявления сторон о том, что они будут придерживаться одинаковой линии поведения в обсуждаемом вопросе);
- джентльменское соглашение (Договор, заключен-

Таблица 3.

Манипулирование «благопристойностью» и справедливостью

Манипулятивное поведение	Предполагаемые реакции оппонента	Способы защиты
«Будь доброжелателен»	Согласно этикету, такое поведение располагает к общению, вызывает «упорядоченную реакцию»	Быть доброжелательным в ответ, но не угождать.
Патетичные призывы к пониманию своей позиции	Подталкивает к великодушию и бескорыстию	Избегать призывы, не отвечать прямо на вопросы
Демонстрация некомпетентности в понимании позиции оппонента	Вызывает необходимость разъяснения, что может привести к разглашению лишней информации	Спросить, что именно не понятно
Ориентация на обсуждение проблемы как чего-то обычного (обесценивание)	Возникновение ощущения дружеских отношений, в которых нет нужды усложнять друг другу жизнь	Спокойно показать, что еще есть препятствия
Рациональный подход: утверждения базируются на очевидных и конструктивных идеях	Страх проявить некомпетентность	Указать на то, что некоторые важные аспекты были упущены и требуют обсуждения.

Таблица 4.

Общие правила поведения на переговорах

Можно	Нельзя
Задавать вопросы	Много говорить
Слушать	Смягчать или обесценивать доводы
Обобщать	Делать много встречных предложений
Опирается на идеи оппонента	Подчеркивать разногласия
Найти общие интересы и опираться на них	Спорить, насмехаться, нападать (защищаться, обвинять)
Вести себя недвусмысленно	Жестко указывать на разногласия
Выражать свои чувства	Употреблять такие выражения, как «При всем моем уважении к Вам», «честно говоря» и т.п.

ный в устной форме).

III этап: подведение итогов переговоров

Переговоры завершились. Казалось бы, на этом можно поставить точку. Однако это далеко не так. Прежде всего следует подвести итоги: были ли они успешными? Для того, чтобы это оценить, целесообразно каждый раз по завершении переговоров провести их анализ и обсуждение с участием всей переговорной команды. Целесообразно обсудить следующие вопросы:

- что способствовало успеху переговоров;
- какие возникали трудности, как они преодолевались;
- что не было учтено при подготовке к переговорам и почему;
- какие возникали неожиданности в ходе проведения переговоров;
- каким было поведение партнера на переговорах;

— какие принципы ведения переговоров можно и нужно использовать на других переговорах.

Успешное осуществление переговорного процесса в рамках реализации практик инициативного бюджетирования будет способствовать решению наиболее актуальных проблем населения, улучшению среды, а соответственно и повышению удовлетворенности качества жизни. Также, это даст возможность снизить социальное напряжение среди граждан, даст понимание важности решаемых задач и ответственности за принятие решения, повысит доверие к органам власти и поможет обеспечить плотное взаимодействие с населением [7]. Рассмотренные психологические стратегии и подходы ведения переговоров хороши в случае решения точечных вопросов при реализации проектов инициативного бюджетирования и обеспечение оптимального взаимодействия органов власти и населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азисова, Л.А. Бюджетирование, ориентированное на результат [Электронный ресурс]. URL.:[http://arbir.ru/miscellany/U18S840E55092- Бюджетирование-ориентированное-на-результат](http://arbir.ru/miscellany/U18S840E55092-Бюджетирование-ориентированное-на-результат) (Дата обращения 30.06.2021)
2. Вагин, В.В. Инициативное бюджетирование: российская практика. [Электронный ресурс]. URL: <http://budget4me.ru/materials/47e14512-ba46-11e6-8a28-0242ac10f406> (Дата обращения 30.06.2021)
3. Жигалов, Д.В. Использование инструментов бюджетирования, ориентированного на результат, в практике муниципального управления / Перцов Л.В., Чалая, Ю.Ю. // [Электронный ресурс]. URL.:<http://www.urbaneconomics.ru> (Дата обращения: 30.06.2021)
4. Изотенков, А.А. Бюджетирование, ориентированное на результат: Зарубежный опыт и возможность применения в России. [Электронный ресурс]. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhetrovanie-orientirovannoe-na-rezultat-v-sfere-nauki-i-innovatsiy> (Дата обращения: 30.06.2021)
5. Лебедева М.М. Технология ведения переговоров [Электронный ресурс]: учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 192 с.
6. Фишер Р. Переговоры без поражения [Электронный ресурс]: гарвардский метод / Р. Фишер, У. Юри, Б. Патон. — Электрон, текстовые данные. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 257 с.
7. Эльтекова, З.А. Бюджетирование, ориентированное на результат, в сфере науки и инноваций/, З.А. Эльтекова, А.О. Ладный, В.В. Гольберт, В.А. Шарапов. [Электронный ресурс]. URL.: <http://bujet.ru/article/77758.php> (Дата обращения 30.06.2021)

© Жихарева Лилия Владимировна, Юдеева Татьяна Васильевна (djoma@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ БЫВШИХ ОСУЖДЕННЫХ К ЖИЗНИ В ЗАКОНОПОСЛУШНОМ ОБЩЕСТВЕ

Распопин Евгений Владимирович

*К.псих.н., доцент, Уральский юридический институт МВД
России (Екатеринбург)
ev73@mail.ru*

PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL FACTORS OF RE-SOCIALIZATION OF FORMER CONVICTS TO LIFE IN A LAW-ABIDING SOCIETY

E. Raspopin

Summary: The aim of the work was to study the psychological and social factors of successful re-socialization of former convicts to life in a law-abiding society. The main method of data collection was a survey, the processing of the data obtained was carried out using content analysis. The subjects were convicts who were re-serving their sentences, as well as relatives and friends of the convicts. According to the results of the study, it was found that convicts see primarily external, social resources as factors of successful re-socialization, and pay little attention to changing their life position. Relatives and friends also note that social resources are an essential factor in successful re-socialization. But, at the same time, they pay more attention to the need to change the wrong behavior of the convicts themselves. The results obtained can be used to organize preventive measures aimed at preventing the commission of repeated crimes by persons released from prison.

Keywords: convicts, psychology of convicts, resocialization, criminal behavior, recidivism.

Аннотация: Целью работы выступило изучение психологических и социальных факторов успешной ресоциализации бывших осужденных к жизни в законопослушном обществе. Основным методом сбора данных являлся опрос, обработка полученных данных осуществлялась при помощи контент-анализа. В качестве испытуемых выступали осужденные, повторно отбывающие наказание, родные и близкие осужденных. По результатам исследования было установлено, что осужденные в качестве факторов успешной ресоциализации видят, прежде всего, внешние, социальные ресурсы, и мало внимания уделяют изменению своей жизненной позиции. Родные и близкие также отмечают, что социальные ресурсы являются существенным фактором успешной ресоциализации. Но, вместе с тем, они уделяют больше внимания необходимости изменения неправильного поведения самих осужденных. Полученные результаты могут использоваться в целях организации профилактических мероприятий, направленных на предупреждение совершения повторных преступлений лицами, освободившимися из мест лишения свободы.

Ключевые слова: осужденные, психология осужденных, ресоциализация, преступное поведение, рецидивная преступность.

Введение

В настоящее время перед пенитенциарной психологией стоит ряд важных практических задач, таких, как разработка методик прогнозирования преступного поведения личности [5], оценка степени исправления осужденных [6], изучение факторов, оказывающих влияние на личность осужденного в период отбывания наказания [9] и т.д.

Также важное практическое значение имеет проблема изучения факторов, оказывающих влияние на процесс ресоциализации бывших осужденных, их адаптации к жизни в законопослушном обществе после освобождения из мест лишения свободы [2, 3]. Ранее нами было проведено исследование, целью которого выступало изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации этих людей. В исследовании приняли участие повторно осужденные и их близкие. По результатам исследования было установлено, что все причины можно обобщить в три основные группы. Первая группа – это

неправильное поведение самого бывшего осужденного. Например, нежелание трудиться, безответственное отношение к своим близким, употребление психоактивных веществ и т.д. Вторая группа – это проблемное поведение окружающих людей. Например, негативное влияние «старой компании», недоверие со стороны окружающих, отсутствие поддержки со стороны близких. Третья группа – неблагоприятные социально-экономические факторы. Например, отсутствие жилья и работы. При этом сами осужденные в качестве основных причин, мешающих им нормально адаптироваться к жизни в законопослушном обществе, чаще называют внешние факторы – негативное влияние окружающих и неблагоприятные социально-экономические условия. Что же касается родных и близких, то они чаще отмечают, что основные причины, по которым осужденные не могут вернуться к нормальной жизни, коренятся в деструктивном поведении самих бывших осужденных [7]. Таким образом, на первый план здесь выступает проблема локуса контроля [1], то есть способности осужденных брать на себя личную ответственность за свое поведение.

В целом, полученные результаты указывают основные пути, направления для организации психопрофилактической и коррекционной работы с бывшими осужденными для того, чтобы помочь им адаптироваться к жизни в законопослушном обществе. Однако для полноценного решения проблемы необходимо также изучить те факторы, которые не только препятствуют, но и способствуют успешной ресоциализации. Эти факторы представляют собой своего рода точку опоры, положительный полюс, который может быть использован как ресурс для восстановления нарушенной адаптации осужденного.

В связи с этим целью данной работы выступило изучение психологических и социальных факторов успешной ресоциализации бывших осужденных к жизни в законопослушном обществе.

Процедура и методы проведения исследования

Выборку исследования составили:

1. осужденные, повторно отбывающие наказание в исправительных учреждениях ФСИН России в количестве 121 человек;
2. близкие и родственники осужденных в количестве 90 человек.

Сбор данных проводился при помощи опроса [10]. Испытуемым предлагалось в свободной форме ответить на вопрос о том, что могло бы помочь бывшему осужденному адаптироваться к жизни на свободе и больше никогда не попадать в места лишения свободы. Ответы испытуемых обрабатывались при помощи контент-анализа [4]. Категории контент-анализа определялись путем предварительного изучения ответов испытуемых и последующего объединения этих ответов вокруг основных смысловых тем, которым они соответствуют. Вначале был проведен контент-анализ ответов в группах осужденных и их близких. После этого проводился сравнительный анализ частоты упоминания тех или иных категорий ответов между группами. Для математической обработки применялся χ^2 критерий Фишера [8].

Результаты исследования

По результатам изучения ответов осужденных было установлено, что, по их мнению, успешной ресоциализации могут способствовать следующие факторы:

1. обеспеченность работой, регулярная и достойная оплата труда (в отчетах осужденных данная категория встречается в 34,3 % случаев);
2. доверие и поддержка со стороны семьи и близких (23,0 %);
3. социальная помощь в виде денежных выплат, решения жилищного вопроса, восстановления документов, консультаций специалистов (юристов,

психологов) (12,7 %);

4. избавление от вредных (алкоголь, наркотики) привычек (6,4 %);
5. уход от негативного влияния «старой компании», разрыв связей с преступным миром (5,4 %);
6. достаточное количество денег (4,9 %);
7. изменение жизненной позиции, переосмысление ценностей, поиск целей в жизни, принятие ответственности за свое будущее (4,4 %);
8. развитие способности к саморегуляции, контроль над своим поведением и поступками (2,9 %);
9. стабильный, упорядоченный образ жизни (2,9 %);
10. изменение отношения со стороны общества, снижение контроля со стороны правоохранительных органов (2,9 %).

По мнению близких, успешной ресоциализации бывших осужденных могут способствовать следующие факторы:

1. работа, регулярная и достойная оплата труда (данная категория упоминается в отчетах родных и близких в 26,0 % случаев);
2. вера и поддержка со стороны семьи и близких (19,7 %);
3. изменение жизненной позиции, наличие позитивных жизненных целей, принятие ответственности за свое будущее (15,7 %);
4. избавление от вредных привычек (12,6 %);
5. делегирование бывшему осужденному ответственности за свою жизнь и за благополучие своих близких, развитие у него чувства долга перед собой и другими людьми (11,8 %);
6. систематический контроль над поведением бывшего осужденного со стороны родных и близких, установление для него правил поведения, которые он должен соблюдать, требовательность и неуклонность в необходимости соблюдении этих правил (8,7 %);
7. уход от негативного влияния «старой компании», разрыв связей с преступным миром (3,1 %);
8. социальная помощь в виде денежных выплат, решения жилищного вопроса, восстановления документов, консультаций специалистов (2,4 %).

Как видно из полученных результатов, и осужденные, и их близкие неоднократно обращались к одним и тем же темам. В связи с этим, между результатами осужденных и их близких был проведен сравнительный анализ. Значимые различия были получены по следующим категориям:

1. осужденные чаще видят путь к успешной ресоциализации в получении социальной помощи в виде временных выплат, поиска жилья, восстановления документов, помощи специалистов ($p \leq 0,01$);
2. близкие чаще отмечают, что пройти процесс ресоциализации могут помочь такие факторы, как

изменение жизненной позиции, принятие ответственности за свое будущее ($p \leq 0,01$) и избавление от вредных привычек ($p \leq 0,05$).

Таким образом, осужденные видят в качестве факторов успешной ресоциализации, прежде всего, внешние, социальные ресурсы, и меньше внимания уделяют изменению своей жизненной позиции. Родные и близкие больше внимания уделяют необходимости изменения поведения самих бывших осужденных. Но также они отмечают, что существенным фактором успешной ресоциализации являются и социальные ресурсы, такие, как трудоустройство, поддержка семьи и т.д. При этом близкие, с одной стороны, говорят о том, что бывшие осужденные должны сами принимать на себя ответственность за свое поведение и, вместе с тем, отмечают, что они нуждаются в постоянном внешнем контроле.

Выводы

1. В целом можно выделить две основные группы факторов, способствующих ресоциализации осужденных – внешние и внутренние. Внешние факторы – это помощь со стороны социального окружения. Внутренние – актуализация ресурсов личности самого осужденного, необходимых для

решения стоящих перед ним проблем.

2. Осужденные на первый план ставят внешние, социальные факторы. Их родные и близкие, не отрицая положительного значения внешних факторов, подчеркивают необходимость актуализации внутренних ресурсов личности самих осужденных.
3. Среди конкретных факторов, способствующих процессу ресоциализации, на первый план выступают:
 - а) по мнению осужденных: работа, хорошая оплата труда; доверие и поддержка со стороны семьи и близких; социальная помощь и др.;
 - б) по мнению родных и близких: работа, достойная оплата труда; доверие и поддержка со стороны семьи и близких; изменение жизненной позиции, принятие бывшим осужденным ответственности за свое будущее; избавление от вредных привычек; делегирование бывшему осужденному ответственности за свое поведение и, в то же время, постоянный контроль над его поведением со стороны близких и др.
4. Эти факторы представляют собой ресурс, который может быть использован для восстановления нарушенной адаптации осужденного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). – М.: Смысл, 1993. – 16 с.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология. – СПб.: Питер, 2009. – 608 с.
3. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 681 с.
4. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2000. – 320 с.
5. Логинов Е.А. Возможности криминологического прогнозирования индивидуального преступного поведения // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 4 (55). – С. 77–82.
6. Пастушеня А.Н. Психологическая диагностика степени исправления осужденных: основы теории и методики // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 4. – С. 10–20.
7. Распопин Е.В. Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – № 07. – С. 90–94.
8. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2007. – 350 с.
9. Скрипка Л.В. Эмоциональные состояния впервые осужденных в процессе отбывания наказания // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 3. – С. 98–102.
10. Худяков А.И. Экспериментальная психология в схемах и комментариях. – СПб.: Питер, 2008. – 320 с.

© Распопин Евгений Владимирович (ev73@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВООБРАЖЕНИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ КОМПОНЕНТ МУЗЫКАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

IMAGINATION AS AN INTEGRAL COMPONENT OF STUDENTS MUSICAL ACTIVITY

*I. Saveleva
M. Gadzhieva*

Summary: The article deals with the theoretical aspects of imagination as an integral part of the musical activity of students. Music classes (music lesson), being a component of the subjects of the aesthetic cycle, contribute to the comprehension of children of a holistic artistic picture of the world, the development of associative thinking. The authors explore the concept of «imagination» in a historical context, pay attention to the types of imagination, its specific functions, analyze the programs «Music» of various authors from the point of view of modeling the process of artistic creativity in the classroom, aimed at the formation of associative thinking.

Keywords: musical activity, imagination, types of imagination, functions of imagination, creativity.

Савельева Ирина Петровна

*К.культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»
ms.savel1973@mail.ru*

Гаджиева Мария

ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические аспекты воображения как неотъемлемой части музыкальной деятельности обучающихся. Музыкальные занятия (урок музыки), являясь компонентом предметов эстетического цикла, способствуют постижению детьми целостной художественной картины мира, развитию ассоциативного мышления. Авторы исследуют понятие «воображение» в историческом контексте, уделяют внимание видам воображения, его специфическим функциям, анализируют программы «Музыка» различных авторов с позиции моделирования на занятиях процесса художественного творчества, направленного на формирование ассоциативного мышления.

Ключевые слова: музыкальная деятельность, воображение, виды воображения, функции воображения, творчество.

Во всех видах музыкальной деятельности, от создания музыки, до ее исполнения и восприятия, непременно присутствует процесс воображения. Музыкальное воображение является неотъемлемым компонентом как непосредственно исполнительской деятельности, так и игровой, которая позволяет в реально совершаемых действиях музыканта, педагога, ребенка выявить отражение более серьезных событий, ситуаций [7, с.46]. Развитое воображение позволяет воспринимать искусство, «учит человека подниматься над обыденной действительностью и приобщаться к духовному опыту человечества» [6, с. 220]. Сам творческий акт (искусство) уже является процессом познания. Так, уже Платон отмечал воспитательную роль музыкального искусства, которое не только украшает жизнь человечества, но и является воплощением полноты самой жизни, пробуждающей непорочную душу, заставляющей «выражать вакхический восторг в песнопениях и других видах творчества, украшая несчетное множество деяний предков, воспитывает потомков» [8, с. 154]. В своем диалоге «Софист» он говорит, что: «Творческое искусство... есть всякая способность, которая является причиной возникновения того, чего раньше не было» [8, с. 340-341]. Эта точка зрения подробно развита в трудах В. Гумбольдта, А. Поттебни [3, с. 33]. Даже самое элементарное детское творчество начинается с «чуть-чуть». Особенно это за-

метно при исполнении музыки: «...Возьмем три главных условия: высоту, время и силу звука. Музыкальное исполнение только тогда и есть искусство и тогда заражает, когда звук будет не выше, ни ниже того, который должен быть, то есть будет взята та бесконечно малая середина той ноты, которая требуется, и когда протянута будет эта нота ровно столько, сколько нужно, и когда сила звука будет ни сильнее, ни слабее того, что нужно. Малейшее отступление в высоте звука в ту или другую сторону, малейшее увеличение или уменьшение времени и малейшее усиление или ослабление звука против того, что требуется, уничтожает совершенство исполнения и вследствие того заразительность произведения» [11, с. 127-128].

Определение понятию «воображение» человека пытался сформулировать еще сам Сократ. Он определял его, как неделимую часть искусства, а искусство представлялось подражанием космосу или деятельности людей и животных [6, с. 96]. В XV веке соединение драмы с музыкой, придуманное в Италии для восстановления воображаемой древнегреческой драмы с музыкой, вдохновляло последующее поколение музыкантов (Моцарта, Вебера, Россини и др.) [11, с. 94]. Новейший психологический словарь предлагает следующую трактовку понятию: «воображение (фантазия) – психическая деятельность, заключающаяся в создании представлений и

мысленных ситуаций, никогда в целом не воспринимавшихся человеком в действительности» [14, с. 74]. По мнению Дудецкого А.Я.: «воображение – это психический процесс создания образа предмета или ситуации путем перестройки имеющихся представлений, в котором своеобразно и неповторимо отражается внешний мир, позволяющий программировать не только будущее поведение, но и представлять возможные условия его осуществления» [4, с. 35.] Процесс воображения начинается с построения образа, в последствие образы воплощаясь способны менять действительность. Воображение в психологии рассматривается как одна из форм отражательной деятельности сознания, проявляющаяся не как существующая, а как возможность или вероятность. С помощью воображения человек способен выходить за рамки имеющегося опыта и текущего момента времени, что позволяет находить множество вариантов выходов из любой ситуации [9, с. 278]. Воображение творческое предполагает «самостоятельное создание образа, вещи, признака, не имеющих аналогов, новых, реализуемых в оригинальных и ценных продуктах деятельности» [13, с. 76]. Таким образом, воображение – это неотъемлемый компонент любой творческой деятельности человека, который выражается в построении образов результатов деятельности, который также обеспечивает создание модели поведения человека в различных ситуациях. Кроме того, воображение может выступать и средством формирования образов, не предопределяющих деятельность, а заменяющих ее. Воображение занимает промежуточное место между психическими процессами восприятия и мышления, мышления и памяти. Как отмечает А. Торопова: «в живой музыкально-педагогической практике (в каждом уроке музыки) отсутствуют границы между процессами музыкального восприятия и мышления, воображения и воспоминания, интуиции и знания, но присутствуют разнообразнейшие «жизненные проявления» типичного и индивидуального протекания этих процессов» [12, с. 11].

Можно выделить следующие виды воображения:

- активное (преднамеренное) – с помощью него человек по своему желанию создает новые образы;
- пассивное (непреднамеренное) – при этом виде воображения образы возникают без усилий воли, т.е. спонтанно;
- продуктивное – это творческое воображение, способствующее созданию новых образов, которые никогда не существовали до этого;
- репродуктивное (воссоздающее) – посредством него реальность воссоздается в изначальном виде, с помощью описания конкретных образов [5, с. 318].

Воображение имеет свои специфические функции:

- познавательная – воображение помогает челове-

ку домысливать, достраивать недостающую информацию о предмете еще до того, как сложится само это понятие;

- целеполагание и планирование – помогает представить путь достижения какой-либо цели, заранее представить желаемый результат;
- побудительная – с данной функцией можно сформировать мечту, которая может побудить человека к деятельности, которая соответственно поможет осуществить мечту;
- защитная – в воображении человек может воссоздать различные ситуации, результаты какой-либо деятельности и, таким образом, отсеять возможные неприятности;
- социальная – воображение помогает в общении, например, благодаря воображению человек может поставить себя на место другого человека [6, с. 52].

Воображение можно развить в рамках пределов, связанных с генотипическими обусловленными возможностями человека. Развитие воображения предусматривает его совершенствование по следующим признакам: по разнообразию процессов воображения, по оригинальности образов воображения, оцениваемой другими людьми, по уровню детализации построения образов воображения, по интеллектуальному уровню образов воображения, проявляющемуся в их мысленной интерпретации другими людьми, по эмоциональности реакций других людей на продукты воображения данного индивида.

У некоторых детей воображение проявляется уже в 2-3 года без специального обучения в этом направлении, а у других даже в более позднем возрасте специфические приемы не способствуют ярко выраженным проявлениям воображения. Таким образом, многие исследователи сходятся во мнении об определенной врожденности данного компонента. Однако, обладая врожденным комплексом воображения (более или менее выраженным) и применяя творческие задания, можно в значительной степени его развить.

Личность ребенка формируется постоянно под влиянием всех обстоятельств жизни. Но, есть особая сфера жизни ребенка, которая обеспечивает специфические возможности для личностного развития – это игра. Основной психической функцией, обеспечивающей игру, является именно воображение. Воображая игровые ситуации и реализуя их, у ребенка формируется целый ряд личностных свойств, таких как: справедливость, смелость, чувство юмора и пр. Через работу фантазии происходит компенсация недостаточных реальных возможностей ребенка преодолевать жизненные трудности, конфликты, решать проблемы социального взаимодей-

ствия.

Работа воображения способствует развитию целого комплекса человеческих качеств, в число которых входит и одухотворенность. По мнению психологов, способность к продуцированию образов, интеграции разрозненных элементов в единую систему-образ, одухотворенность реальных образов и реалистичных нереальных, выход за рамки обыденного, способность к символизации и полимодальному представлению – все это одна из граней творческой личности [12, с. 83]. При одухотворенности воображение включено во всю познавательную деятельность, сопровождаясь особо положительными эмоциями.

Результатом процесса воображения могут быть материальные и идеальные образы. В ходе воображения ребенок самостоятельно создает новые образы и идеи, представляющие ценность для других людей или общества в целом и которые воплощаются в оригинальных продуктах деятельности. В процессе музыкальной деятельности, которую также целесообразно внедрять посредством игры, воображение способно существенно подвинуть и развить мыслительные функции ребенка. Так, Выготский Л.С. отмечает, что: «развитие воображения и развитие рассудка очень расходятся в детском возрасте» [2, с. 89]. Кроме того «всякая эмоция обслуживается воображением и сказывается в целом ряде фантастических представлений и образов, которые служат как бы вторым выражением» [2, с. 209].

Проблемно-творческие задания на уроке музыки, например, предлагающие выбрать из двух стихотворений наиболее подходящее к прозвучавшему музыкальному произведению, или выбрать из ряда картин (иллюстраций), соответствующую образу для определенного музыкального произведения, способствуют развитию воображения, стимулируют аналитические центры ребенка. Наблюдение за развитием одного музыкального образа в контексте развития других музыкальных образов произведения приводят к пониманию взаимосвязи событий и закономерностей развития жизни. Подключая воображение (фантазию) в сопереживании музыкальному образу произведения, ребенок становится более отзывчивым к окружающим, приобретает способность тоньше чувствовать чужую боль, многообразие мира, у него вырабатывается особое отношение к окружающим на основе общечеловеческих духовных ценностей (любовь, красота, сила духа, истина, ценность жизни). Музыка посредством воображения становится инициатором диалога, возникающим между позицией автора и впечатлением слушателя.

Урок музыки, являясь компонентом предметов эстетического цикла, способствует пониманию детьми

целостной художественной картины мира, развитию ассоциативного мышления. Развитие чувственного восприятия, способности к эмоционально-эстетической оценке – важнейшая задача музыкального занятия. Любой вид деятельности на уроке музыки должен активизировать чувства и разум, подталкивать к творческому постижению сердцем и умом сущности музыкального произведения. Кроме того, воображение, применяемое на музыкальном материале, имеет и психотерапевтическую функцию. Такой «эмоциональный массаж» позволяет повысить самооценку, снять стресс, расслабить мышцы. Как отмечает Л.С. Выготский: «там же, где эмоция находит свое разрешение в образах фантазии, там, конечно, это фантазирование ослабляет реальное проявление эмоции, и если мы изжили наш гнев в нашей фантазии, он в наружном проявлении скажется чрезвычайно слабо» [3, с. 242]. Анализируя Н.Б. Берхина, Л. Бочкарев свидетельствует о механизме взаимодействия воображения и эмоции: «слушатель, зритель как бы перевоплощается в воображаемого... героя, чувствует и воспринимает от его имени. Благодаря личным ассоциациям в этот процесс включаются фрагментарно житейские эмоции, которые стимулируются ситуацией, аналогично воспринимаемой. Эти личные эмоции преобразуют чувство сопереживания воображаемому герою в чувство сопереживания самому себе. Свое же – личное, с другой стороны, переживается как чувство другого. На основе взаимодействия этих двух чувств... «житейское» переживание как бы погашается – очищается... В этом «очищении» и обновлении и есть смысл эстетического переживания – катарсической реакции» [1, с. 155]. Катарсическая функция музыкального занятия, идущая «рука об руку» с терапевтической, настраивает учащихся на волну радости, счастья, удовольствия, что «напоминает другое евангельское чудо – претворение воды в вино, и настоящая природа искусства всегда несет в себе нечто претворяющее, преодолевающее обыкновенное чувство, и тот же самый страх, и та же самая боль, и то же волнение, когда они вызываются искусством, заключают в себе еще нечто сверх того, что в них содержится» [2, с. 243-244]. Б.М. Теплов указывает на тесную связь творческого вдохновения с проблемой внимания: «эти особенности проявляются в умении не только отвлекаться от наличных в данный момент помех, но и постоянно возвращаться к творческому процессу после вынужденного теми или иными обстоятельствами отрыва от него» [10, с. 47].

В настоящее время существует множество различных систем музыкального воспитания, и большинство из них опирается на фундаментальную основу – музыкальную систему Д.Б. Кабалевского. Сам педагог отмечал, что все формы музыкальных занятий в школе должны способствовать творческому развитию учащихся. Все эти качества окажут свое положительное влияние не толь-

ко на другие занятия школьников, но и на их будущую деятельность, в какой бы области она не протекала. Для общеобразовательной школы существует программа, основанная на концепции музыкального воспитания Д.Б. Кабалецкого «Искусство слышать», созданная коллективом педагогов-музыкантов И.В. Кадобновой, В.О. Усачевой, Л.В. Шоляр и О.В. Кузьминой. Авторы считают, что искусство слушать развивается у детей на основе погружения в мир музыкальных образов русской и зарубежной классики, современной музыки, фольклора, музыки для детей и собственного детского музыкального творчества. Внешней идеей, объединяющей программу, является моделирование на занятиях искусством процесса художественного творчества: когда дети становятся композиторами, поэтами, художниками, как бы заново создающими произведения искусства. Ребенок должен пройти школу эмоционального общения, школу «вживания» в музыкальный образ, школу перевоплощения, и в этом, немаловажную роль, играет воображение. Чем богаче и разнообразнее фантазия ребенка, тем ярче его восприятие. Воссоздавая путь рождения музыки в собственном варианте, в ребенке пробуждается творческая личность широкого спектра интересов. Так, музыкальные и речевые интонации должны вызревать в творчестве детей, и рождаться в их исполнительском и творческом опыте, выражая их собственные чувства. Важным, по утверждению авторов программы, является то, что урок музыки обязательно должен содержать в себе импровизацию, которая реализуется во всех формах общения учителя, ученика и музыки. На уроке музыки импровизация может осуществляться всевозможными способами: речевыми, вокальными (исполнением песен в различных стилях), имитацией простейших звукоизобразительных интонаций в игре на музыкальных инструментах, рисованием, сочинением, театрализацией, через пластическое интонирование. У ребенка должна выработаться готовность к выражению душевного состояния, мысли, впечатления. Только при таком процессе можно ожидать самостоятельное возникновение музыкальной мысли и проявление воображения, чувства. Таким образом, «чувство и фантазия являются не двумя друг от друга отделенными процессами, но, в сущности, одним и тем же процессом, и мы вправе смотреть на фантазию как на центральное выражение эмоциональной реакции» [3, с. 241].

Кроме указанной выше программы существуют программы Н.А. Тереньевой, Р.Г. Шитиковой «Музыка: 1-4 классы», Ю. Кракович «Музыка: 1-4 классы», Л.Л. Куприяновой «Русский фольклор: 1-4 классы», Т.И. Науменко, В.В. Алеева «Музыка: 5-8 классы», Е.Д. Критской, Г.П. Сергеевой, Т.С. Шмагиной «Музыка» и др., в которых предлагается в интегрированном обучении активно использовать методы, направленные на формирование

ассоциативного мышления (метод сравнения, метод «выхода за пределы музыки», метод «художественного контекста»), что также способствует развитию воображения. В подростковом периоде деятельность воображения приобретает расширенный контекст. В средних и старших классах появляется важная задача – формирование чувства стиля, которое представляет собой способность восприятия множества музыкальных текстов и позволяющая вычленять, суммировать и обобщать основные, типичные черты исторического стиля, либо стиля какого-либо композитора, стиля национальной музыки. Так, подобный подход к развитию воображения можно перенести на средства музыкальной выразительности. Одно и то же произведение может быть предложено к прослушиванию и исполнению с видоизмененной гармонией. Например, «вместо гармонизации, основанной на закономерностях русской народной песенности, может быть подобран аккомпанемент, основанный на западноевропейской гармонии», мелодия может быть исполнена с использованием всевозможных мелизмов и без них, могут быть использованы различные регистры, различные оркестровки и аранжировки [7, с. 225]. «Стимулирование педагогом вариативного подхода к исполняемому произведению, построение нескольких исполнительских планов одного и того же произведения ведет к формированию у учащихся богатого творческого воображения» - справедливо отмечает В.И. Петрушин [7, с. 225].

«Воображение – это то, что делает наш сенсорный опыт значимым, позволяя нам интерпретировать и осмысливать его, будь то с традиционной точки зрения или с новой, оригинальной, индивидуальной точки зрения. Это то, что делает восприятие чем-то большим, чем простая физическая стимуляция органов чувств. Оно также производит ментальные образы, визуальные и иные, что позволяет нам мыслить вне границ нашей настоящей перцептивной реальности, рассматривать воспоминания о прошлом и перспективы на будущее, а также сравнивать альтернативы друг с другом. Таким образом, воображение делает возможным все наши размышления о том, что есть, что было, и, возможно, наиболее важно, что могло бы быть» [15].

Свободно изобретающее воображение проявляется в полной мере в выраженной музыкальности, творческой фантазии. Воображение, дивергентное мышление и новаторство становятся определяющими факторами в современном мире [4, с. 35]. Учащиеся, развившие активное воображение, взрослея, лучше адаптируются и с большим оптимизмом смотрят в будущее. Музыка играет ключевую роль в этом взрослении. Музыка – это связующее звено с человечеством, вдохновляет и способствует не только воображению, но и реализации будущего, наполненного творческими решениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарев Л.Л. Психология музыкальной деятельности. – М.: «Классика-XXI», 2008. – 352 с.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. – М., 2021. – 414 с. – Режим доступа: <https://urait.ru/viewer/psihologiya-iskusstva-471538#page/3> (дата обращения 04.05.2021).
3. Выготский Л.С. Психология искусства. – СПб.: Питер, 2017. – 320 с.
4. Дудецкий А.Я. Теоретические основы воображения и творчества. – Смоленск, 2014. – 214 с.
5. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб., 2009. – 448 с.
6. Немов Р.С. Психология. – М.: Юрайт, 2014. — 295 с. – Режим доступа: <https://urait.ru/viewer/psihologiya-v-2-ch-chast-2-470549#page/1> (дата обращения 10.05.2021).
7. Петрушин В.И. Музыкальная психология. – М., 2021. – 380 с. – Режим доступа: <https://urait.ru/viewer/muzykalnaya-psihologiya-471252#page/2> (дата обращения 10.05.2021).
8. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Общ. Ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. А.А. Тахо-Годи. – М: Мысль, 1999. – 528 с.
9. Скоробогатов В.А., Коновалова Л.И. Феномен воображения. – М.: Союз, 2011. – 356 с.
10. Теплов Б.М. Избранные труды. – М., 1985. – 328 с.
11. Толстой Л.Н. Что такое искусство? – Полн. Собр. Соч. Т.30. – М., 1951. – 607 с. – Режим доступа: <https://urait.ru/viewer/ob-iskusstve-i-literature-474248#page/94> (дата обращения 10.05.2021).
12. Торопова А. Музыкальная психология и психология музыкального образования. – М., 2021. – 190 с. – Режим доступа: <https://urait.ru/viewer/muzykalnaya-psihologiya-i-psihologiya-muzykalnogo-obrazovaniya-434619#page/10> (дата обращения 10.05.2021).
13. Федорова Т.В. К вопросу о сущности, структуре и реализации воображения // Сибирский педагогический журнал – 2009 – № 13 – с. 276–283.
14. Шапарь В.Б. Новейший психологический словарь. – Ростов н/Д., 2007. – 806 с.
15. Найджел Дж. Т. Томас. Воображение, ментальные образы, сознание и познание: научный, философский и исторический подходы. – Режим доступа: <http://www.co-bw.com/BrainConsciousness%20Update%20index.htm> (дата обращения 05.05.2021).

© Савельева Ирина Петровна (ms.savel1973@mail.ru), Гаджиева Мария.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижневартровский государственный университет

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РОСТА В ЮНОСТИ

Трофимова Наталья Борисовна

Д.псих.н., профессор, Воронежский государственный педагогический университет
n_trofimova@mail.ru

MECHANISM OF REALIZATION OF SPIRITUAL POTENTIAL AS A POSSIBILITY OF SPIRITUAL AND MORAL GROWTH IN YOUTH

N. Trofimova

Summary: The article presents methodological developments of the concept of «spiritual potential». In particular, the mechanisms of realization of spiritual potential in youth are considered, taking into account the age characteristics of this period of ontogenesis. The article reveals the essence of the psychological mechanism of spiritual potential, as an integral interaction of psychological links that ensure the accumulation, exhaustion and at the same time the endless spiritual and moral resource of the individual. The question of the emergence of lack of spirituality and immorality in the modern world is considered.

Keywords: spiritual potential, mechanisms of spiritual potential, youth, spiritual and moral growth, spiritual experience, lack of spirituality, immorality.

Аннотация: В статье приводятся методологические разработки понятия «духовный потенциал». В частности, рассматриваются механизмы реализации духовного потенциала в юности с учетом возрастных особенностей данного периода онтогенеза. Раскрывается сущность психологического механизма духовного потенциала, как интегральное взаимодействие психологических звеньев, которые обеспечивают накопление, исчерпание и одновременно нескончаемость духовно-нравственного ресурса личности. Рассматривается вопрос появления бездуховности и безнравственности в современном мире.

Ключевые слова: духовный потенциал, механизмы духовного потенциала, юность, духовно-нравственный рост, духовный опыт, бездуховность, безнравственность.

Юношеский возраст в отношении развития духовного начала в человеке – универсальный в силу того, что для развития его личности можно получить достаточно целостную и динамическую картину всех граней духовно-душевной жизни человека. Например, развитие высших духовных ценностей добра, истины, красоты, которые содержат осязаемый трансцендентный фактор, может служить инструментом раскрытия и актуализации духовного потенциала человека. «Открываемое при этом высшее предназначение человека определяет смысл жизни и сопровождается переживаниями, которые могут проявляться в единстве таких граней, как интуиция, вдохновение, воодушевление, откровение, покаяние, прощение, просветление, благодать. Креативный заряд такого спектра состояний имеет для человека стратегический долговременный эффект, прочувствованный „каждой клеточкой тела“, оставляет о себе долгую память» [1].

Концепция целостной психологической структуры человека может служить базисом для формирования психологического механизма духовного потенциала личности юности. Вместе с тем, данная концепция опирается на принцип развития, являющийся одним из основополагающих принципов в психологии. В настоящее

время имеет место тенденция к сближению принципа развития с системным подходом. Развитие рассматривается как вид необратимых изменений, которые характерны также и для системных объектов, «эволюция которых представляет собой закономерное усложнение их системной организации» [2].

Личность – это системная категория, имеющая множественную и разноуровневую детерминацию. Однако, говоря о структуре духовного потенциала юности, необходимо учитывать тот факт, что «человек развивается в направлении возрастающей сложности; наша судьба – неуклонно становится все более уникальными и все более интегрированными с Иным: другими людьми, идеями, ценностями, тем, что вне нас» [7]. Для достижения состояния устойчивости рассматриваемой системы необходима постоянная компенсация регресса. Учеными (О.К. Тихомировым, В.Е. Клочко и др.) было обнаружено, что каждое изменение состояния человека сопровождается трансформацией окружающей его среды, изменением ценностно-смысловой структуры. Сотрудниками научной школы О.К. Тихомирова было доказано, что «объективная среда» приспособляется к человеку ничуть не меньше, чем он к ней. «Элементы структурируемой ситуации приобретают различный смысл и цен-

ность для субъекта, и эти неформальные компоненты возникают как результат соотнесения имеющегося у субъекта опыта (знаний, способов и т.д.) и конкретной ситуации» [2].

В случае соответствия опыта и ситуации у человека возникает состояние «напряженной возможности», которое появляется непосредственно тогда, когда происходит компенсация регресса, привносящего сбой в процесс развития. Возникающее состояние «напряженной возможности» для личности всегда энергозатратно. Вместе с тем, оно обеспечивает устойчивость и равновесие системы, которое, в свою очередь, обуславливает духовно-нравственную устойчивость личности. При этом меняющееся состояние человека изменяет состояния жизненного пространства, перестраивает ценностно-смысловые координаты. В силу того, что смысл всегда связан с установкой, с готовностью реализовать определенное поведение по отношению к предмету, имеющему смысл, становится возможным движение системы по линии «духовная потребность – ситуация (осознанная необходимость) – накопление духовного опыта», это непосредственно отражает вектор развития личности в юности.

Несомненно, в юности человек обладает разной готовностью к реализации имеющегося духовного потенциала, у него определяются разные проявления духовно-нравственных качеств и разные способы компенсации регресса.

Основным принципом развития духовного потенциала в юности выступает положение, в соответствии с которым при освоении нравственного опыта и условий осуществляется трансформация абстрактной возможности обладания нравственным статусом, функциями, качествами в реальную возможность и превращение последней в действительность как результат, совокупность всех реализованных духовных, нравственных возможностей, предоставляемых подрастающему поколению.

Для процесса реализации духовного потенциала в юности необходим особый психологический механизм, который не сводится к механизму достижения цели деятельности или получения желаемого результата. При рассмотрении духовного потенциала как ресурса нравственных сил, он существенно отличается от имеющихся компетенций, сложившихся навыков и умений, а также запаса социального опыта. Можно утверждать, что духовный потенциал является тем «психологическим заместителем» знаний, компетенции и опыта, который начинает играть свою роль при отсутствии последних. Согласно воззрениям А.Н. Леонтьева, механизм деятельности обязательно включает в качестве существенного компонента навыки и умения, а вот механизм духовного потенциала активизирует принципиально иные звенья,

обеспечивающие высокий уровень целедостижения даже в условиях недостаточного опыта или наличных знаний. Психологическая сущность духовного потенциала заключается в том, что он относится к затратному механизму осуществления деятельности, в то время как все другие известные механизмы овладения деятельностью и, прежде всего, механизм ее автоматизации предусматривают сбережение энергии. Без реализации механизма духовного потенциала невозможны такие явления, как самоотверженность, самопожертвование, самореализация и в крайних случаях выгорание личности.

Раскрывая сущность психологического механизма духовного потенциала, можно предположить, что он выступает как интегральное взаимодействие таких психологических звеньев, которые обеспечивают накопление, истощение и одновременно нескончаемость духовно-нравственного ресурса личности в таких обстоятельствах, которые требуют деятельности за пределом мыслимых ресурсов. В качестве примера таких ситуаций могут служить подвиги, бескорыстное самопожертвование, полная самоотдача в выполнении миссии с риском для жизни и др. Подобный механизм может действовать, если он содержит следующие звенья: накопление духовного опыта; формализация духовного опыта; развитие убеждений; систематизация мировоззрения; противопоставление идей; идеализация личностей и поступков; диссеминация, то есть распространение защищаемых идей [5].

Накопление духовного опыта выступает как начальное звено механизма реализации духовного потенциала личности в юности. На данном этапе необходимы реальные жизненные примеры духовной самореализации, саморазвития человека, которые послужили бы убедительным основанием для подражания.

В качестве примера, предлагаем рассмотреть категорию «русского героизма», с помощью которого мы формируем чувство гордости за свою страну, свой народ, свою нацию, за достижения и открытия, сделанные русским народом, за силу характера, за интернационализм русских, за великое историческое прошлое, за всю историю России, за культуру и духовность, за богатство русской души. Русский человек выступает при этом одной из главных ценностей, как покровитель традиционного русского образа, как защитник от нападок антирусских проявлений со стороны СМИ, старых и новых недругов России. Мы провели анкетирование старших школьников из пяти различных школ г. Воронежа (всего 550 человек). Показательно, что на вопрос: «Каким вы видите русского человека, назовите типичную черту его национального характера» – только 72% респондентов дали положительную характеристику, называя черту характера русского человека (душевность, бескорыстие, человечность, сила характера, терпение, щедрость, широта

души, доброта и т.д.), остальные респонденты – 28% на первое место поставили отрицательные характеристики, такие как: грубость, безалаберность, безответственность, пьянство и алкоголизм, жестокость и т.д. Характерно, что большинство негативных характеристик давали ребята другой национальности (20%), хотя постоянно живут в России, а 8% были русскими. Это значит, что эта группа русских школьников не испытывают гордости за то, что они – русские, а испытывают негативные переживания факта принадлежности к своему этносу. Школьники других национальностей (20%) отражают социокультурную ситуацию в России, когда, прежде всего, русский человек забывает о своей культуре, её своеобразии и особенности. Известно, что по теории экспектаций, человек строит свое поведение в соответствии с ожиданиями окружающих, это наиболее ярко проявляется в школьном возрасте, закрепляясь в дальнейшем в устойчивое поведение и отношение, отражающееся на адаптации молодых людей [5].

В процессе онтогенетического развития происходит постоянное изменение человека, его нравственное формирование в период юности связано с накоплением духовного опыта и если юноше удастся достичь духовного роста во всех жизненно важных для него сферах, то можно утверждать, что нравственное изменение самого себя будет успешным.

Кроме того, накопление потенциала осуществляется за счет возможностей достижения личностью гармонизирующих резонансных отношений с обществом, характеризующих духовными эталонами, нравственными целями и этическими смыслами. При этом происходит не простое механическое накопление, а ориентация своего поведения на духовные ценности, на людей, чья жизненная позиция может стать примером духовного опыта.

Духовный опыт – понятие очень емкое, и основной единицей в нем выступает опыт нравственного поведения, как содержание и условие реализации способа действий и поступков. Нравственный опыт составляет целую систему зависимостей между отдельными его частями. Подрастающее поколение не формирует новый опыт нравственного поведения, а усваивает тот, который накоплен предшествующими поколениями. Однако усвоение опыта осуществляется активным путем, в связи с чем в него всегда привносится новое. При этом активная позиция самого человека является непременным условием духовного роста и усвоения нравственного опыта.

Однако личность в современном обществе может столкнуться с противоречием между естественным стремлением человека к духовному обогащению и теми социально обусловленными ценностями, которые определяют развитие конкретной личности. В этом случае компенсации регресса не происходит и можно наблю-

дать не накопление, а снижение духовного потенциала до его минимального значения – состояния бездуховности. Социальные источники юношеской бездуховности надо искать там, где нет точек соприкосновения между обыденным и возвышенным в жизни (рассогласование опыта и ситуации). С бездуховностью непосредственно связана безнравственность как отсутствие святынь, авторитетов, идеалов и норм жизни.

Почему сегодня мы очень часто сталкиваемся с человеческим злом, безнравственностью, бездуховностью, жестокостью, девичьей агрессией, хамством, неуважением старших, издевательствами над слабыми и т.п.? Один из возможных вариантов ответа кроется в особенностях новой ситуации развития общества – эпохе постмодерна, сформировавшей новую мировоззренческую установку: «все дозволено», «каждый прав по-своему», «учитель оказывает образовательные услуги», «нравственным быть – себе дороже» и т.п. Такая ситуация позволяет оправдать любой порок, провоцирует порождение пустоты, наполнением которой будут беспринципность, безнравственность, бесцельность, тотальное развращение и нравственная деградация молодежи. Самое неприятное, что эти проявления поддерживаются законом, превращаясь тем самым в норму. При этом духовная опустошенность наступает именно как пик такого наполнения.

Появление бездуховности и безнравственности может базироваться на личностных особенностях каждого человека. Духовно-нравственная составляющая личности позволяет овладеть способами саморазвития и самосовершенствования, чем ярче выражена эта составляющая, тем, легче справиться с некоторыми отрицательными особенностями личности, уметь противостоять безнравственности. При этом духовность придает смысл жизни, в нем человек ищет и находит ответы на вопросы: зачем он живет, каково его назначение в жизни, что есть добро и зло, истина и заблуждение, красивое и безобразное и т.п.

Способы поведения идут вразрез с установленными нормами в том случае, если они усвоены формально и юноша не находит идеала в тех лицах, которые их преподносят, а потребности и мотивы длительное время не удовлетворяются. В целом нравственное поведение школьников определяется его психологической установкой, которая детерминируется духовными потребностями и ситуациями. При этом накопленный духовный опыт становится более действенным в развитии духовного потенциала, если приобретает форму четких психологических установок, некритично воспринимающихся личностью в виде их одобрения в социуме [5].

Развитие духовного потенциала личности – это глубокая внутренняя борьба положительного с отрица-

тельным, прекрасного с безобразным, нравственного с безнравственным. Старший школьник проявляет нетерпение ко всякого рода фальши, неискренности и грубости. Зарождение основ нравственности начинается с раннего детства. Еще И.М. Сеченовым было отмечено, что ребенок ассоциирует свою особу «со всеми проходящими через его сознание героями и со всеми их свойствами, сначала, разумеется, чисто внешними. Эта история продолжается все время, пока представление его о рыцаре путем повторных слуховых рефлексов (рассказов) наполняется все более и более рыцарскими свойствами. Введите в состав рыцаря отвращение к пороку, и ребенок, ассоциируя себя с таким рыцарем, будет презирать порок, т.е. на основании своих представлений о физиономии порока. Заставьте вашего рыцаря помогать слабому против сильного, и ребенок делается Дон Кихотом: ему случается дрожать от волнения при мысли о беззащитности слабого. Сливая себя с любым образом, ребенок начинает любить все его свойства; а потом путем анализа любит, как говорится, только последние. Здесь вся моральная сторона человека» [4]. Несомненно, если окружение, в котором воспитывался человек, проповедовало свойства Дон Кихота, то, вырастая, индивид будет руководствоваться этими качествами как критериями своего поведения. Развивая далее эту мысль, И.М. Сеченов продолжает: «Любовь к правде, великодушие, сострадательность, бескорыстие, равно как ненависть ко всему противоположному, развиваются, конечно, тем же путем, т.е. частым повторением в сознании страстных представлений (образных или слуховых – это все равно), в которых яркая сторона изображает все перечисленные свойства. Удивительно ли после этого, что ребенок в 18 лет, с горячей любовью к правде, не увлекаемый в противоположную сторону теми мотивами, которые развиваются у большинства людей лишь в зрелые годы, готов идти из-за этой правды на муку. Ведь он знает, что его идеалы, его рыцари терпели за нее, а он не может быть не рыцарем, потому что был им с 5 до 18 лет» [4].

Резюмирую сказанное, можно утверждать, что если нравственные нормы человеком усвоены плохо, или не усвоены, то их место в качестве детерминанты поведения займут иные качества – безнравственные. В данном контексте под безнравственным понимается как социально пассивное поведение, так и противоправное, преступное. Возникает парадоксальная ситуация: безнравственность порождает такое социальное отклонение, как преступность, а преступность, в свою очередь, порождает безнравственность, бездуховность.

В настоящее время в нашем обществе, лица, сосредоточивающие в своих руках значительные материальные средства, демонстрируют уровень жизни, недоступный большинству людей. Многие, особенно молодые, начинают рассматривать этот уровень как некий желанный эталон. Демонстрация фильмов, в которых только

начинающий взрослеть юноша, имеет дом, машину и все прочие блага жизни выступает как идеал ожиданий подростков и юношей. Им также хочется быть таким же успешным и иметь все эти блага и для него уже неважно, каким способом это было достигнуто.

Вместе с тем, отмечают психологи, «если примеры безнравственного поведения повторять очень часто, они превращаются в моральные установки. В итоге становится возможным оправдание бесконечного числа безнравственных действий (хамства, неуважения старших, нарушения законов и т.п.). В итоге нравы становятся воплощением «особой» морали, отвечающей духу времени. На этой почве происходит конфликт идей, порождаемый «преобразованием» духовных ценностей, извращением представлений об идеале. «Умение жить» становится нравственным кредо уже многих людей. Появляется знак равенства между законами нравственности и тем, про что говорят: «так принято», «так все делают». На этой почве расцветает безнравственность в высшем своем проявлении – преступности, которая вовлекает в свою орбиту все новых и новых молодых людей, разрушая при этом духовную основу личности, её потенциал. Организованная преступность – это результат конфликта нравственных идей с безнравственными, при явном превосходстве последних, когда имеет место падение моральных принципов».

В данной ситуации можно утверждать, что человек, имеющий высокий уровень развития духовного потенциала, способен противостоять проявлениям бездуховности, и для него всегда будет иметь место борьба за нравственную идею, духовным результатом которой станет утверждение в общественном сознании и культуре нравственных ценностей.

Хотелось бы отметить еще одну специфическую особенность процесса развития духовного потенциала личности – это длительность и непрерывность, при этом результаты его реализации могут быть отсрочены во времени. Необходимо также уточнить, что реализация духовного потенциала происходит в большей степени тогда, когда человек попадает в трудную ситуацию нравственного выбора, когда он поступает в соответствии с духовно-нравственными ценностями. При этом имеет место не только расходование духовного потенциала на преодоление нравственных барьеров, но и его накопление за счет совершения нравственных поступков. Поступок несет в себе иррациональную основу. В момент совершения поступка человек не успевает или не может осознать происходящего, им движет внутренний порыв, основанный на системе ценностей, принятых и усвоенных им и чаще всего не осознаваемых.

Духовный потенциал укрепляется за счет диссеминации или распространения определенного опыта, когда

каждый поступок усиливает потенциальную возможность его повторения другими. Именно так формируются ожидаемые формы поведения в юношеской среде [6].

«Поступок, продиктованный возвышенными и благородными мотивами, направленный на доброе дело, заслуживает высокой моральной оценки, даже если в силу непреодолимого стечения обстоятельств его предметный результат оказался неутешительным» [3]. Например, если в результате попытки спасения человека на пожаре погибает и сам спасатель, поступок этот остается проявлением героизма, ибо непредметный духовный результат поступка заключается в демонстрации нравственного благородства и самоотверженности. «Соответственно, поступок, продиктованный злой волей, корыстным эгоистическим расчетом, направленный против человечности, будет оцениваться как тягостное и мрачное злодеяние в той степени, чем больше упорства и подлости, хитрости и изворотливости будет проявлено при его совершении и чем тяжелее окажутся социаль-

ные последствия. В этом случае происходит разрушение духовного потенциала до состояния бездуховности, безнравственности и аморальности личности» [3].

Таким образом, перечисленные звенья психологического механизма реализации духовного потенциала в юношеском возрасте способствуют его накоплению, укреплению и реализации в окружающей действительности и выступают в качестве возможности духовно-нравственного роста в юности.

В заключении хотелось бы сказать, что занимаясь воспитанием подрастающих поколений желательно помнить такие простые и одновременно такие емкие слова – вечные истины, которые, например, были сформулированы Старцем Глинской пустыни Порфирием: «Богатые средства воспитания должны противодействовать растлению человеческой природы – усовершенствовать её, отсекают недостатки, дурные привычки и склонности, облагораживать нравы и чувства, пробуждать и раскрывать силы духа».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабрин В.И. Ноэтический потенциал человека как перспектива антропологической психологии // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 8-14.
2. Клочко В.Е. Методологические принципы теории психологических систем // Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре. Бийск, 2000. С. 8-16.
3. Кондрашов В.А. Этика. Эстетика. / В.А. Кондрашов, Е.А. Чичина – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1999. - 512 с.
4. Сеченов И.М. Избранные произведения. Т.1. М., 1952.
5. Трофимова Н.Б. Развитие духовно-нравственного потенциала учащихся в образовательном процессе (психолого-педагогический аспект): Монография. Воронеж: ВГПУ, 2008. 283 с.
6. Трофимова Н.Б. Структурно-содержательные компоненты, уровни и механизм развития духовного потенциала старшего школьника // Вестник Тамбовского университета. 2009. №9 (77). С. 324-331.
7. Эксклюзивное интервью с Михаем Чиксентмихайи (Д. Леонтьев, сентябрь 2005 г.) URL: <http://www.positivepsychology.ru/history/interview.htm>.

© Трофимова Наталья Борисовна (n_trofimova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОЙСТВ ТЕМПЕРАМЕНТА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ У КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фахурдинов Ренат Равильевич

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К.Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
г. Новосибирск
yul-zhivaeva@yandex.ru

THE RELATIONSHIP OF THE PROPERTIES OF TEMPERAMENT AND PROFESSIONAL ORIENTATION OF PERSONALITY IN THE CADETS OF MILITARY INSTITUTES OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

R. Fakhurdinov

Summary: The article examines the issue of the relationship between the properties of temperament and the professional orientation of the personality of a cadet. The article highlights the theoretical aspects of the concept of temperament and its main properties. The theoretical aspects of the concept of professional orientation are considered. Some results of an empirical study of the relationship between the properties of temperament and the professional orientation of the personality of cadets are presented.

Keywords: properties of temperament, temperament, orientation, professional orientation, personality, cadet, troops of the National Guard of the Russian Federation.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос взаимосвязи свойств темперамента и профессиональной направленности личности курсантов. Освещаются теоретические аспекты понятия темперамент и его основные свойства. Рассмотрены теоретические аспекты понятия профессиональной направленности. Приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи свойств темперамента и профессиональной направленности личности курсантов.

Ключевые слова: свойства темперамента, темперамент, направленность, профессиональная направленность, личность, курсант, войска национальной гвардии Российской Федерации.

Актуальность исследования. В настоящее время не теряют своей актуальности вопросы, касающиеся изучения взаимного влияния особенностей темперамента и профессиональной направленности личности, наблюдаемых у курсантов военных образовательных учреждений войск национальной гвардии РФ. Имеющийся объём исследований, проведённых в этой сфере, всё ещё оставляет многие аспекты проблемы проработанными не до конца. Так, например, не обнаруживается чётко сформулированного и научно обоснованного ответа на вопрос о том, каким образом требуется развивать профессиональную направленность личности, принимая во внимание свойства темперамента, с целью достижения успешной профессиональной деятельности будущих военнослужащих.

По мере углубления научной проработанности понимания темперамента деятели психологии получали всё более ясные и однозначные представления о том, что есть темперамент, каково его значение в процессах, формирующих личность, какие особенности в системе психических феноменов ему присущи. Так, Я. Стрелая го-

ворил: «Уже давно было замечено, что люди отличаются друг от друга своим поведением: по-разному выражают свои чувства, неодинаково реагируют на раздражители внешней среды, находятся в разных отношениях с окружающим миром. Так возникла «наука о темпераментах», в которой, хотя она и является одним из старейших разделов психологии, до сих пор нет ни однозначных положений, ни общепринятых решений ее проблем» [12].

Не подлежит сомнению тот факт, что человеческая личность, общий психологический профиль формируются под воздействием особенностей темперамента, присущего индивиду. Именно типом темперамента во многом определяется характерная для каждого индивидуума совокупность личностных особенностей, выделяющая его среди других членов общества. Таким образом, значимость изучения темперамента неоспорима, когда речь заходит о разработке проблематики человеческой индивидуальности.

Темперамент человека представляет собой комплекс специфических свойств психики, которыми в той

или иной мере определяются поведение, психическая активность, степень выраженности нейротизма, коммуникабельность и многие другие личностные черты [7]. Первым среди учёных термин «темперамент» употребил ещё Гиппократ. Он выдвинул гипотезу о наличии в человеческом организме специфических нейрогуморальных жидкостей, имеющих ряд отличительных свойств. Согласно предположениям древнегреческого целителя, от свойств этих жидкостей и зависит формирование психического склада индивида.

Позже теория Гиппократа получила продолжение в работах Галена. Древнеримский учёный выделил 4 типа темперамента, базирующихся на преобладании в человеческом организме определённого «жизненного сока». Так, по представлениям Галена, флегматический темперамент присущ людям, в чьём организме преобладает лимфа (слизь, флегма); холерический характерен для людей с преобладанием жёлтой желчи; меланхолический тип темперамента обнаруживается у людей, в чьих организмах в наибольшем объёме обнаруживается чёрная желчь; и, наконец, сангвинический тип – присущ людям с преобладанием крови в организме.

В своих научных работах К.Г. Юнг обозначил два основополагающих свойства человеческого темперамента – экстраверсию и интроверсию [1]. Их суть сводится к следующему: индивиды с экстравертированным типом темперамента в большей мере ориентированы на коммуникацию и взаимодействие с окружением, люди же с интровертированным типом обнаруживают высокую сосредоточенность на собственных внутренних переживаниях. К числу экстравертированных типов темперамента К.Г. Юнг отнёс холерический и сангвинический, к интровертированным – меланхолический и флегматический типы. Впоследствии идея Юнга была продолжена Г. Айзенком, который дал определение ещё одной важной характеристике темперамента – нейротизму. Таким образом, индивидуумы с холерическим типом темперамента были отнесены в группу экстравертов, которым присущ высокий уровень нейротизма; сангвиники – в группу экстравертов, чей нейротизм выражен в умеренной степени; люди с флегматическим типом темперамента были названы интровертами, обладающими низким уровнем нейротизма; меланхоликами же были признаны интровертированные индивидуумы, обладающие высоким уровнем нейротизма. Опросник Г. Айзенка, призванный выявить степени выраженности у респондента экстраверсии и нейротизма, и по сей день является наиболее популярной методикой из всех, что применяются для определения типа темперамента.

Важно понимать, что темперамент не влияет на уровень общих или узких способностей человека. Среди группы индивидов, обладающих одним типом темперамента, могут обнаружиться как талантливые и успешные

личности, так и люди, относящиеся к числу слабо одарённых. Аналогично, люди с разными типами темперамента нередко становятся профессионалами в одной сфере деятельности. При этом некоторые особенности, присущие человеку с тем или иным типом темперамента, при удачном стечении обстоятельств могут выступать мощным поддерживающим фактором и облегчать его профессиональную деятельность, способствуя достижению успехов; в противоположном же случае эти особенности превращаются в помеху и препятствие. Если требования деятельности диссонируют с присущими индивиду свойствами темперамента, человек вынужден отдавать предпочтение определённым способам осуществления профессиональной деятельности, не противоречащим его типу темперамента и способствующим преодолению его негативных проявлений [4].

В настоящее время психологи выделяют следующие ведущие характеристики темперамента: сила процессов возбуждения, сила процессов торможения, энергичность, эмоциональность, темп [10].

Сила процессов возбуждения позволяет судить о том, какое время требуется человеку для полноценного включения в деятельность, насколько выражено он реагирует на стимулы окружающей среды, какую эффективность демонстрирует при осуществлении деятельности.

Силой процессов торможения определяется способность индивида к самоконтролю, скорость подавления возбуждения, терпение, сосредоточенность и концентрация.

Такие свойства темперамента, как эмоциональность, энергичность и темп, традиционно рассматриваются через призму двух аспектов: предметного и социального.

Рассматривая энергичность в предметном контексте, обозначают уровень активности, который демонстрирует человек в процессе обучения. В контексте социальной сферы под энергичностью понимают уровень активности, демонстрируемый человеком при осуществлении коммуникации с окружающими и налаживании социальных связей.

Темп в предметном аспекте – это скорость моторно-двигательных реакций индивида; в социальном контексте – скорость речи, активность жестов и мимики, время, которое требуется для установления взаимопонимания с оппонентом в разговоре.

Эмоциональность – характеристика темперамента, показывающая, эмоции какой силы и выраженности сопровождают переживание человеком тех или иных важных для него событий. Соответственно, в социаль-

ном контексте эмоциональность определяется силой и выраженностью чувств, проявляемых человеком в межличностных взаимодействиях [6].

Вышеперечисленные характеристики влияют не только на профессиональное самоопределение и избрание человеком предпочитаемой специальности, но и на результаты обучения и работы, достижение успехов в той или иной сфере деятельности. Совокупность свойств темперамента может стать базой для формирования профессиональной направленности будущего специалиста.

Проблеме направленности личности отводится значимое место в психологии личности, так как в неё входит совокупность потребностей мотивационной сферы индивида. Направленность выступает важнейшим психолого-педагогическим фактором, которым определяются воспитание и творческие способности человека; в ней реализуются потребности личности, касающиеся предпочитаемых областей знания, выбора профессии.

Профессиональная направленность характеризуется двумя чертами – содержательной и динамической. Содержание показывает, насколько целостна и развита профессиональная направленность личности; динамика показывает, насколько направленность устойчива и интенсивна, а так же какова её протяжённость во времени.

Направленность личности можно изучать в контексте отношения человека к окружающей его действительности. Согласно В.Н. Мясищеву, направленность есть нечто иное, как совокупность сознательных связей, которые индивидуум выстраивает с разными аспектами реально мира [9].

Направленность несёт в себе интегральную функцию: взаимодействуя друг с другом, её элементы способствуют образованию новых интегративных качеств. Взаимная связь отдельных частей направленности, как целостной системы, настолько выражена, что изменения в одной из них незамедлительно приводят к воздействию на другие, благодаря чему изменяется вся система. Таким образом, динамика системы ценностей оказывает решающее влияние на мотивационную сферу и направленность деятельности индивида [10].

Также выделяют системообразующую роль направленности, заключающуюся в формировании полноты личности и достижении в ней внутренней гармонии. В ряде случаев индивиду сложно осознать необходимость некоторых элементов деятельности, что приводит к прокрастинации и лени, снижает эффективность и качество осуществления действий. Правильным образом воздействуя на направленность личности, можно стимулировать процесс саморазвития.

Целеобразующая функция направленности заключается в обозначении направления становления личности человека, формировании жизненных целей. Когда индивид осознанно, преследуя свои интересы и учитывая свои склонности, определяет жизненные цели – он не подвергается воздействию стимулов окружающей среды в той мере, в которой они могут существенно повлиять на его активность. Целеобразование способствует подготовке индивида к квалифицированной трудовой деятельности [5].

Важнейшая функция направленности – избирательная. Посредством неё формируются взгляды индивида и его отношения с окружающим миром, в том числе взгляды на самого себя и отношение к себе самому. Избирательность помогает человеку систематизировать явления и процессы в зависимости от того, какую важность они для него представляют.

Профессиональная направленность выражается в том, какой спектр профессий или же конкретная специальность выступают приоритетными для индивида, какой деятельности он отдаёт предпочтение, рассматривая её как наиболее интересную, привлекательную, подходящую и выгодную для себя [2].

Подростковый возраст становится начальным этапом, на котором развиваются избирательные позитивные взгляды на ту или иную специальность. На формирование отношения к спектру потенциальных видов профессиональной занятости влияет множество факторов, к которым можно отнести мотивы, интересы, предпочтения, способности, социальную среду, характеристики самой специальности (например, простота освоения, престиж и др.). Важными составляющими, формирующими профессиональную направленность индивида, выступают особенности его психофизиологии, такие как состояние здоровья, специфика функционирования нервной системы [3].

Говоря о проблематике профессиональной направленности личности, не стоит выносить за скобки и смежные области – профессионально важные качества, профессиональное самоопределение, профессиональную ориентацию, профессиональную пригодность. К профессионально важным качествам относят комплекс отличительных личностных черт индивида, от которых зависят успех, качество и результативность выбранного им вида деятельности. Профессиональное самоопределение заключается в том, как индивид определяет самого себя касательно уже сформированных в социуме норм, определяющих уровень профессионализма. Профессиональная ориентация – это комплекс предпринимаемых педагогами и обучающимися мер и действий, благодаря которым усваиваются базовые знания о выбранной совокупности профессий, а также разъясняется специфика

ка конкретных видов деятельности. Профессиональная пригодность напрямую связана с рядом психических и физиологических особенностей обучающегося, требуемых для успешного освоения избранной им специальности.

Экспериментальной базой нашего исследования послужил Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. В исследовании приняли участие курсанты с 1 по 4 курс Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. Выборка исследования составила 400 респондентов, в возрасте от 18 до 23 лет.

Методы и методики. На первом, организационном этапе, нами был осуществлён подбор диагностического инструментария для исследования взаимосвязи свойств темперамента и профессиональной направленности личности курсантов. Для проведения эксперимента были выбраны следующие диагностические методики: методика «Опросник свойств темперамента Я. Стреляу» (в русскоязычной адаптации Н.Н. Даниловой и А.Г. Шмелева) и методика профессионального самоопределения Дж. Холланда (Тест-опросник Холланда).

Результаты исследования. Исследование свойств темперамента проводилось при помощи методики «Опросник свойств темперамента Я. Стреляу» (в русскоязычной адаптации Н.Н. Даниловой и А.Г. Шмелева). Проанализируем результаты исследования.

Процессы возбуждения на низком уровне наблюдаются у 9,7% респондентов, на среднем у 49,6%, на высоком у 40,7%.

Изучая процессы торможения возможно констатировать, что низкий уровень выявлен у 7,1% респондентов, средний у 59,3%, высокий у 33,6%.

Подвижность нервных процессов представлена следующим образом: низкий уровень обнаружен у 6,2% респондентов, средний у 68,1%, высокий у 25,7%.

Анализ уравновешенности личности показывает, что низкий уровень у выявлен у 2,7%, средний у 56,6%, высокий у 40,7% респондентов.

Для исследования профессиональной направленности личности нами была использована методика диагностики профессиональной направленности Дж. Холланда.

Так, реалистичный тип личности (р) выявлен у 26% респондентов; интеллектуальный тип личности (и) - 17%; социальный тип личности (с) - 23%; конвенциональный тип

личности (к) - 16%; предприимчивый тип личности (п) - 8%; артистичный тип личности (а) - 11%.

Реалистичному типу личности свойственна эмоциональная стабильность, ориентация на настоящее. Представители данного типа занимаются конкретными объектами и их практическим использованием: вещами, инструментами, машинами. Отдают предпочтение занятиям требующим моторных навыков, ловкости, конкретности.

Артистичный тип отстраняется от отчетливо структурированных проблем и видов деятельности, предполагающих большую физическую силу. В общении с окружающими опираются на свои непосредственные ощущения, эмоции, интуицию и воображение. Ему присущ сложный взгляд на жизнь, гибкость, независимость суждений. Свойственна несоциальность, оригинальность.

Социальный тип ставит перед собой такие цели и задачи, которые позволяют им установить тесный контакт с окружающей социальной средой. Обладает социальными умениями и нуждается в социальных контактах. Стремятся поучать, воспитывать. Гуманны. Способны приспособиться практически к любым условиям. Стараются держаться в стороне от интеллектуальных проблем. Они активны и решают проблемы, опираясь главным образом на эмоции, чувства и умение общаться.

Конвенциональный тип отдает предпочтение четко структурированной деятельности. Из окружающей его среды он выбирает цели, задачи и ценности, проистекающие из обычаев и обусловленные состоянием общества. Ему характерны серьезность, настойчивость, консерватизм, исполнительность. В соответствии с этим его подход к проблемам носит стереотипичный, практический и конкретный характер.

Предприимчивый тип избирает цели, ценности и задачи, позволяющие ему проявить энергию, энтузиазм, импульсивность, доминантность, реализовать любовь к приключенчеству. Ему не по душе занятия, связанные с ручным трудом, а также требующие усидчивости, большой концентрации внимания и интеллектуальных усилий. Предпочитает руководящие роли, в которых может удовлетворять свои потребности в доминантности и признании. Активен, предприимчив.

Интеллектуальный тип ориентирован на умственный труд. Он аналитичен, рационален, независим, оригинален. Преобладают теоретические и в некоторой степени эстетические ценности. Размышления о проблеме он предпочитает занятиям по реализации связанных с ней решений. Ему нравится решать задачи, требующие абстрактного мышления.

С целью выявления взаимосвязей между изучаемыми характеристиками личности курсантов военного института данные исследования были обработаны нами с помощью программы «STATISTICA – 16.0». Для выявления взаимосвязей между изучаемыми характеристиками мы использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Данный метод позволяет определить степень тесноты связи порядковых признаков. В результате были получены взаимосвязи между шкалами «Динамичность нервных процессов» положительно коррелирует со шкалами: «Реалистичный тип» (0,71 при $r^* \geq 0,5$); «Интеллектуальный тип» (0,64 при $r^* \geq 0,5$); «Социальный тип» (0,68 при $r^* \geq 0,5$); «Конвенциональный тип» (0,63 при $r^* \geq 0,5$), «Артистичный тип» (0,61 при $r^* \geq 0,5$).

Выводы. Исследуя взаимосвязь между особенностями темперамента и профессиональной направленностью личности у курсантов образовательных учреждений войск национальной гвардии РФ, мы сделали ряд выводов:

1. Имеется связь высокого уровня возбуждения и динамичности нервных процессов с артистическим типом профессиональной направленности.
2. Курсанты, у которых была обнаружена средняя или высокая степень уравновешенности лично-

сти, проявляли предрасположенность к профессиональной направленности социального типа. Кроме того, было установлено, что респонденты, у которых выявлен высокий уровень переключаемости между различными типами деятельности, аналогично демонстрируют предрасположенность к социальной деятельности.

3. Прослеживается взаимосвязь между предрасположенностью к предприимчивому типу профессиональной направленности и силой, присущей процессам возбуждения. Так, у респондентов, проявляющих предрасположенность к деятельности, требующей наличия лидерских качеств и креативного склада личности, были обнаружены процессы возбуждения и социальный темп высокого уровня.
4. У исследуемых, чьи процессы торможения протекают на среднем и высоком уровне, был выявлен конвенциональный тип личности.
5. Преобладающему большинству исследуемых присущи умеренные эмоциональные реакции, уравновешенное настроение, спокойное поведение, терпение, хладнокровие, адекватная оценка собственных сил и возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенк, Г.Ю. Структура личности / Г.Ю. Айзенк. - СПб.: Ювента. - Москва: КСП+. - 1999. - 334 с.
2. Зеер, Э.Ф. Психология профессий / Э.Ф. Зеер. - Учебное пособие. - Академический проект Фонд «Мир». - 2006-236 с.
3. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального самоопределения в ранней юности / Э.Ф. Зеер. - МПСИ. - 2008. - 344 с.
4. Зеер, Э.Ф. Психология профессиональных деструкций / Э.Ф. Зеер. - Москва: Деловая книга. - 2013. - 240 с.
5. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям: Педагогика и психология, Соц. педагогика, Педагогика / Е.А. Климов. - Москва: Academia, 2009. - 301 с.
6. Небылицын, В.Д. Темперамент // Психология индивидуальных различий: учебное пособие / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. - М.: ЧеРо, 2000. - С. 352-359
7. Петровский, А.В. Общая психология. Учебник для педагогических вузов / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. - Москва: Академия, 2009. - 501 с.
8. Пырьев, Е.А. Психология труда: учебное пособие / Е.А. Пырьев — М.: «Центральный коллектор библиотек «БИБКОМ», 2013. - 321 с.
9. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования / Русалов В.М. - Москва: Институт психологии РАН, 2012. - 528 с.
10. Стреляя, Я. Роль темперамента в психическом развитии / Я. Стреляя. - М.: Прогресс, 1982. - 232 с.

© Фахурдинов Ренат Равильевич (yul-zhivaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ, ХАРАКТЕРНАЯ ДЛЯ МУСУЛЬМАН-МИГРАНТОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНЫ РЕГИОНА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹

Чернов Александр Юрьевич

Д.псх.н., доцент, с.н.с., Волгоградский
государственный университет; профессор,
РАНХГИС (Волгоградский филиал)
achernov1@yandex.ru

SOCIAL DISTANCE CHARACTERISTIC OF MUSLIM MIGRANTS IN RELATION TO THE REPRESENTATIVES OF THE RECEIVING SIDE OF THE LOWER VOLGA REGION

A. Chernov

Summary: The contradiction between the desire to preserve ethnic and group identity and the need to comply with the economic, social, psychological standards existing in the host society leads to the formation and maintenance of social distance boundaries among migrants. Social distance reflects the gradations and degrees of understanding of closeness and mutual understanding that characterize social and personal relationships. Then social distance is determined by the degree of closeness between groups and individuals, and it measures the influence that groups and individuals have on each other. From a functional point of view, they are perceived by them as a means of optimizing interpersonal interactions, maintaining adherence to traditional values, adaptive manifestation of psychological and socio-psychological properties of a person. At the same time, it is the stylistic features of interaction, value orientations and elements of self-esteem that determine the nature of the boundaries of the social distance in migrants: "optimal", "narrowed", "extended". Being universal, this influence is specifically manifested in different groups of migrants. In the group of labor migrants, it determines the vector towards narrowing the boundaries of the social distance, in the group of migrant students - towards expansion and optimization. In terms of content the difference in the direction of the vectors in the first case can be described as an orientation towards preserving ethnic identity, and in the second, as a search for ways to ensure a tolerant attitude from the "native" people, to become "our own" in the context of the host community. From the point of view of the mechanism of influence, the stylistic features of interaction, value orientations and elements of self-assessment predetermine the differences in the orientation towards the social (labor migrants) and personal (migrants students) focus of the adaptation process. In general, it can be concluded that the boundaries of the social distance of migrants are a manifestation of the characteristics of their self-awareness.

Keywords: migrants, social distance, boundaries of social distance, optimal boundaries of social distance, expanded boundaries of social distance, narrowed boundaries of social distance, social focus, personal focus.

Аннотация: Противоречие между стремлением сохранить этническую и групповую идентичность и необходимостью соответствовать существующим в принимающем обществе экономическим, социальным, психологическим стандартам приводит к формированию и поддержанию у мигрантов границ социальной дистанции. Социальная дистанция отражает градации и степени понимания близости и взаимопонимания, которые характеризуют социальные и личностные отношения. Тогда социальная дистанция определяется степенью близости между группами и индивидами, и ей измеряется влияние, которое группы и индивиды оказывают друг на друга. С функциональной точки зрения они воспринимаются ими как средство оптимизации межперсональных взаимодействий, удержания приверженности традиционным ценностям, адаптивного проявления психологических и социально-психологических свойств личности. При этом именно стилевые особенности взаимодействия, ценностные ориентации и элементы самооценки детерминируют характер границ социальной дистанции у мигрантов: «оптимальный», «суженный», «расширенный». Являясь универсальным, это влияние специфически проявляется в разных группах мигрантов. В группе трудовых мигрантов оно детерминирует вектор к сужению границ социальной дистанции, в группе мигрантов-учащихся – к их расширению и оптимизации. Содержательно различие в направленности векторов в первом случае можно описать как установку на сохранение этнической идентичности, а во втором, как поиск способов обеспечить себе толерантное отношение со стороны окружающих людей, стать «своим» в контексте принимающего сообщества. С точки зрения механизма воздействия стилевые особенности взаимодействия, ценностные ориентации и элементы самооценки предопределяют различия в ориентации на социальный (трудовые мигранты) и личностный фокус процесса адаптации. В целом можно сделать заключение о том, что границы социальной дистанции мигрантов являются проявлением особенностей их самосознания.

Ключевые слова: мигранты, социальная дистанция, границы социальной дистанции, оптимальные границы социальной дистанции, расширенные границы социальной дистанции, суженные границы социальной дистанции, социальный фокус, личностный фокус.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации Волгоградской области (грант № 19-413-340015 p_a)

Введение

Люди, составляющие социальную группу «мигранты», имеют характерные для них особенности стиля жизни и социальных установок, специфические черты отношений и взаимодействия. Такое своеобразие сказывается на том, как мигранты выстраивают свое социальное поведение в контексте задачи адаптации к новым для них социально-культурным обстоятельствам. Неизбежно возникает противоречие между стремлением сохранить этническую и групповую идентичность и необходимостью соответствовать существующим в принимающем обществе экономическим, социальным, психологическим стандартам. Психологическое содержание названного противоречия неоднократно становилось предметом теоретических и эмпирических исследований [2; 3; 4; 12; 17; 19].

С нашей точки зрения, особого внимания требует эффект медиации межличностного взаимодействия, приверженности системе ценностей, выраженности различных аспектов самооценки как компонента самосознания мигрантов социальной дистанцией. В немногочисленных исследованиях, посвященных роли социальной дистанции в контексте межкультурной коммуникации рассматривалась ее взаимосвязь с позитивными и негативными установками по отношению к миграции. Вместе с тем, вопрос о том, как социальная дистанция маркируется самими мигрантами, и какую роль она при этом играет в разрешении названного выше противоречия, пока остается без ответа.

Методологической и теоретической основой исследования являются представления о феномене социальной дистанции в современной социальной психологии [1; 5; 6].

Трактовки сущности и функций социальной дистанции весьма разнообразны. С одной стороны, считается, что социальная дистанция характеризует социальные взаимодействия в физическом пространстве. Однако, с другой стороны, этому понятию придается и метафорический смысл: дистанции, которые разделяют людей, существуют не только в «пространстве», но и «психологически». В этом случае социальная дистанция отражает градации и степени понимания близости и взаимопонимания, которые характеризуют социальные и личностные отношения. Тогда социальная дистанция определяется степенью близости между группами и индивидами, и ей измеряется влияние, которое группы и индивиды оказывают друг на друга.

Социальная дистанция выполняет специфические функции в отношениях между социальными группами. Она поддерживает различия между ними, устанавливает уровень групповой идентичности, позволяет сохранять

групповое единство. Как социально-психологический феномен дистанция конструируется людьми, заинтересованными в сохранении этнического своеобразия, особенно если его носители живут в тесном соседстве друг с другом в пространственном смысле. Вначале дистанцирование проявляется в действиях, которые направлены на избегание прямого общения. Позднее эти действия перестают предполагать обязательное пространственное отдаление.

Важно подчеркнуть, что в ходе межгруппового взаимодействия постепенно складывается «нормальная дистанция», соблюдаемая людьми, общающимися друг с другом. В этом случае целесообразно говорить о психологической дистанции как о частном случае социальной дистанции. Психологическая дистанция проявляется в деятельности, в отношениях, в коммуникациях двух или нескольких индивидов или больших сообществ, предполагающей наличие многоуровневой системы связей, детерминированных социальными и психологическими факторами. Важно подчеркнуть, что осознание человеком психологической дистанции связано с компонентами его самосознания, прежде всего с самооценкой и системой ценностей [14].

Мигранты представляют собой социальную группу, имеющую специфическую этническую идентичность. Качественные и количественные признаки формирующейся у них социальной дистанции опосредованы привнесенными в новую для них культурную и социальную среду традициями, а также опытом пережитых межнациональных контактов. В этой логике закономерным выглядит предположение, согласно которому не только отдельные индивиды обладают чувством дистанции по отношению к людям, с которыми вступают в контакт. Такое же чувство дистанции проявляется и в контексте отношений социальных групп. Члены социальной группы осознают для себя социальную дистанцию, которая разделяет их с другой социальной группой, что, в свою очередь, модифицирует и межперсональные взаимодействия, затрудняя взаимопонимание. К идентичным последствиям приводит, с нашей точки зрения и религиозная (точнее, в данном случае, «духовная») идентичность, что позволяет обратиться к мигрантам - представителям исламской культуры, как эмпирическому объекту исследования.

Таким образом, предметом нашего исследования выступает социальная дистанция, характерная для мусульман-мигрантов по отношению к представителям принимающей стороны региона Нижнего Поволжья. В исследовании учитывалась неоднородность социальной группы «мигранты». В.В. Константинов описывает три типа миграции: «временную», «постоянную», «космополитическую». Мы обращаемся к одному из этих типов – «временной» миграции, дифференцируя внутри

этого типа «трудовую» и «учебную» миграцию. В первом случае речь идет о мигрантах – сезонных рабочих, во втором – об учащихся высших учебных заведений. Предполагается, что социальная дистанция обеих групп имеет специфические проявления. Целью исследования является выявление внутренней согласованности социальной дистанции названных групп мигрантов с особенностями проявления межличностного взаимодействия и компонентами их самосознания – системой ценностей и самооценкой.

Метод

Для измерения значений социальной дистанции чаще всего употребляется шкала, разработанная Э. Богардусом. Обращаясь к истории создания соответствующего инструмента, В.К. Сергеев приводит ее оригинальный вариант. В соответствии с ним респондентам предлагалось ответить на вопрос, в каком качестве они готовы принять представителей другой национальности: 1. Как близких родственников посредством брака; 2. Как близких знакомых по проведению досуга; 3. Как соседей по улице; 4. Как работающих по моей профессии в моей стране; 5. Как жителей моей страны; 6. Как гостей в моей стране; 7. Должны быть исключены из моей страны [9].

Шкала Э. Богардуса неоднократно модифицировалась с целью достижения более точной оценки социальной дистанции и расширения возможностей интерпретации результатов. Например, Л.Г. Почебут и Д.С. Безносков предложили использовать биполярную шкалу вместо традиционной ранговой и ввели коэффициенты социальной дистанции, этнической толерантности и этнической идентичности. [8]. Н.В. Панина и Е.И. Головаха, сохраняя ранговую шкалу, предлагают рассчитывать индекс национальной дистанцированности - средний балл по семибалльной шкале социальной дистанции. В этом случае можно говорить о том, что дистанция может быть минимальной, или максимальной, или находиться между этими значениями. [7].

Типичная инструкция к шкале Э. Богардуса предполагает оценку респондентами одной социальной группы представителей другой социальной группы. В соответствии с целями нашего исследования инструкция была изменена так, чтобы выяснить, как представители изучаемой группы мигрантов оценивают свою социальную дистанцию по отношению к представителям социума, в котором они оказались. Соответственно, модификации подверглась и формулировка типов социальных отношений. В итоге респондентам предлагалась следующая версия шкалы измерения социальной дистанции.

Инструкция: Оцените, как, по Вашему мнению, воспринимают Вас люди – коренные жители того региона,

в который Вы приехали для работы или учебы. Выберите только один критерий из предложенных ниже.

1. Воспринимают меня как родственника посредством брака.
2. Воспринимают меня как друга.
3. Воспринимают меня как соседа, живущего в том же доме или в доме рядом.
4. Воспринимают меня как человека, занимающегося тем же видом деятельности.
5. Воспринимают меня как не гражданина страны, в которую я приехал работать или учиться.
6. Воспринимают меня как человека, случайно оказавшегося рядом.
7. Воспринимают меня как человека, которого предпочли бы не видеть в своей стране.

Для оценки социальной дистанции использовалась ранговая шкала. Результаты фиксировались как границы, которые респонденты устанавливают для себя при взаимодействии с представителями принимающего социума: «расширенные» границы (1-3 балла), «оптимальные границы» (4-5 баллов), «суженные» границы (6-7 баллов).

Для диагностики особенностей межличностного взаимодействия применялась методика В. Шутца, адаптированная А.А. Руковишниковым [11]. Инструмент сфокусирован на измерении поведенческих проявлений в трех областях межличностных отношений: «Включенность» - интенсивность контактов, «Контроль» - степень зависимости, «Эмоции» - степень готовности делиться чувствами. Инструментом изучения свойств самосознания личности стала методика «Личностный дифференциал», характеризующая полюса 3-х классических факторов семантического дифференциала: «оценки», «силы», «активности» [10]. Ценностные ориентации изучались на основе методики Ш. Шварца, согласно которому базовые ценности расположены в пространстве двух измерений: «открытость изменениям – консерватизм» и «самовозвышение – самотрансцендентность». При этом «открытость изменениям» и «самотрансцендентность» соответствуют «личностному» фокусу, а «консерватизм и самовозвышение» – социальному фокусу. [13].

В исследовании приняли участие 128 респондентов – 65 трудовых мигрантов из стран Средней Азии и 63 учащихся высших и средних учебных заведений из стран Средней Азии, Казахстана и Азербайджана.

Результаты и интерпретация

В Таблице 1 представлены результаты описательной статистики данных, полученных при измерении социальной дистанции в социальных группах «трудовые мигранты» и «мигранты-учащиеся».

Таблица 1.
Результаты описательной статистики переменной
«социальная дистанция»

Социальная группа	N	Среднее значение	Стандартное отклонение
Трудовые мигранты	65	5,4	1,19
Мигранты учащиеся	63	3.8	2,12

Примечание. Проверка на нормальность распределения (тест Колмогорова-Смирнова) $p > 0,05$

Применение t-критерия Стьюдента указывает на статистически достоверные различия между средними значениями переменной в исследуемых группах ($T=3,289$, $p < 0,05$). Следовательно, дальнейший анализ целесообразно проводить отдельно для каждой из групп респондентов.

Далее для каждой из групп респондентов проводился кластерный анализ с целью установить содержательные характеристики дисперсии полученных результатов и на этой основе определить границы социальной дистанции – «расширенные», «оптимальные», «суженные». В Таблице 2 представлены результаты кластерного анализа переменной «социальная дистанция» для социальной группы «трудовые мигранты».

Первый кластер соответствует «оптимальным» границам социальной дистанции (60% респондентов), 2 кластер – «расширенным» границам (20% респондентов), третий кластер – «суженным границам» (20% респондентов).

В Таблице 3 представлены результаты кластерного анализа переменной «социальная дистанция» для социальной группы «мигранты-учащиеся».

Первый кластер соответствует «оптимальным» границам социальной дистанции (32% респондентов), 2 кластер – «расширенным» границам (40% респондентов), третий кластер – «суженным границам» (38% респондентов).

Полученные результаты позволяют определить векторы конструирования и восприятия границ социальной дистанции. В исследуемых группах мигрантов эти векторы разнонаправленные. В группе трудовых мигрантов конечные центры кластеров «сдвинуты» в сторону сужения границ социальной дистанции. Условно этот вектор можно назвать «оптимально-суженным». Его содержание можно описать как тенденцию к обособлению от людей другой культуры, стремление скрывать проблемы и личностные особенности, прибегать к психологическим защитами в ходе межличностного взаимодействия. Здесь же можно упомянуть установку на сохранение этнической идентичности и, в некоторых случаях, даже ксенофобные установки, проявляющиеся в данном случае как опасения, что окружающие люди воспринимают мигранта как «совершенно чужого». Вместе с тем, имеющиеся оптимальные границы восприятия социальной дистанции у трудовых мигрантов оставляют возможность оптимальной адаптации.

Вектор установления и восприятия границ социальной дистанции у мигрантов-учащихся направлен в другую сторону. Здесь есть тенденция к расширению

Таблица 2.
Результаты кластерного анализа переменной «социальная дистанция» для трудовых мигрантов

Переменная «социальная дистанция»	Кластеры		
	1 Оптимальные границы социальной дистанции	2 Расширенные границы социальной дистанции	3 Суженные границы социальной дистанции
Конечные центры кластеров	5,47	3,60	6,99
Процент респондентов в кластере	60%	20%	20%
N	65		

Таблица 3.
Результаты кластерного анализа переменной «социальная дистанция» для мигрантов-учащихся

Переменная «социальная дистанция»	Кластеры		
	1 Оптимальные границы социальной дистанции	2 Расширенные границы социальной дистанции	3 Суженные границы социальной дистанции
Конечные центры кластеров	4,00	1,70	6,57
Процент респондентов в кластере	32%	40%	28%
N	63		

границ, и этот вектор обозначается как «оптимально-расширенный». Он характеризуется наличием противоречия между стремлением сохранить установки на сохранение национальной идентичности посредством демонстрации обособленности и изолированности, и поиском способов обеспечить себе толерантное отношение со стороны окружающих людей, стать «своим».

Выявленные различия можно объяснить с разных позиций. Они могут быть следствием специфики аккультурационных процессов, в частности восприятием черт новых культурных и социальных обстоятельств, особенностями взаимодействия с непосредственным социальным окружением, типично выбираемыми стратегиями совладания с отрицательным воздействием социального контекста и т.д. [15; 16; 18].

С нашей точки зрения правомерна гипотеза о влиянии на конструирование и восприятие мигрантами присущих им особенностей осуществления межличностного взаимодействия и системы ценностей. Для ее проверки был проведен регрессионный анализ, где в качестве за-

висимой переменной использовались показатели социальной дистанции в разных группах мигрантов с учетом их принадлежности к выявленным кластерам, а в качестве независимых переменных данные, полученные в результате предъявления респондентам методик ОМО, личностный дифференциал и тест ценностей Ш. Шварца. Обобщенные результаты приведены в Таблице 4.

Результаты регрессионного анализа позволяют предсказывать значение переменной «социальная дистанция» и, следовательно, рассматривать независимые переменные как факторы, детерминирующие ее психологическое содержание. Следовательно, появляется возможность судить о присущих разным группам мигрантов психологических и социально-психологических свойствах, специфически определяющих социальную дистанцию в отношении людей принимающего общества. Например, в группе «трудовые мигранты» с оптимальными границами социальной дистанции в межличностных отношениях с очень маленькой долей вероятности можно ожидать создания и сохранения удовлетворительных отношений с людьми с опорой на

Таблица 4.

Результаты регрессионного анализа.¹

	Трудовые мигранты			Мигранты-учащиеся		
	Коэффициенты регрессии					
	1	2	3	1	2	3
Включенность			$\beta = 2,140^*$		$\beta = 3,476^*$	
Контроль	$\beta = -1,486^{**}$			$\beta = -4,203^*$		$\beta = 2,012^*$
Аффект		$\beta = 1,476^*$		$\beta = 2,120^*$		
Оценка				$\beta = 3,700^*$		$\beta = -1,846^*$
Сила			$\beta = 3,128^*$			$\beta = -2,294^*$
Активность						
Гедонизм						
Доброта						
Традиции		$\beta = 3,946^*$	$\beta = 2,113^{**}$			$\beta = 3,394^*$
Самостоятельность			$\beta = -1,175^*$			$\beta = 1,927^*$
Стимуляция					$\beta = 2,121^{**}$	
Конформность	$\beta = 3,735^{**}$				$\beta = 2,183^{**}$	
Универсализм						
Достижения			$\beta = -2,835^*$	$\beta = 2,746^{**}$		
Власть						

Составлено автором

Примечания:

¹ Зависимая переменная – социальная дистанция.

1 – оптимальные границы социальной дистанции

2- расширенные границы социальной дистанции

3 – суженные границы социальной дистанции

* $p < 0,01$

** $p < 0,005$

контроль и силу («контроль» - $\beta = -1,486^{**}$). В тоже время проявлена тенденция, сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия: послушание, самодисциплина, вежливость, уважение родителей и старших («традиции» $\beta = 3,735^{**}$). Психологические и социально-психологические свойства мигрантов-студентов с оптимальными границами социальной дистанции концентрируются вокруг ценности достижения личного успеха, социального одобрения («достижения» $\beta = 2,746^{**}$), отсутствия стремления доминировать в межличностных отношениях («контроль» $\beta = -4,203^*$), тенденции устанавливать достаточно близкие отношения с окружающими людьми («аффект» $\beta = 2,120^*$), склонности осознавать себя носителем позитивных, социально желательных характеристик, в определенном смысле удовлетворен собой («оценка» $\beta = 3,700^*$). Подобные описания можно делать и в отношении респондентов, относящихся к разным группам мигрантов с различной выраженностью границ социальной дистанции, исходя из данных, содержащихся в Таблице 4.

Важнее сформулировать обобщения более высокого порядка.

Во-первых, следует сделать заключение об универсальности влияния психологических и социально-психологических свойств личности на конструирование и восприятие мигрантами границ социальной дистанции. Это влияние проявляется как в отношении трудовых мигрантов, так и в отношении мигрантов-студентов. Оно имеет специфический характер для разных типов границ социальной дистанции. Наибольшее влияние свойства личности мигрантов оказывают на «сужение» границ социальной дистанции. В группе «мигранты-учащиеся» психологические и социально-психологические свойства оказывают влияние и на оптимальные границы социальной дистанции.

Во-вторых, в разных группах мигрантов влияние психологических и социально-психологических свойств проявляется по-разному. Так, свойство «включенность» в группе «трудовые мигранты» предопределяет размер суженных границ социальной дистанции, а в группе «мигранты-учащиеся» – расширенных границ. Ценность «комформность» у трудовых мигрантов способствует установлению оптимальных, а у студентов-мигрантов расширенных границ. Скорее всего, эти различия объясняются возрастом респондентов, особенностями стиля жизни, выбором стратегий совладания.

В-третьих, целесообразно прокомментировать результаты, полученные при применении методики ценностей Ш. Шварца. Согласно его теории, ценности интерпретируются с точки зрения целей и мотивов личности, то есть раскрывают особенности ее самосо-

знания. С этой точки зрения можно судить о различиях этих особенностей в исследованных группах мигрантов. В группе мигрантов-учащихся на конструирование и поддержание границ социальной дистанции оказывают влияние ценности стимуляции, достижений, самостоятельности. Все они, по Ш. Шварцу, являются выражением «личностного фокуса» ценностей и выражают стремление к открытости изменениям и самоутверждению. С другой стороны, мигранты-учащиеся конструируют границы социальной дистанции, ориентируясь на ценности конформизма и традиций. Эти ценности относятся к «социальному фокусу» и выражают стремление к использованию защитных механизмов в копинге. Таким образом, можно предполагать наличие особенностей самосознания, способствующих возникновению тенденций, предполагающих вероятность внутриличностного конфликта: действие механизмов психологической защиты препятствует самореализации. С нашей точки зрения такой конфликт не проявляется в группе трудовых мигрантов. Здесь ценности «традиции» и «конформизм» способствуют оптимизации и расширению границ социальной дистанции, а низкие значения ценностей «самостоятельность» и «достижения» ведут к их сужению. В целом ценности трудовых мигрантов тяготеют к «социальному фокусу».

Выводы

1. Маркировка мигрантами границ социальной дистанции с представителями принимающего социума выполняет ряд функций. Они состоят в оптимизации межперсональных взаимодействий, удержанию приверженности традиционным ценностям, адаптивному проявлению психологических и социально-психологических свойств личности. Конструирование и восприятие границ социальной дистанции специфично для разных групп мигрантов (трудовых мигрантов и мигрантов-учащихся). Специфика проявляется как тенденция к сужению границ в случае трудовых мигрантов и их расширению у мигрантов-учащихся.
2. Психологическое содержание социальной дистанции детерминировано сочетанием выраженности компонентов самооценки и ценностных ориентаций. Это позволяет сделать заключение о важной роли различных аспектов самосознания в определении личностью границ социальной дистанции. Роль самосознания универсальна как в группе трудовых мигрантов, так и в группе мигрантов учащихся.
3. Механизм конструирования границ социальной дистанции действует как ориентация на социальный или личностный фокус, что связано с реализацией установок в процессе межличностного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Духновский С.В., Куликов Л.В. Социально-психологическая дистанция в межличностных отношениях: Факторы и регуляция//Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 12. – 2009. – Вып. 2 - Ч.1. – С. 20-26.
2. Егизарянц А.А. Адаптация мигрантов как проблема исследования психологии аккультурации//Вестник университета Российской академии образования. – 2010. – № 1. – С. 103-105.
3. Елизаров С.Г. Включенность субъекта в социальную среду: основные направления исследований в зарубежной и отечественной психологии// Педагогическое образование в России//2018. – № 11. – С. 124-130.
4. Завьялов А.А. Социальная адаптация мигрантов: социологический анализ теории и практики. Монография. – Иркутск, 2019. – 264 с.
5. Кроник А. А., Кроник Е.А. Психология человеческих отношений. - Дубна: Издательский центр «Феникс», Изд- во «Когито- центр», 1998. - 224 с.
6. Купрейченко А.Б. Восприятие психологической дистанции различными социальными группами. - Ежегодник Российского психологического общества: Материалы III Всероссийского съезда психологов. 25–28 июня 2003 года: В 8 т. - Т. 4. - СПб.: Изд- во СПбГУ, 2003. - С. 565–567.
7. Панина Н.В., Головаха Е.И. Национальная толерантность и идентичность в Украине: опыт применения шкалы социальной дистанции в мониторинговом социологическом исследовании// Социологический журнал. - 2006. - № 34. - С. 102-126.
8. Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран: взгляд из России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2018. - Т. 18. - № 1. - С. 66—84. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84.
9. Сергеев В. Социальная дистанция и национальные установки//Телескоп: журнал социологии и маркетинговых исследований. – 2008. – № 2. – С. 57-61.
10. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., 2002. - С.167-171.
11. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., 2002. - С.20-21.
12. Чжан Хэ. Методология субъектно-бытийного подхода к изучению проблемы самореализации мигрантов//Вестник университета Российской академии образования. – 2012. - №3. – С. 47-50.
13. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России//Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2012. - Т. 9 - № 1. - С. 43–70.
14. Abrams D., Hogg M., Marques J. A Social Psychological Framework for Understanding Social Inclusion and Exclusion//In The Social Psychology of Inclusion and Exclusion/ Abrams D., Hogg M., Marques J (Ed). - Psychology Press, New York, 2005. – Pp. 1-35.
15. Amit K., Riss I. The subjective well-being of immigrants: Pre-and post-migration// Social Indicators Research. 2014. - №, 119. – Pp. 247–264.
16. Bornstein M.H. The specificity principle in acculturation science// Perspectives on Psychological Science. - № 12. – Pp. 3–45.
17. de Haas H. The internal dynamics of migration processes: A theoretical Inquiry//Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2010. - №, 36(10). – Pp. 1587–1617.
18. Lindert J., von Ehrenstein O.S., Priebe, S., Mielck, A., Brähler, E. Depression and anxiety in labor migrants and refugees—a systematic review and metaanalysis// Social Science and Medicine. – 2009. - № 69. –Pp. 246–257.
19. Massey D.S. The perils of seeing twenty-first century migration through a twentieth-century lens// International Social Science Journal. -2019. - № 68(227–228). - Pp. 101–104.

© Чернов Александр Юрьевич (achernov1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ МИГРАНТОВ¹

Чернов Александр Юрьевич

Д.псх.н., доцент, С.н.с., Волгоградский
государственный университет; Профессор, РАНХиГС
(Волгоградский филиал)
achernov1@yandex.ru

TOLERANCE AND INTOLERANCE OF UNCERTAINTY IN DIFFERENT MIGRANT AGE GROUPS

A. Chernov

Summary: Tolerance and intolerance of uncertainty as a special cognitive state and individual psychological peculiarity is an important condition for successful adaptation of migrants. The study shows the interrelation of tolerance/intolerance of uncertainty with important aspects of migrants' adaptation. On the one hand, this relationship manifests itself in relation to the subjective experience of quality of life, and on the other hand, in relation to its meaningfulness. The interrelation of tolerance and intolerance to uncertainty has signs of multilevelness and dynamism, which allows us to characterize it as a link between the socio-cultural and psychological sides of migrants' adaptation. The complexity and dynamism of the relationship of tolerance/intolerance to uncertainty is manifested in the differentiation of its main content features in different age groups of migrants.

Keywords: migrants' adaptation, tolerance to uncertainty, intolerance to uncertainty, subjective experience of the quality of life, semantic aspect of migrants' adaptation, age specificity of tolerance/intolerance to uncertainty.

Аннотация: Толерантность и интолерантность к неопределенности как особое когнитивное состояние и индивидуальная психологическая особенность являются важным условием успешной адаптации мигрантов. В исследовании показана взаимосвязь толерантности/интолерантности к неопределенности с важными аспектами адаптации мигрантов. С одной стороны, такая взаимосвязь проявляется в отношении субъективного переживания качества жизни, а с другой в отношении ее смыслового наполнения. Взаимосвязь толерантности и интолерантности к неопределенности имеет признаки разноразмерности и динамичности, что позволяет характеризовать ее как связующее звено между социокультурной и психологической сторонами адаптации мигрантов. Сложность и динамичность взаимосвязи толерантности/интолерантности к неопределенности проявляется в дифференциации ее основных содержательных особенностей в разных возрастных группах мигрантов.

Ключевые слова: адаптация мигрантов, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, субъективное переживание качества жизни, смысловой аспект адаптации мигрантов, возрастная специфика проявления толерантности/интолерантности к неопределенности.

Введение. Теоретические основы изучения толерантности к неопределенности.

Адаптация мигрантов определяется как вхождение в новую для них социальную среду и успешное функционирование в ней. В исследованиях фиксируется два различных аспекта адаптации. Первый – это социокультурная адаптация, которая имеет форму взаимодействия субъекта со сферой повседневности и создает для человека условия эффективного вхождения в социум и освоения различных форм социальной деятельности. Ее содержанием является освоение новых, нестандартных ситуаций в повседневной жизни, а результатом – взаимоприспособление, совместимость и обмен продуктами деятельности индивида и среды.[7]

Второй аспект адаптации – психологический, с функ-

цией приобретения чувства благополучия, позитивной оценки ситуаций и переживания общей удовлетворенности жизнью. Психологическая адаптация не менее важна, так как вхождение в непривычную социальную среду предполагает изменение ранее приемлемых стереотипов поведения, коррекцию социальных установок, статусных и ролевых характеристик. Это, в свою очередь, вызывает высокий уровень дистресса, связанного с повышенным уровнем депрессии, тревожности, низкой самооценкой и другими психологическими проблемами.

Особую роль в этом процессе играют когнитивные процессы. [14; 16] Когнитивные схемы, социальные репрезентации, культурные стереотипы влияют на поведение, предполагая получение, переработку и использование значительного объема новой социальной информации. Как следствие, может возникать пережива-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации Волгоградской области (грант № 19-413-340015 p_a)

ние особого ментального состояния, связанного с субъективным, когнитивным опытом человека – состояние неопределенности. [3]

Например, Б.С. Алишев отмечает, что «...человек, обладающий сознанием, сталкивается с неопределенностью не только внешнего, так называемого объективного мира, но и своего внутреннего, субъективного, и эта неопределенность тоже должна каким-то образом преодолеваться». [1] Несмотря на то, что ряд исследователей утверждает, что неопределенность в значительной мере компенсируется бессознательными автоматическими процессами, более распространенной точкой зрения является та, согласно которой, если человек не осознает это состояние, оно вряд ли повлияет на его мысли, чувства или действия. [18]

Анализ научной литературы по проблеме неопределенности, позволяет назвать три источника этого когнитивного состояния. Во-первых, неопределенность (часто связанная с риском) возникает из-за наличия случайностей или амбивалентности будущего. Во-вторых, ее присутствие обусловлено ограничениями надежности, достоверности или адекватности информации о вероятности возникновения тех или иных ситуаций. В-третьих, сложности, возникают из-за особенностей имеющейся информации или из-за причин, которые затрудняют ее восприятие. Названные источники являются предикторами изменений в ключевых психологических процессах, связанных с неопределенностью: (1) повышенная бдительность и повышенное внимание к возможным угрозам; (2) неадекватное восприятие ситуации как опасной или неспособность регулировать поведение в безопасных ситуациях; (3) повышенное когнитивное и поведенческое избегание ситуаций или фактов, которые противоречат негативным прогнозам о будущем (что позволяет негативным прогнозам сохраняться); и (4) преувеличенная физиологическая и поведенческая реактивность в условиях неопределенности, ведущая к дальнейшему избеганию ситуаций, воспринимаемых как неопределенные. [12]

Эксплицитные и часто фиксируемые проблемы мигрантов, такие, как взаимодействие с представителями принимающей культуры, проявление индивидуальных психологических особенностей, стремление сохранить этническую идентичность и систему ценностей и многие другие, могут получить объяснение с точки зрения их взаимосвязи с состоянием неопределенности.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена наличием важной проблемы, подчеркивающей противоречие между процессами социокультурной и психологической адаптации, обусловленное состоянием неопределенности, являющимся препятствием для интеграции этих аспектов общей адаптации мигрантов. Без разрешения этой проблемы знания о закономерностях

адаптации мигрантов к новой для них социальной среде останутся неполными. Предметом исследования является изучение взаимосвязи переживания феномена неопределенности с показателями психологической адаптации и социально-психологическими качествами мигрантов. Цель исследования – выявить содержательные и структурные особенности взаимосвязи переживания неопределенности с показателями психологической адаптации и социально-психологическими качествами в разных группах мигрантов.

Метод. Проблема измерения неопределенности

Измерение неопределенности является самостоятельной методологической проблемой. В настоящее время большинство показателей опираются на самоотчеты участников об их опыте неопределенности. Хотя этот подход полезен, он требует самоанализа и точной отчетности, и могут быть ситуации, когда эти требования приводят к неточным данным.

В экспериментальных исследованиях феномена респондентам предлагается, скорее, манипулировать опытом неопределенности, чем делать акцент на его измерении. [13; 17]. Например, при планировании эксперимента исследователи исходят из того, что субъективная неопределенность является неотъемлемой характеристикой прогностических задач [4] Между тем, люди могут испытывать разный уровень неопределенности, даже находясь в схожих ситуациях. Игнорировать этот факт, значит ограничивать возможность делать надежные выводы о влиянии неопределенности на аффект, протекание когнитивных процессов, проявление личностных качеств, поведение.

Преодолеть ограничения экспериментального подхода к изучению феномена неопределенности возможно на основе применения качественных исследовательских методов. Использование метода «обоснованной теории» (grounded theory) позволило Т.П. Бутенко предложить методику, которая позволяет изучать, как субъекты создают и формулируют неопределенные жизненные ситуации. Она дает возможность выделять качественные особенности данного типа ситуаций и анализировать различные стратегии действия в них субъектов. Методика показала, что понимание неопределенных жизненных ситуаций имеет достаточно сложную внутреннюю организацию, зависящую от оценки субъектом как внешних условий, так и внутренних. Существенным является то, что неопределенные ситуации появляются в рамках провоцирующих возникновение друг друга побуждений к самопроявлению и уходу от самопроявления. [2] Вместе с тем, несмотря на его несомненную полезность, к такому подходу неотвратимо остаются традиционные вопросы, касающиеся содержательной валидности и воспроизводимости результатов.

В этой связи целесообразно не ограничивать рассмотрение феномена неопределенности только как когнитивного состояния в контексте сопровождающих его аффектов и ментальных процессов, а сделать попытку измерять его как личностное свойство субъекта, которое отражает отношение человека к неопределенности. Такая методологическая позиция обоснована Т.В. Корниловой, которой принадлежит авторство методики, предназначенной для измерения личностной характеристики, «толерантность к неопределенности». [5] Под толерантностью к неопределенности в этом случае понимается интегральная характеристика личности, которая имеет непосредственное отношение к процессам саморегуляции в условиях отсутствия устойчивых ориентиров выбора и невозможности применения устоявшихся клише или готовых решений [6]. Методика имеет три шкалы, раскрывающие содержательную сторону диагностируемого феномена: (1) толерантность к неопределенности; (2) интолерантность; (3) межличностная интолерантность к неопределенности.

Внимание к проблеме неопределенности продиктовано практическими намерениями оптимизировать помощь мигрантам в адаптации. В связи с этим эмпирического подтверждения требует гипотеза о наличии взаимосвязи содержательных сторон толерантности к неопределенности с различными аспектами восприятия мигрантами качества жизни. При этом предполагается, что состав и структура толерантности\интолерантности к неопределенности в связи с аспектами качества жизни будут иметь как внутреннюю специфику, так и специфику относительно возраста респондентов. Для измерения аспектов качества жизни в исследовании использовалась методика УДЖ («Опросник удовлетворенности жизнью»), предназначенный для изучения субъективного чувства удовлетворенности жизнью, рассматриваемое как субъективно переживаемое состояние, являющееся реакцией на качество взаимодействия человека с окружающей социальной средой. Шкалами опросника являются: (1) жизненная включенность; (2) разочарование в жизни; (3) усталость от жизни; (4) беспокойство о будущем. [10] Независимо от того, рассматривается неопределенность как особое «когнитивное состояние» или «качество личности», она связана с системой саморегуляции, а значит и со смысловой сферой личности. В ходе исследования было сделано предположение об имеющих структурных и содержательных взаимосвязях неопределенности с феноменом «экзистенциальной исполненности», который показывает степень осмысленности человеком своей жизни, «внутреннего согласия», готовности преодолевать трудности [8]. Экзистенциальная исполненность измеряется посредством одноименной методики. В настоящем исследовании учитываются показатели трех интегральных шкал: шкалы G –общий показатель, шкалы Р – «персональность» и шкалы Е – экзистенциальность. [9; 11]

В соответствии с предположением о специфике взаимосвязи толерантности с показателями качества жизни и экзистенциальной исполненности в разных возрастных группах формировалась выборка исследования. Ее составили респонденты – мигранты из стран ближнего зарубежья, определяющие свою этничность как «мусульманскую». В возрастную группу 18-25 лет вошли преимущественно студенты вузов, группу 25-40 лет временные трудовые мигранты, группу 41-55 лет люди, прожившие в новой для них среде более 5 лет.

Результаты исследования

В ходе эмпирического исследования были выявлены основные взаимосвязи толерантности\интолерантности к неопределенности в различных возрастных группах респондентов. Полученные результаты корреляционного анализа толерантности и ее значимых коррелятов представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Взаимосвязь толерантности к неопределенности с показателями шкал экзистенции и удовлетворенности жизнью.

Корреляты толерантности к неопределенности	Толерантность к неопределенности		
	18-25 лет	26-40 лет	41-55 лет
Персональность	0,381*		
Экзистенция			0,491**
Исполненность		0,281*	
Жизненная включенность	0,500**		
Разочарование в жизни			- 0,300*
Усталость от жизни	-0,318*		
Беспокойство о будущем		- 0,320*	

В Таблице 2 даны результаты корреляционного анализа интолерантности к неопределенности и ее значимых коррелятов.

Таблица 2.

Взаимосвязь интолерантности к неопределенности с показателями шкал экзистенции и удовлетворенности жизнью.

Корреляты интолерантности к неопределенности	Интолерантность к неопределенности		
	18-25 лет	26-40 лет	41-55 лет
Персональность			
Экзистенция	- 0,299*		
Исполненность			0,502**
Жизненная включенность			
Разочарование в жизни		0,305*	
Усталость от жизни			
Беспокойство о будущем	0,401*		

В Таблице 3 обобщены содержательные различия выявленных взаимосвязей толерантности\интолерантности для разных возрастных групп респондентов.

Таблица 3.

Психологическое содержание толерантности\интолерантности к неопределенности в различных возрастных группах

Толерантность к неопределенности		
18-25 лет	26-40 лет	41-55 лет
Базовые способности не блокированы и используются в полной мере. Удовлетворенность жизнью Отсутствие выраженности астенических состояний	Развитая интуиция в отношении собственных потребностей и задач, а также в отношении требований ситуации. Чувство стабильности окружающего и ощущение безопасности мира, отсутствие тревожных ожиданий неблагоприятных жизненных событий	Проявление способности ориентироваться в мире, приходить к решениям и ответственно воплощать их в жизнь, меняя ее в лучшую сторону.
Интолерантность к неопределенности		
Эмоциональная нестабильность, «невротический» стиль жизни. Неуверенность в завтрашнем дне.	Переживание разочарования, досады, обиды, ощущения несправедливости из-за расхождения желаемого с действительным, когда прилагаемые усилия не достигают цели	Поиск «смысла жизни», стремление к аутентичности.

Результаты показывают, что толерантность к неопределенности, как стремление к позитивным изменениям, проявление самостоятельности и способности выходить за рамки принятых ограничений подразумевает положительные тенденции в оценке респондентами различных аспектов качества жизни: жизненной включенности, снижения беспокойства о будущем, отсутствия разочарования в жизни и «усталости» от нее. Интолерантность к неопределенности, которая проявляется, прежде всего, как внутренне убеждение в главенствующей роли правил и принципов, в ряде случаев взаимосвязана с переживанием негативных эмоциональных состояний – неуверенности в будущем, разочарованием, ощущением несправедливости. Результаты исследования фиксируют и возрастные различия во взаимосвязях толерантности\интолерантности к неопределенности с измеренными переменными. Наибольшее количество таких взаимосвязей выявлено у респондентов в возрастной группы 18-25 лет, что позволяет предположить очевидную значимость этого фактора для молодых людей. Следует от-

метить, что интолерантность к неопределенности специфически проявляется в группе респондентов после 40 лет. Это проявление заключается в попытках смысловой переработки и поиска средств обеспечения самодостаточности, в отличие от «невротического стиля жизни» и переживания негативных аффектов в других возрастных группах. Этот факт, по нашему мнению, требует дополнительной проверки и осмысления. Пока можно предположить, что это связано с особенностями личности, достигшей определенного уровня зрелости.

Обсуждение результатов и выводы

Исследования концептуализируют адаптацию мигрантов как многогранный процесс, включающий в себя различные модели и стратегии. Объяснение феномена адаптации мигрантов должно учитывать их мотивы, цели, ценности и стремления [15] С этой точки зрения, толерантность или интолерантность к неопределенности может служить одним из объяснений предпочитаемых мигрантами стратегий поведения, обеспечивающих успех адаптации или возникающих препятствия. Можно утверждать, что психологическое содержание толерантности\интолерантности к неопределенности является многоуровневым и динамичным. Оно многоуровневое, поскольку факторы риска и защиты присутствуют на различных уровнях адаптации: на смысловом уровне, который выражен в мотивации «исполненности жизни», и на уровне переживания субъективного благополучия, соотносимого с восприятием качества жизни. Оно динамично, так как толерантность и интолерантность к неопределенности связана с различными аспектами оценки респондентами качества жизни и характеристик смысловой сферы. Толерантность к неопределенности связана с «жизненной включенностью», предполагает отсутствие разочарования в жизни и беспокойства о будущем, тенденцию к использованию позитивного потенциала личности, ответственности. Интолерантность к неопределенности является предпосылкой возникновения психологических проблем, связанных со специфическим синдромом дезадаптации мигранта. Такое понимание личности мигранта может помочь разработать формы психологической помощи для облегчения мигрантам адаптации к новой социокультурной среде, обеспечить интеграцию социокультурной и психологической адаптации. Цель такой интеграции состоит в достижении «когнитивной завершенности», предполагающей высокий уровень доверия к себе и самоэффективности.

Динамичность соотношения толерантности\интолерантности к неопределенности проявляется и в проявлении фактора возраста. В нашем исследовании это положение нашло подтверждение в различиях содержательных аспектов выявленных взаимосвязей в различных возрастных группах.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Толерантность и интолерантность к неопределенности образует содержательное и структурное единство с важными процессами адаптации мигрантов и интегрирует ее социокультурный и психологический аспекты.
2. Толерантность к неопределенности предполагает оптимистический прогноз адаптации, поскольку положительно связана со смысловым аспектом адаптации и благоприятной оценкой качества жизни. Интолерантность к неопределенности негативно сказывается, прежде всего, на восприятии качества жизни как показателя психологического благополучия.
3. Во взаимосвязи толерантности\интолерантности к неопределенности проявлена возрастная специфика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алишев Б.С. Психика и преодоление неопределенности//Психология: журнал Высшей школы экономики. – 2009. - №3. – С.3-26.
2. Бутенко Т.П. Методика диагностики понимания неопределенности жизненных ситуаций и совладания с ними// Психология. Журнал Высшей школы экономики.2008. Т. 5, № 2 С. 117–123.
3. Дубенцов М.И. Категория неопределенности в психологической науке и профессиональном самоопределении личности//Современные научные исследования и инновации. - 2011. - № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/10/3078>.
4. Епишин В.Е. Стратегии контроля неопределенности при решении прогностических задач//Экспериментальная психология. - Experimental Psychology (Russia). - 2021. - Т. 14.- № 1. - С. 80-94.
5. Корнилова Т.В, Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Бандера//Экспериментальная психология. - 2014 - Т. 7.- № 1. - С. 92–110.
6. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы//Психологические исследования. - 2010. N 3(11).
7. Лондаджим Тьерри Л. Социокультурная адаптация: сущность и функции//Всероссийский журнал научных публикаций. – 2011. – Октябрь. – С. 76-78
8. Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2005. – 70 с.
9. Майнина И.Н., Васанов А.Ю, Стандартизация методики «Шкала экзистенции А. Лэнгле, К. Орглер»//Психологический журнал. – 2010.- Том. 31. - № 1. – С.
10. Мельникова Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С. 6-12.
11. Шумский В.Б., Уколова Е.Н., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста Экзистенциальной мотивации// Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2008. - Т. 5. - №. - 2 С. 117–123.
12. Efremova G.I., Nesterova A.A., Suslova T.F., Pavlova O.E. Constructivist Approach to the Problem of Social Psychological Adaptation of Migrants\ Asian Social Science.2015. -Vol. 11. - No. 1. - P. 112-118.
13. Strout T.D., Hillen M., Gutheil C., Anderson E.C., Hutchinson R., Ward H., et al. Tolerance of uncertainty: a systematic review of health and healthcare-related outcomes\Patient Educ. Couns. - 2018. – № 101. – P. 1518–1537.
14. Aroian K.J., A.E. Norris A.E. Assessing risk for depression among immigrants at two-year follow-up\Archives of Psychiatric Nursing. – 2002. - 16(6). – P. 245–253.
15. Bar-Anan Y., Wilson T.D., Gilbert D.T. The feeling of uncertainty intensifies affective reactions\\Emotion. – 2009. -№ 9. – P. 123–127.
16. Kurtz J.L., Wilson T.D., Gilbert, D.T. Quantity versus uncertainty: when winning one prize is better than winning two\\J. Exp. Soc. Psychol. – 2007. - № 43. – P. 979–985.
17. Gans H.J. Filling in some holes: Six areas of needed immigration research\\American Behavioral Scientist. – 1999. = № 42(9). – P. 1302–1313.
18. Groenewold G., de Bruijn B., Bilsborrow R. (2012). Psychosocial Factors of Migration: Adaptation and Application of the Health Belief Model\\ International Migration. 2012. - № 50(6). – P. 1468-1485.

© Чернов Александр Юрьевич (achernov1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАЦИЕНТОВ С ПОЛИНАРКОМАНИЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТЯЖЕСТИ ВЛЕЧЕНИЯ К НАРКОТИКУ

Шаар Маалоули Мария

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
mashashaarmaalouli@yandex.ru

INDIVIDUAL AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF PATIENTS WITH POLYNARCOTIC ADMINISTRATION DEPENDING ON THE SEVERITY OF DRUG ADDICTION

Chaar Maalouli Maria

Summary: The article presents the results of a study of individual and personal indicators in patients with polydrug addiction, depending on the severity of drugs. In the group with a low level of craving for the drug, there is a low level of self-control and instability to frustration. At the same time, the group with a high level of addiction to the drug is distinguished by a lack of criticism of the disease, as well as low self-control and emotional instability. It was found that criticism of the disease is present only in the group with moderate drug cravings. A distinctive feature of this group is a high level of anxiety and a high level of self-control.

Keywords: substance abuse, drug craving, personal traits.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования индивидуально-личностных особенностей у пациентов с полинаркоманией в зависимости от тяжести влечения к наркотику. В группе с низким уровнем влечения к наркотику установлен низкий уровень самоконтроля и неустойчивость к фрустрации. При этом группа с высоким уровнем влечения к наркотику также характеризуется отсутствием критики к болезни, а также низким самоконтролем и эмоциональной нестабильностью. Установлено, что критика к болезни присутствует только в группе со средней тяжестью влечения к наркотику. Отличительной особенностью данной группы является высокий уровень тревожности и высокий уровень самоконтроля.

Ключевые слова: тяжесть влечения к наркотику, полинаркомания, критика к болезни, индивидуально-личностные особенности.

Введение

Хотя опиоидная зависимость считается одним из наиболее распространенных видов наркомании, в последнее время увеличилось количество пациентов с полинаркоманией, которая характеризуется интенсивным течением и патологическим влечением к наркотикам. Таким образом, пациенты с полинаркоманией страдают от физической зависимости и симптомов отмены, и, пытаясь облегчить тяжесть этих симптомов, они прибегают к употреблению любого доступного наркотика в попытке облегчить эти симптомы, в отличие от пациентов с мононаркоманией [3]. Синдром зависимости – комплекс поведенческих, познавательных и физиологических симптомов, который возникает после повторного использования вещества и обычно включает сильное желание принять его. Как видно из представленного определения, стержневым симптомом при любых видах зависимостей является патологическое влечение (ПВ) к наркотику. Ряд исследований показывает, что тяжесть влечения к наркотику, а также особенности проявления данного симптома оказывают значимое влияние на качество ремиссии, а также вероятность рецидива. Согласно С.У. Су, С.У. Кунг и др., у пациентов с интенсивным влечением к наркотикам наблюдается усиление рецидива [5 с. 58].

В настоящее время детально изучены нейрофизиологические и биологические предикторы патологического влечения, однако психологические особенности лиц с различной степенью тяжести влечения к наркотику остаются неизученными [4]. В настоящей работе представлены результаты исследования клинико-психологических особенностей пациентов с полинаркоманиями с различной степенью тяжести влечения к наркотику.

Организация исследования

Для оценки патологического влечения и его основных патопсихологических симптомов использовалась клиническая шкала оценки патологического влечения к наркотику Винниковой М.А. [1]. Оценка личностных особенностей осуществлялась с помощью 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла. В исследовании принимали участие пациенты с полинаркоманией. Общая выборка составила 33 человека, из них 23 мужчины и 10 женщин. Исследование проводилось на базе Городской наркологической больницы, Межрегиональной благотворительной общественной организации «Благодать» и Городской психиатрической больницы № 3 имени И.И. Скворцова-Степанова в г. Санкт-Петербург. В зависимости от тяжести влечения к наркотику все паци-

енты были разбиты на три группы: пациенты с низким влечением к наркотику ($n=12$, $m=11$, $ж=1$, средний возраст=34.5, длительность ремиссии=36 дней), средним уровнем влечения к наркотику ($n=11$, $m=11$, $ж=0$, средний возраст=35.5, длительность ремиссии=32 дня), высоким уровнем влечения к наркотику ($n=10$, $m=9$, $ж=1$, средний возраст=30, длительность ремиссии=36 дней). Для статистического анализа различий использовался критерий Краскелла-Уоллиса.

Результаты исследования

Пациенты с полинаркозависимостью, вошедшие в группу с низким уровнем патологического влечения, характеризуются отсутствием навязчивых мыслей о наркотиках, достаточно стабильным эмоциональным состоянием. Анализ критики к болезни и готовности к терапии показывает преобладание частичной критики к болезни у пациентов. Установка на лечение носит формальный или формально-вынужденный характер.

Анализ индивидуально-личностных характеристик показал, что данная группа пациентов характеризуется высоким уровнем общительности и коммуникабельности. При этом эмоциональная сфера характеризуется неустойчивостью планов и интересов, низким самоконтролем, низкой толерантностью к фрустрирующим событиям. Выявлены низкие показатели нормативности и ответственности, склонность нарушать принятые правила. Выявлены смелость и готовность к риску, а также конформизм. Зависимость пациентов от мнения окружающих и значимость социальных контактов может значительно снижать риски рецидивов. В тоже время пребывания в патологической среде может повышать риски срывов. Отсутствие в данной группе пациентов явных признаков абстиненции в сочетании с формальной критикой к лечению может создавать иллюзию ремиссии как для самих пациентов, так и для специалистов, сопровождающих процесс реабилитации. В связи с этим данная группа пациентов нуждается в дополнительной психологической коррекции, направленной на формирование критики к своему состоянию и комплаенса.

Пациенты с полинаркозависимостью, вошедшие в группу со средним уровнем патологического влечения к наркотику, характеризуются периодически возникающими мыслями о наркотиках, аффективными нарушени-

ями в виде тревожности, проявляющейся в нервозности, напряженности, неспособности расслабиться. При этом критика к болезни стабильная и полная. Пациентам группы со средним уровнем патологического влечения к наркотикам свойственны: замкнутость и необщительность, податливость в социальных контактах и застенчивость. Пациенты демонстрируют эмоциональную стабильность, им не свойственны резкие перепады настроения, но при этом они не соответствуют характеристикам эмоционально-ригидной личности. Также пациенты данной группы характеризуются высокими показателями интроверсии и трудностями в установлении социальных контактов и межличностного взаимодействия.

Пациенты, вошедшие в группу с высоким уровнем патологического влечения к наркотику, характеризуются постоянным присутствием obsessивных идей и мыслями о наркотиках. У большинства пациентов отсутствует критика к болезни, либо она носит формальный характер. Анализ индивидуально-личностных особенностей пациентов с высоким уровнем патологического влечения к наркотическим веществам определил склонность к замкнутости и отчужденности, эмоциональной нестабильности. Также наблюдается склонность к пренебрежению социальными нормами, низкий контроль собственного поведения. Показатели тревожности в данной группе низкие.

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ групп с низким, средним и высоким уровнем влечения к наркотику характеризуется различиями в индивидуально-личностных особенностях. Как пациенты с низким уровнем влечения к наркотику, так и пациенты с высоким уровнем влечения к наркотику, обе группы характеризуются отсутствием критики к болезни и низким самоконтролем. То есть, несмотря на отсутствие физиологических признаков влечения к наркотику, у пациентов с низким уровнем влечения существует риск рецидива. Анализ группы со средним уровнем влечения к наркотику показал высокий уровень тревоги и критики к болезни, что может указывать на ключевую роль тревожности в осознании необходимости терапии.

Конфликт интересов отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винникова М.А. Ремиссии при героиновой наркомании (клиника, этапы течения, профилактика рецидивов): дис. мед. Наук /Винникова Мария Александровна. – М., 2004. – 243 с.
2. Доклады Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 год // www.incb.org URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2019/Annual_Report/Russian_ebook_AR2019.pdf.
3. Кулаков С.А. Психотерапевтический диагноз в реабилитации пациентов, зависимых от психоактивных веществ /С.А. Кулаков //Наркология. 2013. –

Т. 12. – № 9 (141). – С. 85-90.

4. Менделевич, В.Д. Аддитивное влечение: теоретико-феноменологическая оценка / В.Д. Менделевич. // Наркология. - 2010. - № 5. - с. 94-100.
5. Su C.Y. et al. 146 A Study of Relationship among Drug-used Impulsivity, Beliefs and Craving, and Intention to Relapse on Drug Addicts // Asian Journal of Psychiatry. – 2011. – 4. – P. S58.

© Шаар Маалоули Мария (mashashaarmaalouli@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

ДИСКУССИИ О ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

DISCUSSION ABOUT THE PHILOSOPHY OF HISTORY AT THE BORDER OF THE AGE

L. Andreeva

Summary: In modern Russian philosophy there is no single point of view on the subject of the philosophy of history, therefore the purpose of this article is to analyze the approaches to the philosophy of history that have developed at the turn of the XX-XXI centuries and to derive their own definition of the philosophy of history. According to the author, in the center of philosophical and historical knowledge is the idea of history, which is a world outlook universal that includes rational theoretical knowledge, epistemological faith and an artistic image.

Keywords: philosophy of history, historical process, historical knowledge, historical epistemology, idea of history.

Андреева Людмила Сергеевна

К.ф.н., доцент, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
humbab@mail.ru

Аннотация: В современной отечественной философии нет единой точки зрения на предмет философии истории, поэтому целью данной статьи стал анализ подходов к философии истории, сложившихся на рубеже XX-XXI веков и выведение собственного определения философии истории. По мнению автора в центре философско-исторического познания находится идея истории, представляющая собой мировоззренческую универсалию, включающую в себя рационально-теоретическое знание, эпистемологическую веру и художественный образ.

Ключевые слова: философия истории, исторический процесс, историческое познание, историческая эпистемология, идея истории.

Термин «философия истории», как принято считать в исторической и философской литературе, был введен в XVIII веке французским философом-просветителем Вольтером. Этим термином Вольтер обозначил критическое рассмотрение всемирной человеческой культуры.

С тех пор прошло более 200 лет, а споры и дискуссии о содержании термина «философия истории» продолжают и поныне.

На наш взгляд три обстоятельства создают объективные основания для таких дискуссий. Рассмотрим их.

Первое обстоятельство заключается в том, что философия истории относится к числу, так называемых, *пограничных наук*. Это значит, что проблемное поле философии и истории составляют вопросы, интерес к которым проявляет большое число гуманитарных наук.

Разумеется, каждая из пограничных наук располагает собственными методами исследования, применяет свой научный инструментарий, имеет свой категориальный аппарат и, следовательно, свой специфический предмет. Однако границы между специфическими предметами часто бывают условны, поскольку они проходят внутри общего объекта исследования.

Вторая трудность связана с самим названием: *философия истории*. Оно рождает вопрос: философия истории – это философия или это история. Так появляется новая трудность в определении предмета философии истории. Необходимо расставить акценты, чтобы прояснить содержание предмета философии истории.

Третья трудность, с которой мы встречаемся при определении предмета философии, связана с тем, что вслед за предметом философии и предметом истории эволюционирует и предмет философии истории.

В современной отечественной философии не сформировалось единой точки зрения на предмет философии истории. Значительная часть авторов придерживается взгляда, получившего распространение еще в литературе советского периода, что исторический материализм и есть философия истории. Этот взгляд закрепился в философских учебниках и словарях.

Начало такому пониманию философии истории положил В.Ф. Асмус в известной работе «Маркс и буржуазный историзм», вышедшей в 1933 году. На позиции, близкой к В.Ф. Асмусу, сегодня стоит И.А. Гобозов, который следующим образом определяет предмет философии истории: «Философия истории исследует имманентную логику развития человеческого общества, единство и многообразие исторического процесса, проблемы социального детерминизма и социального прогресса. Она дает теоретическую реконструкцию исторического прошлого, устанавливает истинность исторических фактов и событий» [4, с. 16].

Б.Г. Могильницкий так же считает, что исторический материализм «выступает в отношении исторического познания в качестве общей теории и методологии, формирующей всеобщие принципы подхода к осмыслению конкретных исторических явлений и процессов» [7, с. 23].

В современной философии истории термин «исторический материализм» заменяется понятием «социальная

философия». Проблемное поле социальной философии в настоящее время значительно превосходит предмет исторического материализма и вообще не имеет строго очерченных границ.

В связи с наблюдаемым в настоящее время эпистемологическим поворотом в исторической науке стали заметны две тенденции в определении предмета философии истории. Первая тенденция заключается в формировании самостоятельной дисциплины – теории и методологии истории. Данная тенденция во многом была обусловлена исследованиями Ковальченко И.Д., Коршунова А.М., Иванова Г.М. и др. в области методологии истории.

Вторая тенденция порождена, как пишет М.А. Кукарцева, переходом в гуманитарной области исследований от модернизма к постмодернизму. Следствием этого явилось то, что философия истории все больше превращается в историческую эпистемологию, т.е. в знание о методологии познания истории, в знание об историческом знании [5].

Наряду с указанными выше подходами к определению философии истории заслуживает быть отмеченным интерес к онтологии истории. Так, в третьем издании учебника «Введение в философию» авторы видят задачу философии истории «определить, является ли история человечества универсальной, единой в своих основах, либо расчлененной на несовместимые части, а так же каковы объективные критерии и ступени поступательного развития общества, какие из них она уже прошла, а какие ей ещё предстоит пройти» [2, с. 504].

Таким образом, в дискуссиях о философии истории сохраняются три основных направления, сложившиеся на рубеже XIX – XX веков, но сохраняются в модернизированном виде, с привлечением новых аргументов.

Первое направление, как мы видим, исходит из того, что философия истории должна быть исторической эпистемологией. Если философия истории претендует на то, чтобы быть *наукой*, то Книга Истории не должна отличаться точностью знания от Книги Природы. Философско-историческое знание обязано соответствовать тем же критериям научности, что и естественнонаучное знание. Поэтому предметом философии истории может быть само историческое знание, а не действительные исторические процессы и факты. Представители первого направления акцент делают на гносеологические проблемы философии истории.

Второе направление считает, что философия истории является теорией всемирно-исторического процесса, но опирается оно на новую историю, которая получила название научной, глобальной, универсальной. Вот что

пишет об этом Б.Г. Могильницкий: «Наряду с микросистемным анализом свидетельством возрождающегося интереса к макросистемным построениям являются оживленные дискуссии вокруг проблем глобальной истории... В этих дискуссиях глобальная история, или глобалистика, позиционируется как одно из самых перспективных направлений социально-исторической мысли». Авторы, работающие в рамках второго направления, предпочтения отдают онтологическим вопросам истории.

Третье направление концептуально представлено в работах В.М. Межуева, в частности в его статье «Философия истории и историческая наука». Лапидарно суть его концепции можно выразить следующим фрагментом статьи: «Люди всегда жили в истории, но только тогда, когда они начинают осознавать ее особую ценность для себя, возникает «целостная концепция философии истории», ставящая своей задачей выразить эту ценность рациональными средствами, представить её в виде более или менее систематизированной «идеи истории». Философия истории есть тем самым синоним не просто знаний о далеком или близком прошлом, но знание о содержащихся в трудах философов идеи истории» [6, с. 80]. Концепция В.М. Межуева представляется весьма продуктивной.

Обобщая приведенные определения философии истории, можно было бы предложить следующее определение философии истории: философия истории есть теория всемирно исторического процесса и одновременно выступает как историческая эпистемология. В центре философско-исторического познания находится идея истории.

Идея истории не является только философской категорией или историческим понятием. Скорее это мировоззренческая универсалия, которая включает в себя и рационально-теоретическое знание, и эпистемологическую веру, и художественный образ... Идея истории является общим названием целого комплекса философских и исторических проблем, которые присутствуют в ней в свернутом виде. Идея истории – это обобщенный образ целой системы знаний и представлений о цели, смысле, направленности, логике истории, сути историзма, самой ценности истории и ценности исторического знания. Следовательно, идея истории включает в себе онтологическое, гносеологическое, эпистемологическое и аксеологическое содержание, поскольку отражает всю многомерность истории.

Идея истории выполняет двоякую роль в историческом познании. Во-первых, она оказывается предпосылочным знанием, предпониманием, осуществляя тем самым регулятивную функцию. Во-вторых, идея истории – это идеальный художественно-логический образ исто-

рии, т.е. адекватно, доказательно и целостно отражающий всемирно – исторический процесс.

Историк не может обойтись без Идеи истории, без присутствующего в его сознании образа истории. Но сам выработать такую идею он не может, поскольку занят исследованием лишь фрагментов истории, т.е. исторического процесса, ограниченного временными и пространственными рамками. При всем многообразии определений предмета истории все они в конечном итоге сводятся к утверждению, что история изучает закономерности конкретных форм общественной жизни.

Ознакомившись с основными направлениями понимания философии истории проведем разграничительные линии между философией истории и историей, высветим их взаимозависимость и взаимодополняемость в познании исторической реальности.

1. Первый вывод, вытекающий из проведенного анализа, заключается в том, что историческая реальность многомерна. И взгляд на неё философа и историка – это разные измерения истории. Отсюда и различные образы истории.

2. Историческая наука, несмотря на растущие тенденции к теоретизации исторических исследований, все-таки остается преимущественно наукой эмпирической. История имеет дело с явлениями преходящими, локальными, её предмет ограничен прошлым и настоящим. Как писал Гердер: «История – это наука о том, что реально существует, а не в том, что могло бы быть согласно тайным намерениям судьбы» [3, с. 173]. С этой точки зрения, выражение «история не знает сослагательного наклонения» справедливо.

Однако философия истории по самой природе философского знания не может ограничиться только реально сущим. Её в равной мере интересует прошлое и настоящее в их отношении к будущему. Для большинства историков предмет истории – события, деяния, совершенные в прошлом. Они видят задачу в новой интерпретации прошлого, опираясь на новые факты, источники.

3. Философия истории изучает всемирную историю как Тотальность, используя для этого весь культурный арсенал, все универсалии культуры. Благодаря тому, что философия всегда отдает предпочтение единому, всеобщему, целому, философии удастся осуществить синтез эмпирического знания и философско-рефлексивного. Такой синтез возможен потому, что философия рассматривает действия человека «в просвете бытия». Выражаясь языком М.М. Бахтина, когда «уже – не бытие» и «еще – не бытие». Именно такое бытие является, строго говоря, историческим, поскольку быть в «просвете бытия» значит быть одновременно в прошлом, настоящем

и будущем. Историческое бытие дано «не в категориях временного бытия, а в категориях ещё – не-бытия, в категориях цели и смысла, в смысловом будущем...» [1, с. 15-16]. Идея истории – изображение исторического бытия человека в категориях цели и смысла.

Подобную мысль мы находим и у Ясперса, который в работе «Истоки истории и её цель» говорил: «История становится таковой лишь посредством единения всеобщего и индивидуального, но таким образом, что она показывает индивидуальность неповторимого значения, единично-всеобщее. Она есть переход как выражение бытия» [8, с. 243].

Историк так не может смотреть на историю в силу специфики самого исторического познания. И здесь мы подходим еще к одному существенному отличию взглядов философа и историка на историю.

4. Этот отличительный момент аргументировано обосновал В.М. Межуев. Он его усматривает в том, что философ «при выработке идеи истории действительно имеет дело с сознанием. Но не одних лишь историков, а всех живущих с ним людей... всех, кто принадлежит к одной с ним исторической эпохе. В своем понимании идеи истории он руководствуется именно этим историческим «самосознанием эпохи», в которой сам существует и мыслит» [6, с. 81].

Самосознание эпохи – это отношение людей к своей истории, к своему месту в ней, свое видение будущего. Все это находит отражение в их умонастроении, психологическом состоянии, хотя при этом они могут и не ставить напрямую вопрос о смысле своего бытия в истории.

Философия истории и есть мыслящее рассмотрение исторической эпохи через проникновение в её самосознание.

Проведенное разграничение между философией истории и историей одновременно показало их взаимозависимость и взаимосвязь, необходимость друг для друга.

Философия истории не умаляет самостоятельность истории и не превращает историю в иллюстрацию философской идеи истории. Философия истории не могла возникнуть раньше, чем историческая наука достигла определенной зрелости. Историческая мысль явилась основанием для появления философии истории, из потребностей исторической науки родилась философия истории.

В эпоху, на рубеже XVIII – XIX веков, когда историческая реальность стала обретать черты всемирной исто-

рии, у истории появилась потребность в целостном осмыслении хода истории, в *идее истории*. И философия ответила на эту потребность.

В заключение еще раз повторим: философия истории изучает огромный комплекс проблем, объединяемых в систему Идеей истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. - М.: Искусство, 1986.
2. Введение в философию: учеб. пособие для вузов / [И.Т. Фролов и др.]. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - М.: Республика, 2005.
3. Гердер, И. Идеи к философии истории человечества / И. Гердер М.: Наука, 1977.
4. Гобзов, И.А. Введение в философию истории / И.А. Гобзов. - М.: Тейс, 1999.
5. Кукарцева, М.А. Современная философия истории США / М.А. Кукарцева. - Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998.
6. Межуев, В.М. Философия истории и история / В.М. Межуев // Вопросы философии. - 1994. - № 4. - С. 74-86.
7. Могильницкий, Б.Г. Введение в методологию истории / Б.Г. могильницкий. - М.: Высшая школа, 1989.
8. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. - М.: Политиздат, 1991.

© Андреева Людмила Сергеевна (humbab@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В КИТАЕ

Ван Дихань

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
wangdihan@inbox.ru

DEVELOPMENT OF SPEECH ETIQUETTE
IN CHINA

Wang Dihan

Summary: This article examines the history of the development of speech etiquette in China, its main stages, as well as the key moral categories that form the etiquette basis in Chinese society. This article provides a definition of the concept of etiquette, its main characteristics and its role in society. In addition, this article provides the main moral and ethical provisions of the norms of Confucianism and Buddhism, which were the key teachings that influenced the formation of the norms of etiquette in Chinese society. Also, this article briefly examines the course of the history of the development of etiquette in China, affecting the period starting from antiquity to the present day. In the article, the author comes to the conclusion: the development of speech etiquette in China has come a long way of historical development, the beginning of which has been going on since ancient times. Many norms of etiquette were laid down by Confucian and Buddhist teachings, on the basis of which society gradually evolved. The fundamental principles on which Chinese etiquette was based are li, xiao, and respect for elders.

Keywords: China, etiquette, speech etiquette, Confucianism, Buddhism, morality, society.

Аннотация: В данной статье рассматривается история развития речевого этикета в Китае, ее основные этапы, а также ключевые моральные категории, формирующие этикетную основу в китайском обществе. В данной статье дается определение понятия этикет, его основные характеристики и его роль в обществе. Помимо этого, в данной статье приводятся основные морально-этические положения норм конфуцианства и буддизма, которые являлись ключевыми учениями, оказавшими влияние на становление норм этикета в китайском обществе. Также в данной статье кратко рассматривается ход истории развития этикетных норм в Китае от древности до наших дней. В статье автор приходит к выводу о том, что речевой этикет в Китае прошел длинный путь исторического развития, начало которого происходит со времен глубокой древности. Многие нормы этикета были заложены конфуцианским и буддийским учением, на основе которых этикет в обществе постепенно эволюционировал. основополагающими принципами, на которых базировался традиционный китайский этикет, являются «ли», «сяо», а также уважение к старшим.

Ключевые слова: Китай, этикет, речевой этикет, конфуцианство, буддизм, мораль, общество

Этикет в современном обществе является нравственным ориентиром, который позволяет людям внимательно и уважительно относиться к окружающим, а также избегать конфликтных ситуаций. Роль этикета очень важна в общении между людьми. Правила этикета существуют на протяжении многих веков и постоянно меняются. Несмотря на это, основная роль этикета при этом остается неизменной.

Этикет — это совокупность поведенческих правил, принятых в определенных кругах социума. Иными словами, этикет — это правила проявления вежливости, а также учтивости, которые выражаются в словах и поступках на основе правил, принятых в обществе [Солоницина 2005, С. 7-10]. Основой этикета, в общем понимании, являются нравственность, доброта, духовное богатство личности. Этикет определяет модель поведения человека в общества, а также требует от него применения конкретных формул вежливости и речевых клише [Формановская 2010, С. 25-34].

Так, согласно определению Н.И. Формановской, речевой этикет — это «регулирующие правила речевого поведения, система национально специфических стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта

собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [Формановская 2004, с. 73]. Из данного определения можно заключить, что речевой этикет занимает особое положение в науке. Речевой этикет находится на стыке лингвистики, теории и истории культуры, психологии, а также ряда других гуманитарных наук.

История развития этикетных норм и речевого этикета в Китае насчитывает несколько тысяч лет. Первые упоминания о нормах поведения встречается еще задолго до появления трудов Конфуция. Понятие культуры речи у китайцев появилось приблизительно в VII-V вв. до н. э. Описания культуры речи мы можем встретить в китайских художественных произведениях. В них говорится о важности культуры речи для управления страной. Культура речи является одним из основополагающих направлений древнекитайской философии. Так, уже в V веке до н. э. в Китае были изданы конфуцианские труды И Ли, Чжоу Ли и Ли Цзи, в которых пишется о воспитании культуры речи человека как одного из членов общества. [Бийгелдиева 2016, с.77-79]

Необходимо отметить, что конфуцианская этика до сих пор занимает доминирующее положение в китайском обществе. Несмотря на то, что изначально основ-

ная цель принципа Ли И – «этикет и нравственность» (礼义) состояла в том, чтобы поддерживать иерархическую систему китайского патриархального общества, постепенно этот принцип приобрел более широкое социальное значение.

Традиционные ритуалы и обычаи китайского народа отражены в трактатах «Сяо цзин» (孝经), «Чжоу ли» (周礼), «Лунь юй» (论语), «И ли» (仪礼), «Ли цзи» (礼记) и других конфуцианских произведениях. Нормы, описанные в вышеперечисленных трактатах, полностью соответствуют культурным принципам китайцев, на основе которых выстраиваются многие нормы речевого этикета. [Ван Дань 2019, с.10] Эти принципы заключены в моделях поведения, речевых шаблонах и принципах социальных взаимодействий. Согласно конфуцианскому учению, точность следования этим принципам во всех аспектах, включающих в себя жесты, слова, мысли представляют из себя одну из ключевых техник духовного самосовершенствования [Переломов 2004, с.151-235].

В своем учении Конфуций установил ряд нравственных максим, которые, согласно его мнению, составляют основу долготелетия. Одним из ключевых принципов конфуцианского учения является понятие «ли» (礼), семантика которого достаточно широкая. Так, это понятие одновременно подразумевает под собой вежливость, стремление к внутреннему совершенству, человеколюбие, честность, и любовь к своим ближним. Параллельно с этим важную роль играет понятие «сяо», которое обозначает сыновнюю почтительность к родителям и уважение к старшим.

Кроме того, конфуцианские правила и нормы во многом определили и подчинили язык Поднебесной, создавая в нем стандартные речевые обороты вежливости. К примеру, согласно этико-ритуальным правилам «ли» в случае, если диалог происходил между людьми одного возраста и с приблизительно равным общественным положением, то использовались речевые формулы, подчеркивающие взаимное уважение друг к другу, а также речевые обороты, несколько принижающие себя перед другим собеседником. Если в диалоге участвовали люди разных социальных статусов, где один был выше другого, то речевые обороты младшего по статусу максимально подчеркивали почтение к старшему по рангу. Таким образом, принцип «ли» являлся одним из стержневых в китайском этикете.

Помимо этого, понятие «ли» также представляло собой объединенную социальную, этическую и религиозную категорию, которая строго определяла общественное и иерархическое различие. Каждый член общества должен был знать свое место и соответствовать ему, соблюдая обязанности, возложенные на него согласно учению, что естественным образом проявлялось в его

речевом этикете.

Важность ритуального порядка, культ почитания старших, стремление к подавлению эмоций и личной индивидуальности ради соблюдения общественных норм и правил, которые были заложены Конфуцием и его последователями, не могли не повлиять на китайское общество. Все китайцы с рождения воспитывались на принципах почитания и повиновения старшим и авторитетам. Именно эта традиция стала основополагающей частью китайского общества. Таким образом, нравственные и этические правила китайского общества установили связь между возрастом человека и его общественной ролью, а следовательно, и нормы его поведения, которые были в то время сродни современному понятию «этикет».

Отношения к старшим по возрасту и по социальному статусу регулировались различными ритуалами во множестве жизненных сфер. Слово «старый» и «уважаемый» обозначались одним иероглифом «лао» (老), которые сочетал в себе оба этих понятия. Позднее иероглиф «лао» приобрел более широкий спектр значений, среди которых были: ветхий, почтенный [Кобзев 2006, с.7-100]. Этот же иероглиф применялся и в этикетных формулах во время обращения к уважаемому человеку.

Таким образом, учение Конфуция о последовательном и безусловном проявлении уважения младших старшим являлось гарантом духовного совершенствования личности и регуляции жизни общества. Это играло ключевую роль в этических нормах поведения людей, что выражалось в системе ритуалов и этикетного поведения. [Кесисоглу 2007, с.1-6]

Помимо конфуцианского учения, значительное влияние на нормы нравственности и этикета в Китае оказал буддизм. В I в. н.э. он постепенно начинал проникать на территорию Китая. Расцвет буддийского учения приходится на период XIII - XVI вв. [Васильева 2012, с.98-103]. Влияние буддизма усилилось в 65 г. н.э. под покровительством императора Мин-ди из династии Хань. В конечном итоге, к VI веку буддизм в Китае приобрел значительное влияние, пользуясь поддержкой китайских императоров, что помогло ему интегрироваться в китайское общество.

Во время проникновения в Китай буддизм уже имел четко организованную систему духовенства, обрядов и прочих религиозных атрибутов. Одновременно с религиозными понятиями и духовными практиками, буддизм также обладал обширным спектром моральных и нравственных категорий. Китайское общество начало переживать изначально чуждое мировоззрение, которое шло вразрез с традиционными китайскими ценностями, что привело к определенному смешению двух мораль-

но-этических учений. Благодаря буддизму в китайскую культуру крепко вошли такие понятия, как «бесконечное страдание», «целомудрие», «безбрачие», а также многие монашеские устои. Несмотря на то, что для китайского общества брак, семья и дети являлись главной ценностью, в число основополагающих ценностей буддизма также входили такие понятия, как «сострадание», «равенство» и «мудрость», «умеренность мыслей» и др., которые также в определенной степени были приняты китайским обществом, обогатив китайскую национальную систему ценностей [Коростовец 2011, с.647].

Так, согласно буддийскому учению, чтобы стать здоровым, богатым и счастливым, нужно постоянно совершать хорошие дела, а именно давать милостыню, помогать монахам, читать сутры, строить храмы и т.д. При этом, последователям учения предписывалось воздержание от лжи, сплетен, пустословия, грубой речи, убийства, воровства, прелюбодеяния, обмана и т.д. Буддийское учение также нашло и прикладную педагогическую трактовку в китайском обществе, отразившись в целях и методах воспитания детей в семье в традиционном китайском обществе, а следовательно, и в этических нормах. Буддизм оказал огромное влияние на весь жизненный уклад китайского общества, позволив создать новые и расширить старые этикетные и нравственные нормы поведения [Васильева 2012, с. 98-103].

Традиционный этикетный уклад в китайском обществе продолжал сохраняться на протяжении многих столетий, не изменяясь в кардинальном плане, что было во многом обусловлено сохранением монархического строя.

После Синьхайской революции (1911-1912 гг.) пала традиционная монархия, находившаяся под руководством маньчжурской династии Цин, после чего в китайском обществе поднялось движение за новую культуру. Несмотря на новое движение, в обществе по-прежнему оставался традиционный уклад, так как в стране преобладало сельское население, которое особенно было привержено традициям. На скорость преобразований в обществе также влиял и класс образованных людей, которые были воспитаны в соответствии с конфуцианской моралью. Тем не менее, многие из наиболее архаичных устоев в китайском обществе и этикете были заметно упрощены, а также были восприняты многие нормы поведения западных держав, которые оказывали значительное влияние на развитие культуры и общества на рубеже XIX и XX вв.

Наиболее сильные изменения произошли в ходе Культурной революции (май 1966 г. – октябрь 1976 г.), когда были подорваны традиционные устои общества и была уничтожена значительная часть культурного наследия. Культурная революция полностью отвергла конфуцианский уклад. Вместо конфуцианства в страну пришли коммунистические идеалы, маоизм, которые распространялись на широкие массы населения. Серьезный ущерб был нанесен интеллигенции, что не могло не повлиять отрицательно на развитие культурных норм и этикета. В данный период нормы речевого этикета были значительно упрощены, заимствуя многие компоненты из СССР.

После смерти Мао Цзэдуна страна период Культурной революции был прекращен, после которого страна стала постепенно возрождать свои культурные традиции, а также продолжать перенимать западные традиции в рамках политики реформ и открытости. В настоящее время этикет китайцев отличается от той сложной системы, которая существовала в традиционном обществе. Конфуцианская мораль и жесткая патриархальная система отношений ушли в прошлое. Несмотря на то, что конфуцианский ритуал в целом перестал соблюдаться, сохранилось традиционное уважение к старшим, интерес к национальной культуре, истории, литературе. Этикет современных китайцев сочетает в себе некоторые элементы традиционных и современных ценностей.

Таким образом, развитие речевого этикета в Китае прошло длинный путь исторического развития, начало которого происходит со времен глубокой древности. Многие нормы этикета были заложены конфуцианским учением, на основе которого этикет в обществе постепенно эволюционировал, однако в целом продолжал сохранять свои основные положения, среди которых основополагающими были принципы «ли», «сяо», уважение к старшим и авторитетам. Нормы этикета конфуцианства в Китае получили обновление на фоне проникновения буддизма и его религиозных, моральных и нравственных категорий. Большая часть норм этикета в той или иной форме сохранялась на протяжении многих веков вплоть до свержения монархии в ходе Синьхайской революции в начале XX века, после которой во второй половине XX века уже Культурная революция практически уничтожила традиционный китайский этикет в обществе. После завершения Культурной эволюции Китай стал постепенно восстанавливать утерянное наследие, сочетая его с общепринятыми нормами в цивилизованном мире.

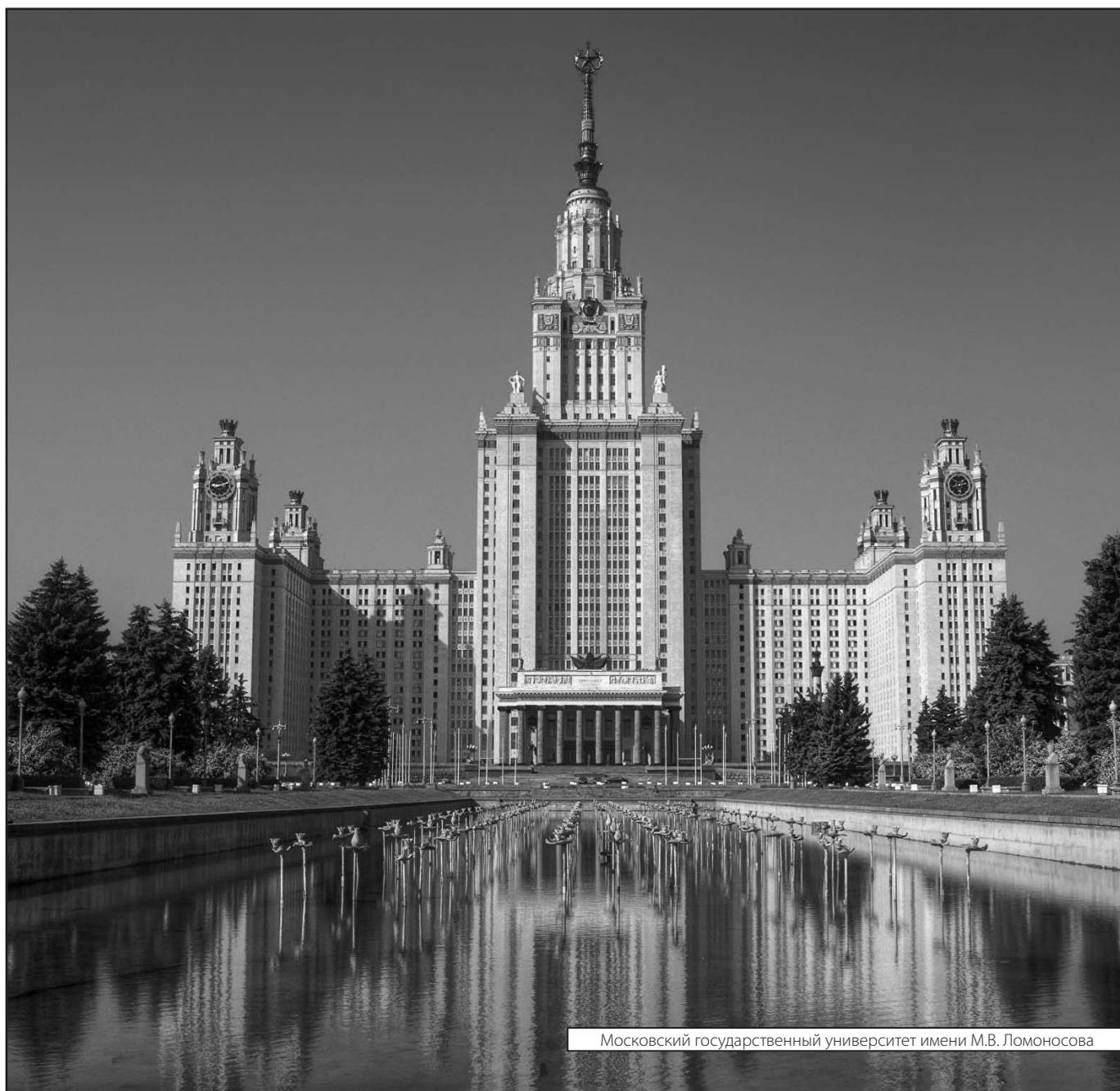
ЛИТЕРАТУРА

1. Бийгелдиева К.А. Исследование культуры речи в китайском языке. Проблемы современной науки и образования. 2016
2. Ван Дань. Этика приветствия до Синьхайской революции. Издательский дом «Хорс». 2019
3. Васильева М.С. Духовно-нравственные основы народной педагогики китайцев. Вестник БГУ. 2012

4. Кесисоглу Н.В. Нравственные максимы как основа достижения долголетия в традиционной культуре древнего Китая. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007
5. Кобзев А.И. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. Т. 1: Философия / гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006. С. 297–299;
6. Кобзев А.И. Китай // История этических учений: учеб. / под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Академ. проект; Трикста, 2015. – С. 7–100.
7. Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. Изд.2-е.: / Коростовец И. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 647 с.
8. Переломов, Л.С. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Перевод с китайского и комментарии А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л. Переломова, П.С. Попова, В.М. Майоров; Институт Дальнего Востока / Л.С. Перломов. — М. : Вост. лит., 2004.
9. Солоницина А.А. Профессиональная этика и этикет. Учебник. Изд-во Дальневост. ун-та, 2005.
10. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. – М., 2004. – 302 с.
11. Формановская, Н.И. Культура общения и речевого поведения /Н.И. Формановская. – М.: ИКАР, 2010. – 240 с.

© Ван Дихань (wangdihan@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ВРЕМЯ СУБСТАНЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Лолаев Тотраз Петрович

Д.ф.н., профессор, Северо-Кавказский
горно-металлургический институт (государственный
технологический университет)
lolaev.tp@gmail.com

Габараев Анатолий Дмитриевич

К.ф.н., доцент, Юго-Осетинский государственный
университет
gabaraev689@gmail.com

TIME OF SUBSTANCIAL CONCEPT: HISTORY AND MODERNITY

**T. Lolaev
A. Gabaraev**

Summary: The work is devoted to the history of the substantial concept of time, to the time when it originated and developed, and how I. Newton introduced it into physics with all the ensuing consequences.

In this regard, the article examines the positive and negative aspects of the substantial concept of time, makes generalizations and conclusions about its significance for science in the past and present.

It also emphasizes that A. Einstein rejected the classical concepts of absolute, independent time. Thus, A. Einstein, instead of the substantial concept of time by I. Newton, proposed the relational concept of time, in which time was no longer a physical entity.

In addition, the study reveals the degree of correspondence and inconsistency of the scientific provisions of the substantial and functional concepts of time, developed in the 70s of the last century, in which time, as in the theory of relativity, is nonsubstantial, is not a physical entity.

As a result of the analysis of the history of the emergence and evolution of the substantial and other concepts of time, their relationship and confrontation in the light of the current level of their development, it is allowed to create a single concept of time, based on the synthesis of various concepts of time.

Keywords: substantial concept of time, absolute time, relative time, functional concept of time, objectively real time, functional time, non-substantial time, eternity of the world, eternity of time.

Аннотация: Работа посвящается истории субстанциональной концепции времени, тому, когда она зародилась и развивалась, и как И. Ньютон ввел ее в физику со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В этой связи в статье рассматриваются положительные и отрицательные стороны субстанциональной концепции времени, делаются обобщения и выводы о ее значении для науки в прошлом и настоящем.

В ней также подчеркивается, что А. Эйнштейн, отказавшись от классических представлений об абсолютном, ни от чего не зависящем времени. Тем самым, А. Эйнштейн вместо субстанциональной концепции времени И. Ньютона, предложил реляционную концепцию времени, в которой время уже не являлось физической сущностью.

Кроме того, в исследовании выявляется степень соответствия и несоответствия научных положений субстанциональной и функциональной концепций времени, разработанной в 70-е годы прошлого столетия, в которой время, как и в теории относительности, несубстанционально, не является физической сущностью.

В результате анализа истории возникновения и эволюции субстанциональной и других концепций времени, их взаимоотношения и конфронтации в свете современного уровня их развития допускается создание единой концепции времени, на основе синтеза различных концепций времени.

Ключевые слова: субстанциональная концепция времени, абсолютное время, относительное время, функциональная концепция времени, объективно-реальное время, функциональное время, несубстанциональное время, вечность мира, вечность времени.

Исследователи полагают, что начало научному осмыслению времени, видимо, положил основатель милетской школы Фалес (ок. 625—547 до н.э.), который утверждал, что «мудрее всего время, ибо оно открывает все». Взгляды же ученика Фалеса Анаксимандра (ок. 610—546 до н.э.) оцениваются уже как одна из первых попыток сформулировать субстанциональную концепцию времени, поскольку время для него являлось собой и самодовлеющей сущностью [1].

Субстанциональная трактовка времени играла очень важную роль в учении античных атомистов. Так, Демокрит полагал время не имеющим начала и на этом основании доказывал несозданность атомов. имея в виду точку зрения Демокрита, Ю.Б. Молчанов замечает: «По-

нятию времени приданы здесь две примечательные функции. С одной стороны, время обуславливает движение атомов (или, что то же самое, вечность времени обуславливает вечность движения); с другой стороны, неограниченность времени обуславливает вечность и неизменность субстанции. Здесь довольно отчетливо проступает двойственная природа времени как условия одновременно и всеобщей изменчивости. и всеобщей сохраняемости (хотя, по всей видимости, ставили акцент на последней). Таким образом, в учении античных атомистов трактовка времени как субстанции не ограничивается утверждением того, что порядок объектов во времени носит самодовлеющий характер. Здесь выдвигается более сильное положение, согласно которому время само в какой-то мере определяет фундаменталь-

ные характеристики материальных процессов» [2].

Действительно, понятию времени атомисты придают весьма примечательные функции. Однако, на наш взгляд, эти функции следовало придать не времени, а движению, поскольку, согласно функциональной концепции времени [3] не вечность времени обуславливает вечность движения, а наоборот, вечность движущейся материи обеспечивает вечность времени в том смысле, что в результате движения, изменений происходит возникновение и исчезновение объектов, образующих время. Иными словами, движение обуславливает время (в указанном смысле и вечность времени), а не время движение, вечность движения.

Вечность мира обуславливается не вечностью времени, а несотворимостью и неуничтожимостью материи, сохраняемой, а не изменяющейся стороной материи. Вечность мира — это вечность материи, неизменной стороны материи как субстанциональной реальности. Сама материя несменяема и неизменна при многообразии и сменяемости ее проявлений. Вечность мира связана с субстанцией, с материей, а вечность времени (в нашей интерпретации этого понятия) с субстанциональной сферой, т. е. с изменяющейся стороной субстанции.

Субстанциональная сфера находится в постоянном изменении, тогда как субстанция (сама материя) неизменна. С одной стороны, движение, изменения — причина становления, а потому и причина образования времени, с другой — движение, изменения обуславливают неизменность, сохраняемость, стабильность самой материи.

Таким образом, вечность мира — вечность того, что сохраняется, неизменно, стабильно, т.е. материи. А вечность времени — это вечность изменения, становления, возникновения и исчезновения, т.е. постоянного наличия во Вселенной конкретных форм материи, носящих переходящий характер, которые и образуют объективно-реальное, функциональное время, в котором и существуют.

Сказанное означает, что время присуще всем без исключения вещам, явлениям, процессам и их состояниям, но не материи, не миру в целом, поскольку никакие изменения не могут стать причиной исчезновения мира, материи, т. е. неизменной стороны субстанции [4].

Материя была материей в прошлом, будет материей и в будущем, потому что несотворима и неуничтожима.

Субстанциональную концепцию времени Ньютон ввел в физику. Она получила всеобщее признание в науке и сохранила ведущую роль вплоть до начала XX века. Вместе с тем концепция времени Ньютона явилась естественным продолжением и дальнейшим совершенствованием идей античных атомистов.

Как известно, А. Эйнштейн, отказавшись от классических представлений об абсолютном, ни от чего не зависящем времени. Тем самым, А. Эйнштейн вместо субстанциональной концепции времени И. Ньютона, предложил реляционную концепцию времени, в которой время уже не являлось физической сущностью.

Кроме того, А. Эйнштейн перешел к концепции, которая связывает время с реальными физическими процессами. Согласно указанной концепции «Пространственные и временные данные имеют не фиктивное, а физически реальное значение» [5].

Согласно учению Ньютона необходимо проводить различие между истинным, математическим или абсолютным временем и относительным, кажущимся или обыденным временем.

Так, Ньютон писал: «Абсолютное, истинное математическое время, само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью.

Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день, месяц, год» [6].

Вместе с тем объективно-реальное, функциональное время, образуемое конкретными материальными вещами, явлениями и процессами, в отличие от времени субстанциональной концепции, несубстанционально, хотя, тем не менее, объективно, поскольку с момента возникновения и до исчезновения материальных объектов, образующих его, имеет физическое значение. Сказанное не означает, что мы пытаемся умалить в какой-то степени значение концепции времени Ньютона, тем более, что сделать это невозможно, поскольку его постулаты об абсолютном времени (и пространстве) были совершенно необходимы для построения теоретической системы классической механики.

Помимо постулирования объективного характера времени (и пространства), концепция Ньютона имела еще неоспоримые методологические преимущества.

«До начала XX в., замечает Ю.Б. Молчанов, — субстанциональная концепция времени была единственной научной концепцией времени, из которой исходило естествознание прошлого века и особенно физика. Она продолжает играть позитивную и фундаментальную роль и в рамках современной науки, например классической механики и электродинамики, на законах которых основывается почти вся современная техника и

производство. В настоящее время в наиболее глубоких теоретических областях современной физики, астрономии и космологии можно наблюдать действие в некотором смысле закона «отрицания отрицания», а именно возврат к субстанциальной трактовке времени на более высоком и сложном уровне» [7].

У Ньютона абсолютное время, как и абсолютное пространство, выступало аренной динамики физических объектов, тогда как объективно-реальное, функциональное время образуется благодаря этим изменениям, точнее в результате последовательной смены состояний конкретных физических объектов.

Во-первых, как полагал Ньютон «не существует (в природе) такого равномерного движения, которым время могло измеряться с совершенной точностью. Все движения могут ускоряться или замедляться, течение же абсолютного времени изменяться не может. Длительность или продолжительность существования вещей одна и та же, быстры ли движения, по которым измеряется время, медленны или их совсем нет» [6].

Во-вторых, и это главное: как уже подчеркивалось выше, объективное, функциональное время можно было бы измерить лишь «идеальными часами», т.е. процессом, который бы в точности мог повторять ритмы и длительности, образующиеся при последовательной смене состояний физического объекта, чье функциональное время требуется измерить.

Тем не менее функциональное время можно измерить обычными часами, но с учетом ритма и длительностей, образующиеся при последовательной смене состояний физического объекта.

Не является адекватным отражением объективно-реального времени и относительное время концепции Ньютона. Дело в том, что, во-первых, как и другие концептуальные времена, оно также является постулированным, придуманным человеком временем, тогда как объективно-реальное время, как не раз подчеркивалось, это время, образуемое благодаря последовательной смене состояний конкретных материальных объектов.

По Ньютону, в отличие от объективно-реального времени, которое является отражением процесса, происходящим в данном объекте, как в едином целом, так и каждого из последовательно сменяющихся его состояний - «относительное пространство и время постигаемы чувствами» [6].

Не может отражать адекватно объективно-реальное относительное время и в том случае, если «относительное пространство и время... определяются системой отношений между материальными телами и событиями,

поскольку функциональное время определяется, обусловливается последовательной сменой состояний конкретных материальных объектов и их самих.

В связи с вышесказанным не являются единицами объективно-реального времени такие единицы относительного, обыденного времени концепции Ньютона, как час, день, месяц, год, так же как и секунда или минута.

Тем не менее для большей ясности вспомним, что час состоит из определенного числа секунд и минут, а секунда, например, была определена как $1/86400$ часть истинных солнечных суток, т.е. промежутка времени между двумя верхними положениями (кульминациями) центра видимости диска Солнца. Как известно, год определяется в связи с реальным движением Земли вокруг Солнца. Иными словами, определение единиц времени концепции Ньютона связывают с механическим движением с простым перемещением, тогда как объективно-реальное время образуется в результате последовательной смены состояний конкретных материальных объектов, образующих собственные временные длительности, которые так же последовательно сменяются.

Не является единицей объективно-реального времени даже секунда, определенная Международным комитетом по вопросам мер и весов в 1964 г. новым физическим эталоном времени как промежуток времени, в течение которого происходит 9 192 631 770 колебаний электромагнитной волны, испускаемой атомом цезия-133, в отсутствие внешних электромагнитных полей, при переходе его из одного состояния в другое между двумя сверхтонкими уровнями энергии.

Объективно-реальным, функциональным временем является время самого атома цезия-133, образуемое последовательно сменяющимися промежутками времени, соответствующими последовательно сменяемым состояниям данного атома цезия. Однако, поскольку в природе не существует идеальных часов, которые бы при измерении, например, функционального времени атома цезия могли бы точно повторять и фиксировать ритмы и длительности, образуемые в результате последовательной смены состояний данного атома цезия, приходится пользоваться часами, которые измеряют длительность последовательно сменяющихся состояний, иными словами, промежутки времени, образуемые ими, т.е., единицы функционального времени. Из сказанного можно сделать вывод, что субстанциальная концепция времени будет играть позитивную роль не только в рамках современной науки, но и науки будущего.

Таким образом, определенные преимущества, которые имеет субстанциальная концепция, не связаны с адекватным отражением сущности объективно-реального времени или каких-то его свойств, а с тем, что их по-

прежнему используют как в теории, так и на практике.

Что касается слабых сторон субстанциальной концепции времени, они, по справедливому мнению Ю.Б. Молчанова, «состоят в том, что постулируемое ею и необходимое для теоретической физики абсолютное время устанавливается только мысленно, т.е. в нашей голове, и ему, видимо, ничто не соответствовало в реальном мире... субстанциальная концепция может только постулировать, провозгласить установление временного порядка между событиями, ибо с ее точки зрения, временные отношения не связываются ни с какими физическими процессами или взаимодействиями» [8].

Не случайно субстанциональной концепции времени справедливо противопоставляют реляционную концепцию, которая рассматривает время как свойство или атрибут материи, как систему отношений между физическими событиями и телами. Эта система не является первичной, ни от чего не зависящей. Напротив, она не име-

ет самостоятельного существования, а есть следствие, результат движения и взаимодействия материальных систем и событий.

В этой связи, Ю.Б. Молчанов, в результате анализа истории возникновения и эволюции субстанциальной и реляционной концепций времени, их взаимоотношения и конфронтации в свете современного уровня развития пришел к выводу об их взаимной диалектической дополнительности и выразил надежду на то, что в будущем, возможно, удастся добиться разумного синтеза и охватить в единой концепции различные и противоречивые аспекты, характеристики и стороны многоликого времени [7].

К сказанному лишь еще добавим, что, по нашему мнению, решение задачи создания единой концепции времени, на основе синтеза различных концепций времени, едва ли возможно, без функциональной концепции времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалисты Древней Греции. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 55.
2. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука, 1977. С. 12.
3. Лолаев Т.П. Функциональная концепция времени: Диссертация на ... докт. филос. наук - М., 1993. – 273; Природа времени или время в природе: Теоретическое и экспериментальное обоснование объективного существования времени». М., 2015 и др.
4. Лолаев Т.П. Время как функция материального объекта, процесса // От времени теории относительности к объективно-реальному, функциональному времени. М.: «Научное обозрение» 2019. С. 32-43.
5. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. Т. II. 1966. С. 24.
6. Ньютон И. Математические начала натуральной философии // Крылов А.Н. Собр. трудов. М. — Л., Наука – Изд-во Академии наук СССР, 1936. Т. 7. С. 30.
7. Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М.: Наука. 1990.
8. Молчанов Ю.Б. Проблема времени и диалектика // Вопросы философии. 1975. № 8. С. 83.

© Лолаев Тотраз Петрович (lolaev.tp@gmail.com), Габараев Анатолий Дмитриевич (gabaraev689@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЙНЫЙ БАЗИС И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ РАЗДЕЛОВ МАТЕМАТИКИ

Побережный Иван Александрович

Аспирант, Курский государственный университет

ivan.poberezhnyy@gmail.com

THE CONCEPTUAL BASIS AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF NEW SECTIONS OF MATHEMATICS

I. Poberezhnyy

Summary: The article considers the state of the conceptual basis of mathematics in the historical and philosophical aspect. The genesis and evolution of some of the most ambiguous mathematical concepts are shown. The article describes how the evolution of concepts leads to the development of new scientific theories. On the other hand, the emergence of new directions in mathematics contributes to the renewal of its conceptual apparatus.

Keywords: history of mathematics, conceptual basis, irrational numbers, infinitesimal quantities, continuum, transfinite numbers.

Система понятий любой науки формируется при формировании самой науки, и в дальнейшем, как правило, претерпевает определенные изменения. Понятия определяются, уточняются, дополняются. Проблема понятийного аппарата – это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки.

Понятийный базис математики формировался на протяжении всей ее истории, и определения многих понятий в процессе развития науки претерпели существенные изменения. В данной статье в историко-философском аспекте будут рассмотрены генезис и эволюция некоторых наиболее неоднозначных математических понятий: иррациональные числа, бесконечно малые величины, непрерывность и дискретность, континуум, трансфинитные числа.

Иррациональные числа – это все те вещественные числа, которые не являются рациональными, то есть не могут быть выражены как целое число или как отношение двух целых чисел. Если отношение длин двух отрезков прямой представляет собой иррациональное число, то такие отрезки называются несоизмеримыми, что означает, что у них нет общей «меры», нет такой длины, пусть даже очень малой, которая могла бы быть использована для выражения длин обоих данных отрезков как целых кратных этой «мере».

Первое доказательство существования иррацио-

Аннотация: В статье рассмотрено состояние понятийного базиса математики в историко-философском аспекте. Показаны генезис и эволюция некоторых наиболее неоднозначных математических понятий. Описано, как эволюция понятий приводит к разработке новых научных теорий. С другой стороны, возникновение новых направлений в математике способствует обновлению ее понятийного аппарата.

Ключевые слова: история математики, понятийный базис, иррациональные числа, бесконечно малые величины, континуум, трансфинитные числа.

нальных чисел приписывают пифагорейцу Гиппасу из Метапонта [10, с.56-57]. Согласно учению пифагорейской школы, существует достаточно маленькая, неделимая единица длины, которая могла бы равномерно вписаться в любую из длин. Гиппасу ещё в V веке до нашей эры удалось доказать, что такой единой единицы измерения не существует и что утверждение о таком существовании на самом деле приводит к противоречию. Он сделал это, показав, что если бы гипотенуза равнобедренного прямоугольного треугольника была соизмерима с катетом, то одна из этих длин должна была бы быть одновременно нечетной и четной, что невозможно. Греческие математики назвали это отношение несоизмеримых величин $\alpha\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ (невыразимое). Открытие несоизмеримых отрезков прямой указывало на новую проблему, ставшую перед греками: отношение дискретного к непрерывному [3].

Евдокс Книдский разработал новое понимание теории пропорций, которое учитывало не только соизмеримые, но и несоизмеримые величины. Величина «... не была числом, а обозначала такие объекты, как отрезки, углы, площади, объемы и время, которые могли изменяться, как мы сказали бы, непрерывно. Величины противопоставлялись числам, которые перескакивали от одного значения к другому, как от 4 до 5» [13, р.48]. Разработка Евдоксом теории пропорций создала прочную базу для понимания и использования иррациональных чисел в математике.

В Средние века развитие математики наиболее су-

щественно проявилось в странах Востока. Создание арабскими математиками алгебры приводит к тому, иррациональные числа рассматриваются как алгебраические объекты. В X веке арабский математик Аль-Хашими представил общие рассуждения и доказательства для иррациональных чисел, где он рассматривал умножение, деление и другие арифметические операции. Многие из этих концепций позже были приняты европейскими математиками.

Дальнейшим шагом в развитии теории иррациональных чисел стало решение вопроса о том, все ли числа являются алгебраическими, т. е. корнями алгебраических многочленов с целыми коэффициентами. В 1844 году французский математик Ж. Лиувиль впервые привел пример трансцендентного (т. е. неалгебраического) числа [14]. Множества алгебраических и трансцендентных чисел существенным образом отличаются друг от друга. Множество алгебраических чисел бесконечно и счётно, т.е. эквивалентно множеству натуральных чисел, замкнуто относительно операций сложения, вычитания, умножения и деления (исключая деление на 0). Множество трансцендентных чисел несчётно. Таким образом, трансцендентных чисел «больше», чем алгебраических. Их слишком много, чтобы можно было представить в виде последовательности.

Понятие непрерывности в математике имеет давнюю историю. Значение слова непрерывный – «сущность, которая не имеет промежутков». Обычно считается, что пространство и время непрерывны, и некоторые философы утверждали, что все естественные процессы происходят непрерывно. Например, Г. Лейбниц утверждал, что «природа не совершает скачка» (*natura non facit saltus*) [11]. Быть непрерывным – значит образовывать нечто неразрывное, сплошное. Непрерывная сущность – континуум – не имеет пробелов. Сущность, противоположная непрерывности, – дискретность. Дискретное состоит из отдельных точек, элементов, жестко разделенных между собой. Непрерывное подобно небу или океану, дискретное подобно гальке на пляже или листьям на дереве. Непрерывность означает единство; дискретность – множественность.

В математике понятию непрерывности на протяжении истории давали всё более и более точные определения. Так, в конце XVIII века непрерывность функции означала, что бесконечно малые изменения значения аргумента индуцируют бесконечно малые изменения значения функции. В XIX веке это определение связывают с понятием предела.

Традиционно бесконечно малая величина – это последовательность, переменная величина, такая, которая меньше любой конечной величины. Практически величина является бесконечно малой, если ее квадратом и

всеми более высокими степенями можно пренебречь. В теории пределов бесконечно малой является последовательность, предел которой равен нулю. Таким образом, непрерывные кривые считались составленными из бесконечно малых прямых линий.

Бесконечно малые встречаются в математике греческого философа-атомиста Демокрита (V в. до н.э.), но уже отсутствуют в математике Евклида. Приняв не вполне понятную форму «неделимых», они вновь появляются в европейской математике в эпоху позднего средневековья. В XIX веке с появлением и развитием теории пределов математики на какое-то время отказываются от понятия бесконечно малых в связи с отсутствием его четкой определенности [1. с.230]. Однако позже понятие бесконечно малого было переосмыслено на более строгой основе.

Фундаментальная природа континуума состоит в неделимости, при этом любой континуум допускает бесконечное последовательное деление. В древности это утверждение встречало возражение. Основатель школы атомизма Демокрит утверждал, что существуют атомы, неделимые частицы, что для всего существует предел деления, и что не только материя, но и сама протяженность не является бесконечно делимой. В то же самое время атомисты утверждали, что непрерывное в конечном счете сводимо к дискретному, как на уровне ощущений, так и на уровне философствования. В XIX веке учение Демокрита получает триумфальное признание в физике и химии, и понятие континуума смещается в область математического познания.

Бесконечно малая величина была понята как «конечная часть континуума». Если утверждается, что дискретная сущность состоит из отдельных единиц, можно аналогичным образом утверждать, что континуум составлен из бесконечно малых величин, как своих частей. Но каждая часть континуума делима, так как сама является континуумом. Это значит, что точка, как неделимый объект, не может быть частью континуума. Иными словами, бесконечно малые величины, как части континуумов, не могут быть точками.

Конечные величины принимаются как нечто экстенсивное, локализованное, как масса или объем, которые определяются в протяженных областях пространства. Напротив, бесконечно малые величины были истолкованы как интенсивные величины, локально определенные, такие как температура или плотность. Результатом «распределения» или «интегрирования» интенсивной величины по такой интенсивной величине является превращение первой в бесконечно малую экстенсивную величину: таким образом, температура преобразуется в бесконечно малую энергию, «теплоту», а плотность – в бесконечно малую массу. Когда континуум определяется

движением, связанные с ним бесконечно малые интенсивные величины идентифицируются как потенциальные величины.

Бесконечно малое число – это число, которое, хотя и не совпадает с нулем, в некотором смысле меньше любого конечного числа. Неделимое – это то, что обычно понимается как не состоящее из частей.

Понятие бесконечно малого всегда подвергалось жесткой критике, каким бы полезным оно ни было на практике. В XVIII веке Дж. Беркли называл бесконечно малые «призраками ушедших величин» [15], в XIX веке Г. Кантор сравнивал их с «бациллами холеры», заражающими математику, а в XX веке Б. Рассел резко критиковал как «ненужные, ошибочные и самопротиворечивые», как «логически сомнительные сущности» [7]. Тем не менее бесконечно малые величины широко использовались в различных дисциплинах преимущественно практической направленности, к примеру, в дифференциальной геометрии, физике, технических науках.

В шестидесятых годах прошлого века американский математик А. Робинсон, используя методы математической логики, создал нестандартный анализ, расширение математического анализа, охватывающее бесконечно большие и бесконечно малые величины, развивая идею, которая, по существу, восходит к Лейбницу. И наконец, в семидесятые годы прошлого столетия разрабатывается гладкий инфинитезимальный анализ, основанный на идеях У. Ловера и использующий методы теории категорий, он рассматривает все функции как непрерывные и невыражаемые через дискретные элементы. Данная теория может быть интерпретирована как описывающая мир, в котором линии состоят из бесконечно малых отрезков, а не из точек. Развитие данных теорий вдохнуло новую жизнь в понятие бесконечно малого и дало новое понимание природы континуума.

Противопоставление непрерывности и дискретности, имевшее место в древнегреческой философии, вытекает из более фундаментального вопроса о едином и множественном, лежащего в основе ранней греческой философии. Элеатские философы VI–V вв. до н.э. Парменид и Зенон, утверждали, что понимание бытия как делимого на части ведет к противоречию, что мир представляет собой статичное, неизменное единство [5, с.235]. Парменидово бытие – это континуум без частей, одновременно континуум и атом. Учение об атомизме, возникшее как попытка избежать Элеатской дилеммы, было прежде всего физической теорией. Левкипп и Демокрит утверждали, что материя не бесконечно делима, а состоит из неделимых, твердых, однородных, пространственно протяженных частиц.

Атомизм был оспорен Аристотелем, который первым

предпринял систематический анализ непрерывности и дискретности. Он утверждал, что физическая реальность – это непрерывная полнота и что структура континуума, общая пространству, времени и движению, не может быть сведена ни к чему иному. По мнению Аристотеля, непрерывные величины потенциально делимы до бесконечности.

Аристотель определяет непрерывность и дискретность как атрибуты, относящиеся к категории количества. Такие величины, как прямые и плоскости, пространство и время непрерывны в силу того, что их составные части соединяются вместе на некоторой общей границе. В то же время никакие составные части дискретной величины не могут иметь общей границы. Один из центральных тезисов Аристотеля – несводимость континуума к дискретному, обосновывается тем, что континуум не может быть «составлен» из неделимых частей. Аристотель утверждал, что непрерывная величина не может состоять из точек, единиц, лишенных протяженности [9].

Философы-стоики (III в. до н.э.) Зенон и Хрисипп отстаивали аристотелевское положение о том, что пространство, время, материя и движение непрерывны. Все физические явления они рассматривали как связанные посредством растягивающих сил в пневме, а сама материя считалась производной от связывающих свойств пневмы, которую она содержит [2].

Философы средневековой Европы, подчиняясь огромному авторитету Аристотеля, в основном в той или иной форме придерживавшиеся его позиции. Хотя некоторые ученые того времени, например Г. Харклей, отстаивали идеи атомизма и попытались согласовать их с учением Аристотеля. Их идеи встретили опровержение со стороны Иоанна Дунса Скота, в котором он предлагает чисто геометрические аргументы против композиции континуума из неделимых элементов. Один из этих аргументов состоит в том, что если бы диагональ и сторона квадрата состояли из точек, то они были бы соизмеримы. У. Оккам признает, что на произвольно малых отрезках прямой должно лежать бесконечно много точек, но из этого не следует, что линии или вообще любой континуум состоят из точек.

Интересны взгляды на континуум Николая Кузанского, который утверждал, что любой континуум делим в двух смыслах: идеальном и реальном. Идеальное деление прогрессирует до бесконечности; действительное деление завершается в атомах через конечное число шагов. Концепция реального бесконечного у Н. Кузанского отражена в его квадратуре круга.

Исчисление бесконечно малых величин, сформировавшееся в XVI–XVII веках и имевшее своим основным предметом непрерывную вариацию, можно рассматри-

вать как своего рода синтез непрерывного и дискретного, причем бесконечно малые величины заполняют промежутки между ними. Таким образом, именно бесконечно малое должно было служить математической ступенью между непрерывным и дискретным.

Г. Галилей считал, что бесконечность неделимых никогда не будет получена последовательным делением, но он находит метафизическое применение идеи рассмотрения круга как бесконечно-стороннего многоугольника. Когда прямая изгибается в окружность, Галилей утверждает, что линия может быть разделена на неделимые части, точки. Если эти части являются сторонами бесконечно-стороннего многоугольника, то их можно характеризовать не как неделимые точки, а как несгибаемые прямые, каждая из которых одновременно является частью окружности и касательной к окружности [4].

Р. Декарт использовал в своих математических работах методы бесконечно малых. Декарт различает бытие протяженное (*res extensa*) и бытие мыслящее (*res cogitans*) на том основании, что первое, будучи пространственно-протяженным, делимо, тогда как второе, ментальное, не имеет частей. Следствием отождествления материи и пространственной протяженности является то, что материя непрерывна и бесконечно делима. Таким образом, пространство у Декарта, как и у стоиков, – это объем, заполненный непрерывной средой [5, с.301].

В 1873 году Кантор показал, что рациональные числа, хотя и бесконечны, являются счетными (или исчисляемыми), потому что они могут быть поставлены в однозначное соответствие с натуральными. Он показал, что множество действительных чисел бесконечно и неисчислимо, и что трансцендентные числа, которые являются подмножеством иррациональных, неисчислимы и поэтому более многочисленны, чем целые числа, которые должны быть поняты как бесконечные [12, р.262]. Развивая новые способы постановки вопросов о непрерывности и бесконечности, Кантор вызвал споры в научном мире тем, что он объединил свою теорию с платоновской метафизикой. В то же время Кронекер, считавший, что существуют только целые числа («Бог создал целые числа, а все остальное – дело рук человека»), в течение многих лет настойчиво отвергал его рассуждения [7, с. 85].

В 1883 году Г. Кантор вводит понятие ординала или порядкового числа. Новое множество представляет собой расширение множества натуральных чисел. Над ординалами можно производить те же арифметические действия, что и над другими числами – сложение, умножение, возведение в степень. Трансфинитные числа – это бесконечные порядковые числа. Данные числа сыграли важную роль в доказательстве различных теорем теории множеств. Особенно ценным оказался в данном случае принцип трансфинитной индукции.

В математике трансфинитные числа – это числа, которые бесконечны в том смысле, что они больше всех конечных чисел, но не обязательно абсолютно бесконечны. Эти числа можно разделить на два типа: трансфинитные кардиналы и трансфинитные ординалы. Трансфинитные кардиналы — это бесконечные числа, используемые для количественной оценки различных размеров бесконечности, которых существует множество. Помимо трансфинитных кардиналов, существуют также трансфинитные ординалы. Это числа, используемые для описания порядка множеств.

В 1895-97 годах Кантор изложил свой взгляд на непрерывность и бесконечность, включая бесконечные ординалы и кардиналы, в своей работе «К обоснованию учения о трансфинитных множествах» [6, с. 173-245]. Эта работа содержит его концепцию трансфинитных чисел, к которой он пришел, продемонстрировав, что бесконечное множество может быть помещено в взаимно однозначное соответствие с одним из его подмножеств.

Трансфинитные числа, которые были введены Кантором, известны в обозначении, которое он принял для них позже: в виде буквы \aleph (алеф) — первой буквы еврейского алфавита. Этой буквой обозначается мощность, то есть число элементов бесконечного множества, так что отношения эквивалентности между бесконечными множествами часто выражают через трансфинитные кардинальные числа, алефы.

Под наименьшим трансфинитным кардинальным числом он имел в виду кардинальное число любого множества, которое может быть помещено в однозначное соответствие с целыми положительными числами. Это трансфинитное число он называл алеф-ноль. Большие трансфинитные кардинальные числа обозначались алеф-один, алеф-два, ... Затем он разработал арифметику трансфинитных чисел, аналогичную конечной арифметике.

Г. Кантор показал, что множество точек на прямой обладает большим кардинальным числом, чем алеф-ноль. Это привело к проблеме гипотезы континуума, состоявшей в том, что нет кардинальных чисел между алеф-ноль и кардинальным числом точек на прямой. Эта проблема представляла большой интерес для математического мира и изучалась многими последующими математиками, включая К. Геделя и П. Козна.

На рубеже веков работы были окончательно признаны фундаментальными для развития теории функций, анализа и топологии. Более того, его работа стимулировала в дальнейшем развитие как интуитивистской, так и формалистской школ в логических основах математики. Благодаря Г. Кантору понятие актуальной бесконечности стало доступно для строгого, формально-логического и математического анализа.

Однако теория множеств Г. Кантора была воспринята в научном мире неоднозначно. Так, в то время как Д. Гильберт считал теорию Кантора «высочайшим проявлением математического гения», убежденными противниками этой теории были Л. Кроннекер и А. Пуанкаре. Пуанкаре даже назвал теорию трансфинитных чисел «болезнью», от которой, как он надеялся, математика когда-нибудь должна будет излечиться [8, с.42].

Таким образом, понятийный базис математики, как и понятийный аппарат любой другой науки, играет большую роль в ее развитии. Эволюция понятий приводит к разработке новых научных теорий и новых разделов математики, что неоднократно имело место на протяжении истории математики. С другой стороны, возникновение новых направлений в математике обновляло ее понятийный аппарат, уточняло понятийный базис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арепьев Е.И. Природа чисел в свете расширенной трактовки действительности // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 4. С. 229-236.
2. Ван дер Варден Б.Л. Пробуждающая наука. Математика др. Египта, Вавилона и Греции – [Пифагорейское учение о гармонии]. Пер. с голланд. и замеч. И.В. Веселовского. – М.: Физматгиз, 1959. – 459 с.
3. Гайденок П.П. Греческая философия в ее связи с наукой / П.П. Гайденок. – М., 2000. – 319 с.
4. Галилей Г. Пробирных дел мастер. – М., 1987. – 272 с.
5. Даан-Дальмедико А., Пейффер Ж. Пути и лабиринты. Очерки по истории математики/Пер. с франц. А.А. Брядинской. Под ред. И.Г. Башмаковой. – М.: Мир, 1986. – 431 с.
6. Кантор Г. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. – 431 с.
7. Клайн М. Математика. Утрата определенности: пер. с англ. / под ред., с предисл. и примеч. И.М. Яглома. – М.: Мир, 1984. – 434 с.
8. Михайлова Н.В. Теория бесконечных множеств Кантора в контексте генезиса философии математики / Математические структуры и моделирование. 2015. №4(36). С. 40–48
9. Никаноров С.Н. Число у Аристотеля и в философии Нового времени. URL: http://turba-philosophorum.narod.ru/forskninger/Nikanorov/1_Num_Arist.html (Дата обращения 10.06.2021)
10. Чанышев А.Н. Итальянская философия. М.: Издательство Московского государственного университета, 1975. – 216 с.
11. Continuity and Infinitesimals/ <https://plato.stanford.edu/entries/continuity/>
12. Godel, K. What is Cantor's continuum problem / K. Gogel // Philosophy of Mathematics: Selected Readings. – N.Y.: Englewood Hill, 1964. – P. 258-273.
13. Kline, M. (1990). Mathematical Thought from Ancient to Modern Times, Vol. 1. New York: Oxford University Press (original work published 1972)
14. Hyun Seok, Lee. On Transcendence Theory with little history, new results and open problems. URL: <https://www.math.sci.hokudai.ac.jp/~wakate/mcyr/2016/pdf/LEE.pdf> (Дата обращения 10.06.2021)
15. The Analyst; or, a Discourse Addressed to an Infidel Mathematician (1734) by George Berkeley (1685-1753). URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Analyst:a_Discourse_addressed_to_an_Infidel_Mathematician#XVI (Дата обращения 10.06.2021)

© Побережный Иван Александрович (ivan.poberezhnyy@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА: ВОКРУГ ДИСКУССИИ ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF SOCIAL PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY: AROUND THE DISCUSSION ABOUT THE ASIAN MODE OF PRODUCTION

L. Smetankina
A. Ogarkov

Summary: One of the most difficult problems that arose in the process of the formation of the Marxist theory of socio-economic formations as a typology of history was the problem of correlating the theoretical and empirical levels of historical knowledge, as a specification of the traditional philosophical dispute about the relationship between the categories «general», «special» and «individual». Explication of the content of these categories in social cognition is extremely difficult due to the specificity of the objects of socio-philosophical knowledge, the multiplicity of interpretation options for the concept of «historical fact», the difficulty of separating explanation, description and evaluation in historical research, which is the basis of sociological generalization. In addition, it is often extremely difficult to separate in a conceptual model that «grasps» the totality of social phenomena in their connection, the philosophical aspect of analysis proper from the sociological one, and the sociological aspect from the historical one. The researcher constantly runs the risk of creating such a theoretical construction, which, having delimited the richness of social phenomena with several features, will cease to be a means of cognition, «numb» the fabric of social life.

Such difficulties in the «post-Hegelian» period of the development of philosophy received a radical solution at a new problem level in the concept of G. Rickert: generalizing laws are aimed at finding integrity and the most general signs of its division, to which the historical sciences do not lend themselves at all. The object of history is the individual developmental series.

Keywords: social philosophy, Asian mode of production, discussion, cognition, social life.

Сметанкина Людмила Васильевна

д.ф.н., профессор, ФГКВБОУ ВО «Военная академия связи
имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного» МО РФ,
г. Санкт-Петербург
lsmetankina.umo@mail.ru

Огарков Александр Николаевич

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская
государственная художественно-промышленная
академия имени А.Л. Штиглица», г. Санкт-Петербург
suer53@inbox.ru

Аннотация: Одной из сложнейших проблем, возникших в процессе формирования марксистской теории общественно-экономических формаций как типологии истории, стала проблема соотнесения теоретического и эмпирического уровня исторического познания, как спецификация традиционного философского спора о соотношении категорий «всеобщее», «особенное» и «единичное». Экспликация содержания этих категорий в социальном познании крайне затруднена вследствие специфики объектов социально-философского знания, множественности вариантов интерпретации понятия «исторический факт», трудности отделения объяснения, описания и оценки в историческом исследовании, которое является базой социологического обобщения. К тому же часто крайне трудно бывает отделить в концептуальной модели, «схватывающей» совокупность социальных явлений в их связи, собственно философский аспект анализа от социологического, а социологический – от исторического. Исследователь постоянно рискует создать такую теоретическую конструкцию, которая, отграничив богатство социальных явлений несколькими признаками, перестанет быть средством познания, «омертвит» ткань общественной жизни. Подобные трудности в «постгегелевский» период развития философии получили радикальное разрешение на новом проблемном уровне в концепции Г. Риккерта: генерализирующие законы направлены на отыскание целостности и самых общих признаков ее членения, чему совершенно не поддаются исторические науки. Объектом истории является индивидуальный ряд развития.

Ключевые слова: социальная философия, азиатский способ производства, дискуссия, познание, общественная жизнь.

Попытки рассмотреть закон исторического универсума неизбежно сопровождаются усилиями по отысканию формулы исторического прогресса, между тем как прогресс и регресс – понятия ценности. Как правило, о прогрессе говорят тогда, когда этот критерий ценности уже имеется. Поэтому учение о принципах исторической жизни должно стать учением о системе ценностей (или философией истории). На ценностях базируется историческое познание, они конституируют исторический материал и используются при изложении

истории, причем философия истории – не просто классификация ценностей, а критика принципов классификации [1, с. 140-145].

Позже К. Гемпель, М. Мандельбаум, К. Поппер, У. Дрей и вовсе перестали говорить о понятийной системе в историческом познании, сконцентрировав усилия на разрешении проблемы объяснения как логической познавательной операции. Вопрос ставился лишь о применимости научного объяснения к историческим

наукам. Марксизм же не отделяет, во-первых, научного метода от способов его реализации, во-вторых – принципиально не отделяет историческое знание от научного объяснения. История и есть наука о действительном производстве человеком своей жизни. Речь идет только об уровнях познания этой жизни, определяемых целью исследования.

Марксистская формационная типология фиксирует непрерывность истории, о чем свидетельствует сам характер моделирования исторического процесса, как ряда открытых общественных систем. Все формационные модели однокачественны в том смысле, что в основе типологии лежит один и тот же метод: выделение производственных отношений в качестве системообразующего фактора. И все-таки сам по себе подобный системный анализ имел бы ограниченное методологическое значение, рассматривая лишь социологические модели вне контекста их создания. Жесткость общей схемы последовательности формаций предполагает сравнительно малый и фиксированный набор критериев, по которым определяется место той или иной формационной модели в общем ряду: уровень развития производительных сил, производительность труда, форма собственности, форма эксплуатации. Сами эти понятия строго не обозначены, что определяется спецификой социально-философского знания. Существует и еще одно ограничивающее условие – конкретный уровень исторических знаний, на котором строится социологическая схема. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно возвращались в своих поздних работах к мысли о «...действительном знании, которое лишает самостоятельную философию ее жизненной среды, в лучшем случае ее может заменить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития. Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности. Они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев» [2, с. 26].

Трудности «выведения» абстракций и соотнесения их с понятиями исторической науки, знание их методологических пределов, постоянно обновляющийся «фонд» исторических фактов, сама меняющаяся социальная действительность – все эти факторы были причиной возникновения в конце 20-х годов методологически открытой (поскольку она до сих пор не завершена) и крайне полезной для развития социально-философского знания дискуссии об «азиатском способе производства», в которой участвовали представители всех разделов гуманитарного знания. Дискуссии об азиатском способе производства в советской литературе имеют предысторию, которая не эксплицируется в дискуссии, но имеет, на наш взгляд, важное значение для понимания ее смысла, составляя «незримый фон». В 1889 г. в Париже выхо-

дит книга брата русского физиолога – Льва Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки (Географическая теория прогресса и социального развития)» [3]. Версия возникновения мировой цивилизации, выдвинутая в ней, система аргументов, подтверждающих эту версию, до сих пор сохраняют свое исходное научное значение.

Л.И. Мечников задается целью в исследовании причин возникновения ряда восточных деспотий выйти за пределы нравственного императива (тирания – плохо, демократия – хорошо), выявить объективные причины, по которым ряд древних обществ (египетское, сирийское, индусское, китайское) структурируются в деспотии, могущие быть описанными в одной и той же системе терминов (жесткая «центрированность» общественного целого, надперсональный характер управления, нивелирование роли субъекта). Детально рассматривается регион, в котором формировались три из четырех древних цивилизаций. Констатируется полное единство общих условий, оказавших решающее воздействие во всех трех случаях. Уникальное единство условий выживания (плодороднейший наносный слой ила) и условий, вызывающих необходимость колоссального совместного систематического напряжения (длительные разливы, ручной труд, случайности погоды) привели к созданию единого, централизованного общественного организма, несрабатывание какого-либо из элементов которого означало смерть всего целого. Отсюда – нивелирование роли отдельного лица, независимо от статуса, безусловное подчинение всей его жизни деятельности целого, и в конечном счете – возникновение государства и культуры: «Под страхом неминуемой смерти, река-кормилица заставляла население соединять свои усилия на общей работе, учила солидарности, хотя быв действительности отдельные группы населения ненавидели друг друга. Река налажала на каждого отдельного члена общества некоторую часть общественной работы, полезность которой познавалась впоследствии, а в начале бывала непонятной громадному большинству» [3, с. 162].

В России работу Л.И. Мечникова сразу заметил и оценил Г.В. Плеханов. В работе «История русской общественной мысли» Плеханов использует аргументы концепции Л. Мечникова в своей интерпретации истории России. Согласно его точке зрения (Плеханов опирается на В.О. Ключевского и В.С. Соловьева), особенности расположения и исторического развития России обусловили особый характер ее общественной структуры, представляющей собой сочетание элементов азиатских и европейских обществ. Одним из признаков, сближающих Россию с восточной деспотией, Плеханов называет особые отношения классов, которые были антагонистическими, но не вылились в открытую классовую борьбу, поскольку каждый класс заинтересован в существовании двух других: «...Одной из замечательных особенно-

стей русского исторического процесса явился тот факт, что наша борьба классов, чаще всего остававшаяся в скрытом состоянии, в течение очень долго времени не только не колебала существовавшего у нас политического порядка, а, напротив, чрезвычайно упрочивала его» [4, с. 112]. Другим существенным признаком «азиатского» характера общественных отношений в России Плеханов считал одинаковую закрепощенность в государстве как низших, так и высших классов, которые состоят на службе у государя. На основании подобной интерпретации российской истории и российского общественного строя Плеханов делает определенные политические выводы относительно аграрной политики большевиков. Против этих аргументов, как и против выводов из них, резко выступил В.И. Ленин на V съезде РСДРП, противопоставив им тезис о капиталистическом характере пореформенных отношений в России.

Доказательства, которые Г.В. Плеханов использовал в своих научных работах для обоснования особого «азиатского» пути развития России, он положил в основу критики аграрной программы большевиков на IV съезде РСДРП: неблагоприятные географические и исторические условия развития России, экономическая необходимость централизации власти и закрепления всех сословий в их одинаковом отношении к государству обусловили особый характер структуры хозяйства и общественного устройства России. Требования большевиков национализировать землю оставляет неизменным «азиатскую» структуру российской экономики, препятствует развитию капитализма в сельском хозяйстве. Требование национализации земли – спекуляция на «психологии уравнивания», также сложившейся исторически: «Когда крестьянин, не затронутый революционной пропагандой... говорит о необходимости отобрания земли у помещиков, то ему и в голову не приходит, что он потрясает какие-нибудь основы. Совершенно наоборот! Он считает себя охранителем той экономической основы, которая освящена в его глазах веками, потому что на ней в течение целых веков держалось русское государство... Если бы ему удалось восстановить указанную экономическую основу старого нашего государственного порядка, то сильно, очень сильно повернулось бы назад колесо русской истории» [5, с. 36].

Таким образом, уже к 1906 году «академический» вопрос об «азиатском способе производства» становится вопросом революционной тактики и революционной практики, определяя принципиальные расхождения теоретических платформ двух направлений социал-демократического движения в России. Если меньшевики, во главе с Плехановым, настаивали на принятии буржуазно-демократической программы по аграрному вопросу (муниципализация земли), то большевики ставили целью национализацию земли, с передачей ее после победы революции в собственность всего народа (Проект

аграрной программы В.И. Ленина на IV съезде РСДРП).

Своеобразным толчком к официальной дискуссии об «азиатском способе производства» послужил XV съезд ВКП(б) (декабрь 1928 г.) Речь шла об оценке исторического развития Китая с точки зрения определения перспектив классовой борьбы и судеб пролетарской революции в Китае. В отчете Н.И. Бухарина по этому поводу отмечалось: «О китайской революции: рабочий класс должен идти с буржуазией до поворота. Мы накануне нового революционного подъема... В отношении перспектив китайской революции мы не имеем никакого права быть пессимистически настроенными» [6, с. 670]. В прениях по отчету Бухарина выступает Ломинадзе (впоследствии подвергшийся резкой критике на дискуссии 1931 года, организованной марксистским обществом ученых-востоковедов), который совершенно неожиданно в противовес общему ходу и тону съезда и ходу своего выступления заговорил о проблемах формационного анализа, то есть о проблемах сугубо «академических». Согласно его точке зрения, причиной кризиса экономики Китая явился отнюдь не феодализм, очень мало похожий на европейский: «Пережитки этого своеобразного китайского феодализма, который лучше было называть, как Маркс называл, «азиатским способом производства», и являются причиной, порождающей острейшую классовую борьбу в деревне» [6, с. 635]. Указывается особая роль азиатского государства: «...Прежде государство обдирало крестьян как липку, но все же до известной нормы. И при том государство выполняло ряд общественно-полезных функций, без которых сельское хозяйство и торговля Китая не могли бы существовать» [6, с. 735]. Очень характерно, что еще до IV съезда ВКП(б) VI съезд КПК (июнь-июль 1928 года, Москва) отвергает концепцию Ломинадзе на том основании, что китайская действительность не отвечает признакам «азиатского способа производства» (причем признаки перечисляются) [6, с. 1074].

На самом же съезде выступление Ломинадзе подверглось жесткой, тщательно подготовленной, с пространственным цитированием, критике со стороны П.А. Мифа: «Если Вы, товарищ Ломинадзе, прочитаете мысли Энгельса и Маркса по этому вопросу, вы убедитесь, что Маркс под азиатским способом производства понимал одну из разновидностей феодализма, оговаривая, что по существу никаких отличий от обыкновенного феодализма здесь нет, а есть второстепенные отличия скорее внешнего, отчасти исторического и юридического порядка» [6, с. 805]. Миф дал утвердительный ответ на специальный вопрос И.В. Сталина о наличии в Китае буржуазии как класса. В целом такая линия критики азиатского способа производства прослеживается на всем протяжении первой дискуссии.

В 20-е гг. в Советскую Россию приезжает немецкий

китаевед К. Виттфогель, знакомится со взглядами Маркса и Энгельса на азиатский способ производства, и публикует здесь несколько работ, в том числе и по истории и общественному строю Китая, используя концепцию Мечникова (позже, наряду с К. Марксом и М. Вебером, отцом своей «гидравлической» концепции он называет и Л. Мечникова).

В 1957 г. в США выходит монументальный труд К. Виттфогеля «Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти» [7]. В этой работе главным структурообразующим фактором восточных обществ называется уже не ирригация, а деспотизм в целом, но тезис о решающем влиянии среды на деспотический характер древних восточных обществ остается неизменным.

Признаки «гидравлической цивилизации»: неограниченная власть правителя, опирающегося на бюрократию; огромная роль государства в экономической жизни общества; слабость общества по сравнению с государством. Жесткие условия «гидравлического хозяйства» ставят общество в ситуацию необходимости немедленного ответа на вызовы природы и рождают различные варианты деспотизма и деспотической культуры, элементы которой переносятся как вирус, заражающий другие общественные организмы. В этой части концепции очевидны заимствования из книги Л. Мечникова, но Виттфогель идет значительно дальше, предполагая возможность сосуществования гидравлических (деспотических) и негидравлических (западных) цивилизаций. К одному из типов гидравлических обществ он относит СССР и... Турцию (субмаргинальные деспотии). Значение классического политэкономического анализа и вообще традиционного научного аппарата в исследовании гидравлических цивилизаций Виттфогелем отрицается, поскольку, согласно его концепции, современный анализ классов возник в обществе собственников. В гидравлических же обществах отсутствует как таковой институт майората, а собственники обессилены в процессе исторической борьбы за политическую власть государством и бюрократией. Единственное исключение представляет собой западная промышленная цивилизация, возникшая как результат долгой борьбы собственников земли и денег, объединившихся в независимые политические группы, которые дали начало системе политического представительства. В противовес этой западной системе отношение между государственной властью и бюрократией регламентируется только законом «сокращающейся административной отдачи», согласно которому затраты на содержание чиновников не должны превышать

доходов казны.

Генетический анализ восточных деспотий подготавливает главный вывод книги – о «гидравлическом» азиатском характере государственного устройства России, особо сложном и устойчивом образовании, возникшем в результате совпадения ряда неблагоприятных исторических факторов. Три главы книги: шестая («Ядро, периферия и субмаргинальная область гидравлических обществ»), девятая («Взлет и падение теории азиатского способа производства»), десятая («Восточное общество в движении») посвящены реконструкции истории России и анализу социальной структуры советского государства. Модифицированная концепция Л. Мечникова дополняется выводами Г. Плеханова об азиатском характере русского государства. В целом же логика доказательства такова: Россия, находясь в чрезвычайно неблагоприятных географических и политических условиях (враждебность соседних этносов, с запада – скандинавов, с востока – кочевников), вынуждена была путем увеличения жесткости политической структуры, централизации власти, узурпировавшей все права собственности на землю, путем внедрения фискальной системы, заимствованной у монголов, – стать на дуть развития восточной деспотии. Виттфогель использует целый ряд работ русских и советских историков и философов, документы партийных съездов, пытаясь доказать, что аграрная программа большевиков, против которой выступил Плеханов, объективно работала на сохранение азиатских порядков.

Особенность первой дискуссии об «азиатском способе производства» (1928-1934 гг.) – политическая заостренность диспута; признать существование особой азиатской формации (кроме всего прочего) – означало отказаться от точки зрения, согласно которой ряд стран Востока, и прежде всего Китай, вступили в период ускоренного развития феодализма, сопровождаемого обострением всех общественных противоречий и чреватого революционной ситуацией. Но дискуссия, вначале ограниченная предметом (речь шла о «причислении» Китая к феодальной формации и о правомерности использования в практике социологического исследования понятия «азиатский способ производства»), выявила множество «побочных» теоретических проблем: соотношение «всеобщего» и «особенного» в истории; критерий исторического прогресса; специфика внутрiformационного анализа; создание формационных моделей рабовладения и феодализма; границы «эмпирического» и «теоретического» уровней исторического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Риккерт Г. Философия истории. – СПб: Изд. Д.Е. Жуковского, 1908. – 158 с.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. - 2-изд. - Т. 3. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - с. 26.
3. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Географическая теория прогресса и социального развития/. - М.: Голос труда, 1924. - 255 с.
4. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Соч.: В 25 т. - М.; Л.: ГИЗ, 1925. - Т. 20. - с.112/.
5. Плеханов Г.В. К аграрному вопросу в России // Соч.: В 25 т. - М.; Л.: ГИЗ, 1924. - Т. 15. - С.36/.
6. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. - 1416 с.
7. Wittfogel K. Oriental Despotism. Comparative Study of Total Power. - New-Haven, 1956. - 556 /.

© Сметанкина Людмила Васильевна (lsmetankina.umo@mail.ru), Огарков Александр Николаевич (suer53@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военная академия связи
имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного

АТРИБУТИВНАЯ МОДЕЛЬ СТРАДАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФИИ И В ИРРАЦИОНАЛИЗМЕ А. ШОПЕНГАУЭРА

Токарев Дмитрий Анатольевич

К.ф.н., доцент, Омский институт водного транспорта (филиал) ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет водного транспорта», г. Омск
mityatokarev@mail.ru

ATTRIBUTIVE MODEL OF SUFFERING IN EASTERN PHILOSOPHY AND IN A. SCHOPENHAUER'S IRRATIONALISM

D. Tokarev

Summary: The article describes the attributive model of suffering, which includes, in accordance with General principles and ideas, approaches and manifestations, various directions of ancient Eastern philosophy and religion, in particular, «Bhagavad Gita», Jainism, Buddhism, Taoism, for which this is most characteristic, and also considers the irrationalist teaching of Arthur Schopenhauer, regarding the relationship to suffering as an attribute of human life and having some similarities with Eastern religious and philosophical concepts. Within the framework of the ancient Eastern philosophical tradition, the causes of suffering, its manifestations, and possible options for liberation from suffering are analyzed. The article presents the philosophical view of Arthur Schopenhauer on the causality of suffering and its relationship with hedonistic manifestations in human life. The research focuses on suffering as an attribute of human life, as well as the characteristics of human behavior inherent in this state. Emphasis is placed on finding a way out of the state of suffering through religious meditation or awareness of the finiteness of suffering with the onset of death. Specific aspects of the consideration of suffering in the context of this model are revealed, including the belief in the possibility of another life, the understanding of suffering as a necessary condition that contributes to the life wisdom of a person, the attribution inherent in suffering in a person's life, which allows one to come to terms with its presence and positive, purifying meaning. In this paper, we identify significant shortcomings characteristic of the presented attributive view, in particular, passive doom, which, with certain psychological and other problems, can lead to the desire to leave life. The attribution of suffering reduces the value of social interaction, the suffering person remains alone with himself, which is all the more dangerous in modern conditions of social disunity and virtual space.

Keywords: suffering, attribution, vitality, sources of suffering, possibilities of liberation from suffering.

Аннотация: В статье дана характеристика атрибутивной модели страдания, к которой отнесены, в соответствии с общими принципами и идеями, подходами и проявлениями, различные направления древней восточной философии и религии, в частности, «Бхагавадгита», джайнизм, буддизм, даосизм, для которых это наиболее характерно, а также рассмотрено иррационалистическое учение Артура Шопенгауэра, касаемо отношения к страданию как атрибуту жизни человека и имеющее некоторое сходство с восточными религиозно-философскими концепциями. Проанализированы в рамках древней восточной философской традиции причины возникновения страдания, его проявления и возможные варианты освобождения от страданий. Представлен философский взгляд Артура Шопенгауэра на причинность страдания и его взаимосвязь с гедонистическими проявлениями в жизни человека. В центре исследования страдание как атрибут жизни человека, а также, присутствующее этому состоянию характеристики человеческого поведения. Сделан акцент на поиске выхода из состояния страдания через религиозную медитацию или осознание конечности страданий с наступлением смерти. Выявлены специфические стороны рассмотрения страдания в контексте данной модели, среди которых, вера в возможность другой жизни, понимание страдания как необходимого условия, способствующего жизненной мудрости человека, присущее страданию атрибутивность в жизни человека, позволяющая смириться с его присутствием и позитивным, очищающим смыслом. В данной работе обозначены существенные недостатки характерные для представленного атрибутивного взгляда, в частности, страдательная обреченность, которая, при определенных психологических и других проблемах, может привести и к стремлению ухода из жизни. Аtribuтивность страдания уменьшает ценность социального взаимодействия, страдающий человек остается с самим собой наедине, что тем более опасно в современных условиях социальной разобщенности и виртуального пространства.

Ключевые слова: страдание, атрибутивность, витальность, источники страдания, возможности освобождения от страдания.

Страдание и его проявления в человеческой жизни – важная часть глубокого философского осмысления действительности, переживаний человека, во многом определяющая составляющая самых разнообразных философских и религиозных направлений. Предполагается несколько различных моделей трактовки причин страдания и путей освобождения от него. Особо необходимо выделить атрибутивную модель страдания, которая имеет серьезные отличия в рассмотрении причин страдания, его проявлений и в

особенности возможностей преодоления страдания от, например, модусной модели, включающей христианскую сотериологическую теорию спасения человека и экзистенциальный вариант подлинного существования [1, с. 4; 110; 111]. Наиболее ранней по появлению и формированию, чем в частности и вызвано данное исследование, а также и яркой по содержанию, является атрибутивная модель страдания, для которой характерно представление страдания как обязательного атрибута земной жизни человека и преодоление этого атрибута

возможно только при переходе в другие состояния, выходящие за обыденные рамки земной жизни. Без страдания нет человека и нет его просветления, ухода от всех земных проблем и переживаний. Проанализируем атрибутивную модель страдания, на примере наиболее ярко выраженных в данном контексте, религиозно-философских концепций Древнего Востока и иррационального учения Артура Шопенгауэра. Цель представленного исследования – определить позитивные стороны атрибутивности страдания и выявить особенности негативного влияния атрибутивности проявлений и преодоления страдания для современного человека.

К атрибутивной модели страдания, прежде всего, можно отнести различные направления древнеиндийской религиозно-философской мысли, среди которых можно особо выделить «Бхагавадгиту» – одно из самых важных литературно-философских произведений древности. Фактически этот текст олицетворение идеального союза религиозных представлений того времени с философским анализом, которым уже обладали люди той эпохи.

Понятие страдания представлено в «Бхагавадгите» словами Кришны в ответ на вопросы своих собеседников. Во многом это этическое обращение к людям, желающим преодолеть свои сомнения. В данном произведении философской и религиозной мысли подчеркивается, что страдания и радости не вечны, к ним надо относиться безучастно, ибо бессмертья способно достичь лишь в равном восприятии каких-либо ярких эмоций и переживаний [2, с.102]. Отношение к миру в философии Древней Индии было как данности, как к непреходящему, а значит, уничтожить это никто не может, так зачем излишне выбрасывать из себя эмоции страдания и радости. Если тело бrenно в этом мире, то оно все равно переходит в другое состояние, продолжает жизнь, но в другом качестве. Человеческая душа вечна лишь потому, что она готова ко всем переходам, она не требует невероятных усилий, просто надо воспринять спокойно, возможно есть что-то другое.

Во многом трактовка понятия страдания в «Бхагавадгите» схожа с трактовкой в упанишадах и в этом проявляется монолитность всей индийской религиозно-философской мысли. Страдание, безусловно, атрибут земной жизни, который присущ тем, кто озабочен повседневностью. Если человек выходит за рамки обыденности, смотрит на страдание как на повод задуматься над своим жизненным путем, то тогда у него есть большой шанс достичь вершины мудрости и бессмертности. Важным понятием, связанным со страданием, является понятие смерти, ибо если все неизменно, то смерти нет, есть только переход в новое качество, так зачем страдать о том, что не уйдет. Мудрец не может умереть, т.к. нет абсолютного рождения и смерти, а есть Воплощенный,

который вечен и Он лишь использует одно тело, а затем другое. Эти идеи, так или иначе, присутствуют в большинстве других направлений религиозно-философской мысли, но именно в «Бхагавадгите» все это имеет яркую и поэтическую форму [3, с. 102].

Религиозно-философские воззрения джайнов довольно широко раскрывают количество страданий для конкретного человека, и показывается зависимость многообразия страданий от ступеней, на которых человек в данный момент находится. Есть страдания от слабых омрачений, сильных омрачений, страдания от недостатка мудрости, от препятствующей процессу познания кармы, а ещё от кармы, искажающей поведение и кармы излишней чувственности. Одновременно у человека может быть до двадцати страданий [3, с. 84; 89].

В джайнизме страдание неотъемлемая часть жизни человека, и только количество различных страданий зависит от деяний человека, его активности в этом мире. Через медитации и соблюдение обетов можно очиститься от скверны и чувственной зависимости. Страдание – это путь осознания своего предназначения в этом мире и путь к мокше (свободе). Только мудрый и смелый человек преодолевает страдания и возвышается. Джайны, безусловно, верят в жизнь после смерти, поэтому считают, что страдания не напрасны и имеют четкую направленность на преодоление земных соблазнов. Чем больше у человека появляется соблазнов в жизни, тем сильнее его страдания по их преодолению и тем важнее путь к очищению к дхарме.

Ещё более масштабно и наглядно раскрывается понятие страдания и пути освобождения человека от страданий в философии и религии буддизма. В Четырёх Благородных Истинах страдание — это фактически все что есть в нашей жизни от самого рождения до последнего момента жизни, переходящего в смерть. В буддистской философии страдание в большей степени продукт самого бытия [4, с. 144], это не показатель несправедливого поведения человека, а значит, оно есть и его не может не быть.

Буддисты объясняют, что для жизни человека характерны удовольствия, но очень важно то, что эти удовольствия не противоположны страданию, они с ним переплетаются и взаимодействуют как с прародителем, получая основу и обязательную оценку. В момент удовольствия хочется остановить сверхприятное мгновение, но оно не останавливается, наслаждение уходит, и мы начинаем страдать от прекращения наслаждения, от его скоротечности, просто от того, что оно ушло так быстро. В этом постоянный поиск наслаждения, стремление уйти от страдания, а получается ещё большее страдание приходит от осознания быстроты присутствия удовольствия в жизни человека. Страдание не только от конечности удовольствий, но и от ожидания смерти,

которая может окончательно забрать эти удовольствия.

Четыре Благородные Истины говорят нам и о том, что влечение, желание, привязанность к жизни - это причины страдания. Жаждой влечения пронизана вся природа, стремление к приятному и отвращение от неприятного – основа жизни человека. Две стороны одной медали. Влечение ведёт нас к страданию, если бы этого не было, то и жизнь была бы совсем иной [5, с. 55]. Атрибутивность страдания здесь просто напрашивается и никуда от этого не уйти человеку.

О прекращении страдания мечтают люди, об этом очень много говорили философы, об этом в полной мере религиозные концепции разных времен и цивилизаций. Что же буддизм предлагает в отношении проблемы ухода или прекращения страдания? Вот тут как раз и появляется такое понятие как нирвана, при котором страдания больше нет, а значит, от него можно освободиться. Но каким способом, что для этого надо?

Если бытие всегда есть, значит, нирвана не уход от бытия, а скорее уход от страстей земных, от удовольствий и страданий, без которых невозможна жизнь человека. Все аффекты и влечения, питающие страдание, в нирване уходят, а значит, нет почвы для сохранения страдания. Не бытие уходит, а уходят лишние страсти, омрачения, привязанности. Вот именно так человек получает истинную картину бытия, появляется чистое восприятие мира. Достижение нирваны самая главная загадка буддизма, но рецепты представлены в Четвертой Благородной истине. Прекращение страдания — это важный для буддистов восьмеричный путь, в содержании которого присутствует три важных момента или фактора – мудрость, нравственность и психопрактика [5, с. 78]. Человек осваивает эти моменты своей жизни скрупулезно, они возносят его на новый плодотворный уровень. Возвышение над своим прошлым, над повседневностью и рутиной бытия – глубокий процесс самосовершенствования человека.

Фактор мудрости объединяет в себе всеобъемлющее понимание мира и убежденность в своих действиях. Этап нравственности включает правильную речь и правильный образ жизни. Момент психопрактики или сосредоточения определяется упорным трудом над собой и складывающимися обстоятельствами, моральным воспоминанием своего пути и идеальным обеспечением выхода в транс. Таким образом, буддизм находит ответы на самые сложные вопросы бытия человека, и с помощью глубокой религиозной философской традиции, а также с помощью хорошо организованной психопрактики, выводит человека на уровень осознания своего страдания и освобождения от него.

В Китае к атрибутивной модели представления о

страдании можно отнести философию даосизма. Рассмотрим трактовку страдания и внутренних переживаний человека в «Дао дэ Цзин», одной из главных книг даосов.

Физические испытания, которые проходит человек в своей жизни, серьезно изнуряют тело, ослабевая его, но вот в то же самое время крепнет дух. Радость и гнев, удовольствия и страдания часто убивают дух, он разрушается, человек испытывает душевную боль, но вот тело вполне себе крепкое и готово к любым испытаниям. Человек испытывает серьезные трудности, он как бы разрывается на части. Тело и дух две равнозначные составляющие человеческой природы, а значит, могут исчезать не вместе, они самостоятельны в своих проявлениях [6, с. 108].

Даосы видят в страданиях слабость человека, его зависимость от телесной сущности. Главным предназначением страданий является закалка духа человека, возможность переносить все тяготы жизни стоически [7, с. 83]. Природа человека – растворение в мире и недопущение заикливания на проблемах тела и общественной морали. Дух свободен тогда, когда тело не подчиняется своим капризам и не старается сломать предназначение своего существования.

Атрибутивность страдания определяет и Артур Шопенгауэр, который в своих рассуждениях определяет, что жизнь человека характеризуется большим и сложным участком между мечтаниями о приятном и реализацией этих заветных мыслей наяву. Человек погружается в страдание, так как воля не дает ему четкой обозначенной цели и не ведет его к конкретности смысла жизни. Воля без конкретной цели бесполезна, но она настолько сильна, что ведет человека неизвестно куда, не давая ему ни малейшей разгрузки. Любые второстепенные цели, полученные в течение жизни, приносят удовольствие и насыщение, но спустя мгновение все это превращается в проблему отсутствия дальнейшей цели и нового удовольствия, и так далее. Страдание – это барьер между волей и целью, а раз цель воли фактически не достижима, то страдание постоянно с человеком [8, с. 225; 287].

Окружающий мир, как живой, так и не живой, устроен так, что нехватка одного приводит к пресыщению другим. Любое желание, пока оно не удовлетворено, представляет собой страдание. Человек, даже при очень скромных своих желаниях, достигнув их, начинает осознавать, что есть потребность в чем-то более внушительном и еще более желанном. Удовлетворенность не дает идеального положительного эффекта, так как возникает новое желание и новое переживание от не полученного результата.

Жизнь, по Шопенгауэру, - сплошные разочарования

и страдания. В бытии человека лицевая сторона блестит от прекрасной ложности, а страдание скрыто от глаз, но оно правдиво и одержимо. Человеческая судьба – история страданий, все сплетено тесными узлами – неприятности, несчастья, проблемы, пресыщения, а жизнь – это то, что «отстрадать» [9, с. 114].

Шопенгауэр определяет удовлетворение негативным, а страдание позитивным. В этом случае счастливый человек, удовлетворивший свои желания, значит, изначально счастья в человеке нет, оно возникает крайне прерывисто, чего не скажешь о страдании, оно с нами всегда. Счастье быстро исчезает и возникает новая потребность в желаниях. Человек, вспоминая страдания и лишения, испытывает удовлетворение. По сути, жизнь человека больше трагедия, хотя и изобилует яркими комедийными картинками. Неисполняемые никогда желания, всевозможные ошибки судьбы, неотвратимость смерти – все это атрибуты жизни человека, ее главное содержание.

Шопенгауэр подчеркивает, что страдание и смерть как два злых гения человека. Пессимизм по поводу жизни оборачивается некоторым оптимизмом в отношении смерти. При жизни страдания, после смерти их нет, а значит, она избавляет нас от страданий, но смерть губит индивида, губит саму сущность человека. И вот тут человек вступая с самим собой в спор, что легче и лучше, смерть или страдания, делает выбор в пользу страшных страданий, лишь бы уйти, хотя бы временно, от даже легкой смерти [10, с. 112; 113]. Смерть прекрасна тем, что она завершение жизни, наши страдания имеют концовку, а значит уже не такие страшные и всеобъемлющие. Если мы вдруг думаем о приближающейся смерти, то возникают уже не такие ужасные – страдания жизни.

От страдания можно «уйти» только осознав, что от него не избавиться. Человек, понимающий свою суть, суть воли и причинность страдания, может лишь нести с собой страдание как не иссякающий источник жизни. Мы, понимаем страдание исходя из двух приоритетов, что-либо страдание всегда принадлежит к какой-то важной цели, из-за не достижения которой, оно образовалось, либо страдание порождение удовольствия, требующего все нового нашего достижения, и без него мы не можем жить.

На рубеже XX – XXI веков исследователи в области религиоведения и философской антропологии, так или иначе, рассматривали атрибутивные аспекты страдания человека, но в большей степени анализируя древневосточные религиозно-философские направления, древнегреческие гедонистические концепции и иррациональные идеи Шопенгауэра. В данном исследовании, исходя из подробного изучения источников, перечисленных выше, и литературы рубежа XX – XXI веков, акцент сделан именно на атрибутивной модели преодоления страдания, которая в философии и религии появилась раньше, чем модусная, опирающаяся, прежде всего, на христианские идеи спасения, а потом подкрепленная новыми веяниями экзистенциальной философии [1, с. 7; 8; 9]. Спор о социально-нравственных и внутри личностных составляющих двух моделей продолжается с новой силой в наши дни, например, в философских, политических и религиозных спорах традиционных обществ Востока с быстро меняющимися личностными ориентирами на Западе. Впереди еще более ожесточенные идейные столкновения о будущем выборе человеком своего предназначения в этом мире, о соотношении в его сознании проблем жизни и смерти, о преодолении страдания.

Несмотря на яркие положительные стороны атрибутивной модели страдания, о которых речь шла выше, необходимо отметить, что страдание безначально и неизменно сопровождает все проявления бытия, но тогда смысл страдания состоит лишь в том, что оно просто указывает на саму жизнь, есть страдание – есть жизнь. По утверждениям рассмотренных философских направлений, жизнь вечна, но тогда какой смысл страдать, можно просто потерпеть и далее обрести полный комфорт души и тела, а может просто чистоту духа. В современных условиях некоторой деградации личностных ориентиров и общественных ценностей, не хотелось бы ориентироваться на мысли атрибутивного подхода о том, что страдание – преодоление земных соблазнов, ведь это грозит потерей интереса к жизни и резким уменьшением жизнестойкости человека. Молодежи, да и более старшему поколению первой четверти XXI века, не очень подходит часть рецептов атрибутивности, ведь при таком раскладе при жизни невозможно преодолеть страдание, легче освободиться от жизненного бремени. Страдание все-таки должно нести некий инструментальный к самосознанию человека, к пониманию своего предназначения в этой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токарев, Д.А. Жизненные смыслы страдания. Модели причин, проявлений и преодоления страдания / Д.А. Токарев. – Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 128, с.
2. Семенцов, В.С. Бхагавадгита в традиции и современной научной критике. – М., 1985. 212, с.
3. Железнова, Н.А. Учение Кундакунды в философско-религиозной традиции джайнизма / Н.А. Железнова. – М.: Восточная литература, 2005. 343, с.
4. Гроф, С. Надличностное видение: Целительные возможности необычных состояний сознания / С. Гроф. – М.: АСТ, 2002. 237, с.
5. Торчинов, Е.А. Философия буддизма Махаяны. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 320, с.

6. Дао дэ цзин. Книга пути и благодати – М.: Эксмо, 2002. 400, с.
7. Игнатьев И.П. Учение о человеке и проблемы нравственности в раннем даосизме // Социально-философские аспекты критики религии. – Л.: Нева, 1982. 154, с.
8. Шопенгауэр, А. Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. Мир как воля и представление. 395, с.
9. Шопенгауэр, А. Свобода воли и нравственность / А. Шопенгауэр. – М.: Прогресс, 1992. 369, с.
10. Алейник, Р.М. Человек в философском постмодернизме / Р.М. Алейник. – М.: МИК, 2006. 224, с.

© Токарев Дмитрий Анатольевич (mityatokarev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ОРИГИНАЛЬНОЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ В.И. НЕСМЕЛОВА

Фисенко Григорий Федорович

Аспирант, Тульский государственный педагогический
университет имени Л.Н. Толстого
vipger@bk.ru

HUMAN CONCEPT AS AN ORIGINAL ANTHROPOLOGICAL TEACHING OF V.I. NESMELOV

G. Fisenko

Summary: The article reveals the main provisions of the concept of man, which he developed at the turn of the XIX-XX centuries Russian religious philosopher V.I. Nesselov, who presented it primarily in the work "The Science of Man". It is noted that the main position, which is put forward by the philosopher from the point of view of metaphysical psychology, is the presence of physical and ideal components in the structure of a human personality. The contradiction of the personality that determines the life of a person consists in the fact that he is forced to exist in a physical shell and cannot escape from the clutches of the material, while fully realizing his ideal nature and direct connection with God. This contradiction dictates the author's interpretation of the concepts of human happiness and unhappiness, self-awareness in the structure of his personality, his conscience and morality, freedom, the relationship between physical and spiritual principles, life, death and resurrection.

Keywords: Victor Nesselov, "The Science of Man", Russian religious anthropology, metaphysical psychology, human concept, personality.

Аннотация: В статье выявлены основные положения концепции человека, разработанной русским религиозным философом рубежа XIX-XX вв. В.И. Несмеловым и представленной им в первую очередь в труде «Наука о человеке». Отмечается, что основным положением, которое с точки зрения метафизической психологии выдвигает философ, является наличие в структуре человеческой личности физической и идеальной составляющих. Противоречие личности, определяющее жизнь человека, состоит в том, что он вынужден существовать в физической оболочке и не может вырваться из тисков материального, одновременно полностью осознавая свою идеальную природу и прямую связь с Богом. Данное противоречие диктует трактовку автором понятий счастья и несчастья человека, самосознания в структуре его личности, его совести и нравственности, свободы, соотношения физического и духовного начал, жизни, смерти и воскресения.

Ключевые слова: Виктор Несмелов, «Наука о человеке», русская религиозная антропология, метафизическая психология, концепция человека, личность.

Философское наследие Виктора Ивановича Несмелова (1863-1937), незаслуженно забытое в советский период развития русской философии, получает сегодня новое осмысление. К наиболее значимым научным достижениям этого русского религиозного философа и антрополога относится разработанная им и представленная в двухтомном труде «Наука о человеке» концепция человека.

Компоненты данной концепции рассматривают многие современные философы. М.Я. Дворецкая и А.О. Турина анализируют трактовку автором смысла жизни [4] и структуры и развития самосознания человека [5], А.В. Белов выявляет особенности понимания философией идеи субъектности [1], А.А. Сулема – проблемы телесности [10], А.П. Шпак – проблемы счастья [11]. Разработанной автором концепции, именуемой «метафизикой человека», посвятили свои изыскания В.Н. Замилов [6] и В.А. Поль [9]. К проблеме человека, и её пониманию В.И. Несмеловым обращается в своём исследовании А.В. Добин [5]. В современной науке появилась необходимость системного описания концепции человека, предложенной В.И. Несмеловым, выявления связей между различными элементами этой системы и установления

значимости каждого элемента, что поможет понять суть данного учения, являющегося важным с точки зрения не только истории развития русской философии, но и её современного состояния.

Целью настоящего исследования стало выявление основных положений концепции человека, предложенной В.И. Несмеловым. Основным принципом анализа стал историко-философский, также использовались методы анализа и синтеза, интеграции и дифференциации, описания и наблюдения и др. Исследование проводилось на материале книги В.И. Несмелова «Наука о человеке» [7; 8].

Сам В.И. Несмелов начинает разговор о разрабатываемой им концепции человека с введения понятия «загадка человека», которое становится ключевым для его концепции. С помощью данного термина автор обозначает проблему сущности человеческой личности и связанных с этой сущностью вопросов самосознания, самопознания и назначения человека. В.И. Несмелов очень высоко оценивает способности человека к познанию мира (современная ему наука демонстрировала умение человека раскрывать загадки природы одну за другой,

и философ осознавал важность этих достижений), но заявляет о том, что основная загадка лежит внутри самого человека, в структуре его личности: «Для человека не существует в мире никаких загадок, кроме самого человека, и сам человек является для себя загадкой лишь в том единственном отношении, что *природа его личности по отношению к данным условиям его существования оказывается идеальной*» [7, с. 241]. Это та загадка, которую, по мнению философа, оказалась неспособной раскрыть естественная наука, при всей своей силе и исключительном динамичном развитии.

В.И. Несмелов в своей «Науке о человеке» предлагает решение данной загадки, для чего, собственно, и выстраивает свою концепцию человека.

Основное положение, из которого исходят все остальные структурные элементы концепции, состоит в том, что в человеческой личности выделяются две составляющие – физическая и идеальная. В целом данное положение высказывается в русле христианского постулата о теле и духе, о материальном и идеальном, однако в её развитии В.И. Несмелов проявляет оригинальный подход. Он говорит о зависимости человека от его физической формы, которая требует от него постоянных усилий по обеспечению своего физического существования: «...Хлеб существует ради питания человека, а сам человек существует ради добывания хлеба» [Там же, с. 243]. По мнению В.И. Несмелова, человек обречён на эту вечную зависимость, неспособен не только от неё освободиться, но и даже как-то её ослабить, не может «осуществить себя как свободно-разумную личность в физическом содержании жизни» [Там же]. В то же время он осознаёт духовно-идеальную сторону своей природы, ощущает в структуре своей личности представление о Боге и стремление к нему. Понимая свою идеальную сущность, человек стремится «развить свою жизнь из одних только идеальных определений своей духовной природы» [Там же, с. 243-244], но не может этого сделать, поскольку ограничен, связан физической формой, материальностью своего существования.

В результате создаётся «роковое противоречие», формулируемое В.И. Несмеловым следующим образом: «...Человек никогда не может сделать себя тем, чем он должен быть, потому что ради этого ему пришлось бы перестать быть тем, что он есть, т. е., значит, – ему вообще пришлось бы перестать быть» [Там же, с. 244]. Вся жизнь человека, по В.И. Несмелову, находится в зависимости от этого противоречия; оно делает существование человека очень сложным, лишает его возможности быть спокойным и умиротворённым, вносит в его жизнь сумбуры в мыслях и действиях, заставляет человека постоянно испытывать муки от невозможности вырваться из пут физического существования и полностью, безраздельно приобщиться к идеальному существованию, которое че-

ловек осознаёт и к которому непрерывно рвётся.

Данное роковое противоречие влияет на все аспекты жизни человека и развития его личности.

Оно определяет то, что для человека недостижимо счастье, к которому он постоянно стремится. Человек хочет найти счастье в материальном, но не может его достичь, поскольку идеальное его Я остаётся при этом ненаполненным; счастье же идеального Я, божественной природы недостижимо в силу необходимости каждодневного внимания к физической жизни человека, поскольку зависит «не от него самого, а от разных посторонних условий» [7, с. 225].

Счастью противостоит страдание, заменяет его. Оно присутствует в жизни человека на всём её протяжении именно потому, что человек вынужден существовать в физическом мире, испытывая при этом «одну только невыносимую муку» [Там же, с. 198]. Человек пытается избежать страданий и получить наслаждения, но сталкивается с тем, что удовольствие физическое означает страдание духовное, усиливает понимание несоответствия человека идеальной части его природы.

Для личности человека, понимающего свою двойственную природу, по В.И. Несмелову, важнейшим явлением и основным внутренним действием становится самосознание, представляющее собой «познание человеком себя самого и своей цели в мире именно под углом сознания той самой неведомой связи, которая заставляет человека чувствовать себя, как будто он находится в постоянном присутствии Бога» [8, с. 135]. В психологической концепции человека В.И. Несмелова сознание и самосознание не только теснейшим образом связаны и не могут существовать одно без другого, это по сути одно и то же. Самосознание помогает человеку не только уяснить существование в структуре своей личности двух противоположных начал, но и попытаться примирить их друг с другом, осознать ключевое противоречие собственной жизни.

Результатом самосознания, по В.И. Несмелову, становится совесть, которую философ характеризует как «чувство душевного удовольствия в человеке» [7, с. 238]. Совесть должна составить для человека «действительное содержание его жизни», она есть «сознание должно..., нравственное чувство, нравственный закон» [Там же]. Совесть определяет отношение человека к своей идеальной стороне, к Христу, понимание религии; она есть результат постижения сложного соотношения физического и идеального. Совесть выступает как проявление нравственности, которое призвано заменить «физический принцип человеческой жизни» [Там же, с. 234], когда человек полностью осознает свою двойственную природу. И вот с развитием своих совести и нравствен-

ности человек уже имеет возможность стать немного ближе к Богу, опираться на идеальную составляющую своей личности, по-прежнему не имея при этом возможности отвергнуть физическую.

Нравственность человека при этом выступает как явление, естественное для его природы. Она не навязывается извне, какими-то внешними, общественными или религиозными правилами, а формируется лишь в результате осознания своей природы, постижения идеальной составляющей своей жизни.

Физическое и духовное в человеке в концепции В.И. Несмелова выступают как совершенно естественные, данные природой и при этом абсолютно непримиримые начала. По мнению учёного, в физическом организме человека «...нельзя отыскивать какого-нибудь седалища духа» [7, с. 164], то есть тело не является вместительным для духа; эти начала вообще несовместимы и при этом оба присутствуют в человеке, что делает его несчастным. Духовная часть личности, по В.И. Несмелову, должна преобладать над телесной, в этом случае нравственное начало усиливается. Однако вытеснить физическое полностью духовность не сможет, и человек всегда будет оставаться противоречивым и несчастным существом, не способным при жизни избавиться от своего противоречия.

Важнейшим компонентом структуры личности человека, вынужденного постоянно испытывать несчастье от противоречия своей природы, по В.И. Несмелову, является свобода. Учёный считает, что человек не может обрести свободу, поскольку она присуща ему изначально, является частью его сущности. При этом степень свободы у каждого человека может быть разной и зависит от уровня осознания им собственной идеальной составляющей, от развития нравственности и совести. Человек обретает свободу в результате самосознания, и она становится «реальной силой его для внутреннего развития человеческой личности» [7, с. 180]. Человек не может существовать без свободы, поэтому его стремление к свободе, так явно наблюдавшееся В.И. Несмеловым и его современниками на рубеже XIX-XX вв., является вполне естественным.

Для концепции человека В.И. Несмелова очень важным понятием становится смерть. Поскольку человек не может вырваться из тисков физического в течение жизни, не способен обрести счастье и спокойствие, то только смерть выступает тем состоянием, в котором может содержаться решение этой проблемы. В.И. Несмелов трактует смерть как желаемое состояние, в котором человек избавляется от своего противоречия и обретает счастье. В этой связи страх смерти становится полностью бессмысленным, поскольку смерть несёт благо. Кроме того, она понимается философом не как переход

в иное существование, а лишь как продолжение жизни человека. В.И. Несмелов пишет: «...Физическая смерть человека является не *переходом* в новую жизнь, а *последним моментом* действительной жизни» [7, с. 387].

Вообще жизнь человека трактуется философом как единое сочетание трёх составляющих: существования (то есть собственно физической жизни), смерти и воскресения, которое, по его мнению, обязательно ждёт каждого. Такое понимание соотношения жизни и смерти не только помогает человеку смириться с необходимостью физической смерти, осознать её благое значение, но и обрести надежду на жизнь вечную после воскресения.

Воскресение В.И. Несмелов трактует вполне традиционно – как продолжение существования в реальном теле, которое при этом будет лишено своего основного противоречия – противостояния физической и духовной составляющих. У воскресшего человека будет преобладать идеальная часть личности, он, наконец, обретёт целостность и избавится от противоречия, которое составляло несчастье его жизни.

Сам процесс воскресения учёный трактует достаточно оригинально, опираясь при этом на достижения естественных наук его времени, на открытия в области физики. Он говорит о том, что человек, естественно, не может воскреснуть в своём прежнем теле, поскольку оно уже истлело в земле, тем не менее, он всё же обретёт тело, возникшее в результате «того же самого творческого процесса жизни, которым образуются живые тела людей и в настоящий период их земного существования» [8, с. 408]. То есть новое тело человека образуется на клеточном уровне на основе тех воспоминаний о теле, той информации, которую сохранит душа. Такая трактовка процесса воскресения была достаточно нова для того времени, и, создавая её, Н.И. Несмелов снова демонстрирует свою способность отойти от некоторых догматов церкви, творчески интерпретировать их. К примеру, если принимать именно такой процесс воскресения, то становится неважным, как был похоронен человек – в освящённой земле кладбища, или за его пределами как самоубийца, или же вообще был кремирован. Главным выступает другое – как его душа сохранила память о своём существовании, как она пыталась преодолеть ключевое противоречие жизни в течение физической жизни, как она развивала свою нравственность и совесть, каким образом понимала собственную свободу воли.

Время воскресения человека В.И. Несмелов связывает со вторым пришествием Иисуса, которое трактует как обязательное явление грядущей истории человечества.

Как мы видим, В.И. Несмелов выстраивает свою концепцию человека, не разрушая основных христианских постулатов, однако позволяя себе их достаточно

вольные трактовки. Это привлекло к его учению внимание современников, например, Н.А. Бердяева, который высоко оценил труд В.И. Несмелова и отмечал, что он «философски утверждает объективную истинность христианства» [2, с. 55]. Свобода в выстраивании собственной концепции человека определялась для В.И. Несмелова двумя факторами: во-первых, опорой на достижения науки того времени и применением в исследовании методов естественных наук; во-вторых, психологическим пониманием сущности взаимоотношений человека и Бога, опорой на представления о личности человека.

Итак, учение В.И. Несмелова о человеке развивалось в контексте метафизической психологии. Учёный выдвигает тезис о существовании в личности человека рокового противоречия: его материальная форма требует постоянного удовлетворения физических потребностей, диктует стремление к счастью и удовольствиям, а данное человеку по его природе осознание собственной идеальной сущности, Бога, требует преодоления этой физической зависимости. Преодоление оказывается не-

возможным при жизни, и лишь смерть приводит человека к решению его проблемы. В контексте этой концепции В.И. Несмелов рассматривает такие составляющие человеческой личности, как счастье и страдание, самосознание, совесть, нравственность, физическое и духовное начала, свобода. Смерть понимается как последний момент физической жизни, необходимый перед её заключительным моментом – воскресением.

Концепция человека В.И. Несмелова отличается гуманизмом, бесконечной верой в лучшее в человеке, в то, что человек сам со себе наделён пониманием религии, осознаёт свою идеальную природу и стремится к Богу. Человек выступает как самостоятельная и самодостаточная личность, обречённая на постоянное и бесплодное преодоление своей физической сущности, но достойное лучшей жизни в будущем. Данная концепция отражает развитие в науке начала XX века антропоцентризма, признания того, что человек определяет собственный мир, все его составляющие – от лингвистической и социальной до духовной и религиозной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов, А.В. Идея субъектности в «Науке о человеке» В.И. Несмелова / А.В. Белов // Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики: Мат. VI Российского филос. конгр. – Ростов-на-Дону: Дониздат, 2012. – С. 170-181.
2. Бердяев, Н.А. Опыт философского оправдания христианства (О книге Несмелова «Наука о человеке») / Н.А. Бердяев // Русская мысль. – 1909. – № 9. – С. 54-72.
3. Дворецкая, М.Я. Смысл жизни в религиозно-философской антропологии В.И. Несмелова / М.Я. Дворецкая, А.О. Турина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2018. – № 48. – С. 121-127.
4. Дворецкая, М.Я. Структура и развитие самосознания в концепции психологии человека В.И. Несмелова / М.Я. Дворецкая, А.О. Турина // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2020б. – Т. 8. – № 1 (28). – С. 7-16.
5. Добин, А.В. Проблема человека в философии В.И. Несмелова: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – СПб., 1996. – 20 с.
6. Замилов, В.Н. Метафизика человека в творчестве В.И. Несмелова: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – М., 2003. – 20 с.
7. Несмелов, В.И. Наука о человеке: в 2 т. Т. 1: Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни / В.И. Несмелов. – Казань: Центр. тип., 1905. – 418, IV с.
8. Несмелов, В.И. Наука о человеке: в 2 т. Т. 2: Метафизика жизни и христианское откровение / В.И. Несмелов. – Казань: Центр. тип., 1906. – 438, II с.
9. Поль, В.А. «Метафизика человека» в философско-религиозной антропологии В.И. Несмелова / В.А. Поль // Труды Дальневосточного государственного технического университета. – 2005. – № 140. – С. 170-182.
10. Сулема, А.А. Проблема телесности в философско-религиозной антропологии В.И. Несмелова / А.А. Сулема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4 (44). – С. 79-83.
11. Шпак, А.П. Проблема счастья в антропологии В.И. Несмелова / А.П. Шпак // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 7. – С. 186-189.

© Фисенко Григорий Федорович (vipger@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФИИ

Н.Ф. ФЕДОРОВА

Хабибуллина Зиля Наиловна
 Д.ф.н., профессор, Башкирский
 государственный университет
 Habibullina_Z@mail.ru

AXIOLOGICAL POTENTIAL OF PHILOSOPHY N.F. FEDOROVA

Z. Khabibullina

Summary: The article traces the social and philosophical views of N.F. Fedorov on the problem of human integration into society, emphasizes the relevance of such ideas as the regulation of nature, supramoralism, serving the public good. In the study of various aspects of the thinker's creativity, a holistic approach was used, which allows him to consider his individual ideas as part of the main project of the Common Cause. The main provisions of the global social project are associated with the cultivation of the values of collective action, calling for the harmonization of relations «man-society-nature» and the identification of ways to search for socio-cultural potential. The axiological sources of projective teaching are permeated with a worldview search for the foundations of the reorganization of earthly life as a part of the cosmic whole.

Keywords: Russian cosmism, project, value, good, nature, society.

Аннотация: В статье прослеживаются социально-философские взгляды Н.Ф. Федорова на проблему вписанности человека в общество, подчеркивается актуальность таких идей как регуляция природы, супраморализм, служение общественному благу. При исследовании различных аспектов творчества мыслителя был использован холистический подход, позволяющий рассматривать его отдельные идеи, как части главного проекта «Общего дела». Основные положения глобального социального проекта связаны с культивированием ценностей коллективной деятельности, призывающих к гармонизации отношений «человек-общество-природа» и определению путей поиска социокультурного потенциала. Аксиологические истоки проективного учения пронизаны мировоззренческим поиском основ переустройства земной жизни как части космического целого.

Ключевые слова: русский космизм, проект, ценность, благо, природа, общество.

Введение

Отечественная мысль, зародившаяся приблизительно в середине XIX века и сформировавшаяся в первой половине XX века в направлении «русский космизм», как никакое другое направление философской мысли, сумело объять в себе всю специфику и колорит русского мировоззрения и духовных и интеллектуальных поисков. Ощущение связи с природой, желание строить далеко идущие планы, мечта о светлом будущем, потребность в духовном единении для реализации высоких творческих целей, все это проявилось в самых разных формах. Мифологическое и обыденно-житейское толкование, религиозные представления, научные исследования и искусство, посвященное идентификации человека как части Вселенной, на долгие десятилетия стали той подпитывающей средой, где формировались и развивались самые дерзновенные планы и мечты человека о космосе.

Материалы и методы

Чем же он привлекателен? Почему многие положения учений русских космистов по сей день занимают умы разных научных сообществ? Это связано, в первую очередь с тем, что проблемы, к которым обращаются мыслители, носят общечеловеческий, глобальный характер. Многие положения учений несут в себе большой творческий потенциал и «зовут» к смелому осво-

ению космических просторов в будущем. Но при этом, надо понимать, что на фоне современных достижений в сфере современных технологий, уже многие положения учений русских космистов, кажутся фантазийными или утопическими. Поэтому, невозможно, характеризуя то или иное направление этого учения, придерживаться однозначно положительной, или, наоборот, отрицательной оценки. Соответственно, исследование данного вопроса предполагает холистический подход, который учитывает все самобытное многообразие русского космизма.

Многие труды мыслителей, формировавшиеся в прошлые века, содержат в себе интересный поучительный материал, позволяющий на основе компаративистики проецировать на современную реальность с ее глобальными проблемами и техногенной мощью, идеи, потенциал которых еще долгое время будет оставаться неоспоримым.

Литературный обзор

Речь, в первую очередь, идет о проективном учении Н.Ф. Федорова «Философия общего дела», который состоит из статей и публикаций автора в течение всей своей жизнедеятельности [4]. В данной статье мы часто ссылаемся на эту работу, так как мыслителя волновали проблемы экологии, экономики, политики и вопросы, связанные с будущим человечества. Он вступает в лите-

ратурную полемику со многими зарубежными и отечественными писателями и философами, глубоко верит в возможность реализации своего проекта и готов сделать все, чтобы приблизить этот момент. Для раскрытия различных дискурсивных положений учения Н.Ф. Федорова мы также обращались к более поздним работам А.В. Гулыги, А.П. Андреева и А.И. Селиванова, сборникам о русских мыслителях, что позволило актуализировать многие мысли ученого в контексте современных проблем и путей поиска их решения.

Заложенная еще в XVII веке идея поиска проблем достоверности знания путем популяризации рационального знания и обоснования антропоцентризма как ведущего мировоззренческого выбора, получила широкое развитие и способствовала формированию мышления, основанного на рефлексии в контексте: «человек-природа-общество». Несмотря на противоречивые взгляды мыслителей русского космизма, у всех приоритетными являются идеи, основанные на связи человека не только с природой, но и целостного представления о мире. Они ставили перед человечеством самую высокую и ответственную футурологическую цель, которая должна была объединить все поколения людей для реализации самых тщеславных и смелых проектов вселенского масштаба. [4]. Такого уровня идеи требовали обращения к достижениям науки и их дальнейшего аккумулирования. Однако же, мировоззренческая и духовная характеристики восприятия мира являлись более значимыми, чем какие-то абстракции.

Результаты

Н.Ф. Федоров, которого в философском сообществе многие признают как одного из основоположников русского космизма, в своем проекте философии «Общего дела» сумел поднять такие проблемы, актуальность которых бесспорна. Удивительно, что в одном проекте он сумел обосновать единство всего существующего, существовавшего и того, что будет существовать. Идея воскрешения представляет собой не какое-то утопическое измышление, на самом деле, мыслитель полагал аккумулировать последние достижения науки с творческим осмыслением по законам красоты и добра. «Н. Федоров понятие добра распространял даже на всю природу, которая в силу воскрешения станет орудием свободы и блага людей» [1, с.139].

Философию Н.Ф. Федорова в большей степени принято идентифицировать с религиозной философией, так как себя он позиционировал как верующего человека, глубоко чтящего свои православные корни и проповедующего ценности христианского мировоззрения.

Однако, его приверженность к идее «общего дела» требовала от него выхода за рамки теологической дог-

матики, соответственно, им была предпринята рефлексивная попытка примирить возможности религии, науки и философии для реализации цели всей жизни: переустройства повседневной конечности земной жизни на космических измерениях. При этом, мыслитель был далек от обозначения четких границ каждого из этих типов мировоззрения, он, как бы, строил стратегическую линию, проективный план, а остальное будет уточняться, поясняться в процессе деятельности. Можно сказать, что в его лице отечественная философская мысль представляла собой особый тип духовного поиска, который аккумулировал в себе идеи и чаяния ни одного поколения мыслителей.

Обсуждение

Осознавая роль науки в решении космического масштаба, он предлагал формировать сообщества ученых, в которых все должны работать и вносить посильную лепту. При этом, он остерегает от ситуации, когда «наука как служанка мануфактурной промышленности...» [4, Т.1, с.358], будет способствовать только обогащению, а не решать насущные проблемы всего общества [4, Т.2, с. 444-445]. Лейтмотивом философии «общего дела» Н.Ф. Федорова может стать его высказывание: «Нужно жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех» [4, Т.1, с.359], так как в знании, обращенной к себе он видел эгоизм и зло, в альтруизме, направленном на познание других, видел жертвенность и добродетель, но считал что при этом зло не устраняется. Он сумел предвидеть современную ситуацию материального идолопоклонения и потребительства, предупреждал об этом: «в действительности не человек владеет вещью, а вещь обладает человеком, связывает его, делает несвободным, вносит раздор в среду людей» [4, Т.1, с.373].

Н.Ф. Федоров занимал настолько активную жизненную позицию, что критиковал философию за созерцательность, утверждая «мир дан не на поглядение, не мирозозерцание – цель человека. Человек всегда считал возможным действие на мир, изменение его согласно своим желанием» [4, Т.1, с.383].

Далее, рассуждая о роли общественного сознания, он прослеживает развитие человека от мифологического мышления до «позитивизма», который у него ассоциируется с прогрессом. К прогрессу у Н.Ф. Федорова сформировалось стойкое отрицательное отношение, связанное с противопоставлением его идее «общего дела». «Прогресс есть прямая противоположность воскрешению» [4, Т.1, с.31], который ассоциируется с искусственным, произвольным, придуманным.

Однако, чтобы прогресс приобрел характер движения вперед, необходимо объединить человеческий род, т.е., объединить людей на «общее дело», которое свя-

зано с развитием знания и деятельности. Притом, идея единства всеобщей исторической цели со смыслом человеческого бытия, пронизана гуманистическим идеалом планетарного братства и устремлена в будущее. На этом пути, Н.Ф. Федоров свою первейшую главную задачу видел в победе над смертью, только тогда человек может с уверенностью направить креативный научный потенциал на освоение просторов Вселенной. Целенаправленный научно-технический прогресс, в его понимании, является важнейшей предпосылкой дела всеобщего воскрешения [2, с.180].

Критикуя современную европейскую цивилизацию за деградацию, он разрабатывает «проект построения цивилизации братства и родства, дружбы и любви» [3, с.219]. За оригинальными философскими идеями Н.Ф. Федорова можно обнаружить глубокий интерес к истокам национальной культуры и истории, что позволило ему теоретически обосновать органическую жизнеутверждающую связь между земным и космическим мирами.

У Н.Ф. Федорова много интересных мыслей, которые в той или иной степени, работают на основную идею его проекта. Например, всеобщий социальный принцип супраморализма. Он вступает в полемику с западно-европейской мыслью, критикует принцип «познай самого себя» за эгоизм. «Категорический императив» И. Канта тоже считает недостаточно сильным, чтобы победить зло.

Согласно учению Н.Ф. Федорова, супраморализм основан на принципе «жить не для себя, ни для других, а со всеми и для всех» [4, Т.1, с.518], который присущ духу русского народа. Именно поэтому этот принцип глобального морального общественного устройства он предлагал за основу философии «общего дела». «Любовь к отечеству (земле отцов) естественно вытекает из всей федоровской философии... он старался наметить путь развития в духе идей православия, требующих синергического (взыскующего сотрудничества) подхода к жизни» [5, с.125].

Эта идея гармонично соотносится с основными положениями учения Н.Ф. Федорова и является базовой для достижения целей, связанных с освоением Вселенной. Однако же, он прекрасно понимает, что мечты вселенского масштаба требуют сначала объединения всех сил для решения земных задач. Провозглашая приоритет этого всеобщего этического принципа, Н.Ф. Федоров утверждал: «Супраморализм – это вопрос о двух рознях и о двух объединениях... о внешней розни – о богатых и бедных и о розни внутренней – об ученых и неученых (о двух разумах), разрешаемый чрез замену вопроса о всеобщем обогащении вопросом о всеобщем возвращении жизни, т.е. чрез замену нашей искусственной жизни... делом естественным, творимым в нас самую природою, приходящего чрез нас в сознание» [4, Т.1, С.457].

Супраморализм он связывал с идеей регуляции, которая выражается в единстве теоретического разума и практической реализации: «окажется ли способным род человеческий... разрешить вопрос о регуляции, об управлении своею планетою, как целым, и о распространении регуляции чрез воскресенные поколения также и на другие миры» [4, Т.1, с.523].

Таким образом, Н.Ф. Федоров, несмотря на далеко идущие космические цели, прекрасно осознавал значимость земных, прагматических интересов человека, глобального общественного устройства, так как, человек, который грезит бесконечными просторами Вселенной, должен иметь активную жизненную позицию в решении социальных проблем и ощущать себя частью целого.

Заключение

Русские космисты считают человека частью Вселенной и в своих проектах, представляют многообразие подходов к такому единству. Подход Н.Ф. Федорова к природе имеет свою специфику. Когда под природой подразумевается совокупность сущего, он един с космистами. Но, когда под природой имеется в виду сложившийся порядок существования человека, основанный на эксплуатации, борьбе, противостоянии, присущим человеческому бытию, смерти, он занимает непримиримую позицию. Несмотря на это, в мировоззренческом восприятии и стремлении объяснить все происходящее, Н.Ф. Федоров стремился учитывать возможности религиозных представлений и потенциал научных открытий. Он ратовал за сознательный труд, творческий подход к решению проблем и божественный духовный промысел.

Оставаясь глубоко верующим человеком, он в течение всей своей жизни тянулся к наукам и в своем масштабном проекте сумел примирить разные типы мировоззрения, так как они служат единой цели: победить невежество и иррациональность, чтобы противостоять злу, смерти и, далее, познавая внешние и внутренние процессы, превратить Вселенную в счастливый мир. Для этого человечество должно объединиться, перейти на новую ступень эволюционного развития.

Высокая благородная цель, как считал Н.Ф. Федоров, переориентирует человечество от наращивания материального богатства к предметно-преобразовательной деятельности, направленной на борьбу с болезнями, голодом, для продления жизни.

Мыслитель мечтал об обществе, в котором все будут жить в достатке, будут заниматься благими делами и, тем самым, гармонично приближать время решения задач вселенского масштаба. В основе социальной справедливости как основы организации человеческого бытия должна быть идея служения всех людей общественно-

му благу. Соответственно, братство людей, когда каждый член общества чувствует себя частью целого и на ментальном уровне готов участвовать в «общем деле» [1, с.141].

На примере философии русского мыслителя Н.Ф. Федорова прослеживается его отношение к традиции как источнику исторической и культурной относительности ценностного постижения мира, критериев добра и зла,

справедливого и несправедливого, религиозных систем «спасения» человечества. Преобладание тяги к житейской мудрости, поиску истин морально-нравственного толка, уважительное отношение к истокам языческой культуры древних славян – все это присуще русской философской традиции, в том числе, философии «общего дела» Н.Ф. Федорова как одного из самых ярких представителей русского космизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.П., А.И. Селиванов. Русская традиция. 3 М.: Алгоритм, 2004. -320 с.
2. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы.- М.: Изд-во Эксмо, 2003.-448с.
3. Русские мыслители. Ростов н/Д: «Феникс», 2003. 352 с.
4. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. В 2 т.- М.: ООО «Издательство АСТ». 2003. Т.1, 699 с.; Т.2, 592 с.
5. Хабибуллина З.Н. Роль утопического сознания в преобразовательной деятельности человека (на примере философии русского космизма) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 20 (201). Философия. Социология. Культурология. Вып. 18. С.124-128.

© Хабибуллина Зия Наилевна (Habibullina_Z@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Башкирский государственный университет

ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ИСЛАМЕ

Ярославцева Юлия Олеговна

Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)
vostok.rf2014@yandex.ru

PHILOSOPHICAL AND IDEOLOGICAL FUNDAMENTALS OF ECONOMIC RELATIONS IN ISLAM

Yu. Yaroslavtseva

Summary: This article analyzes the key foundations of religious and ethical principles of economic relations in Islam. It is proved that the worldview is usually understood as a set of beliefs about the fundamental aspects of reality that justify and influence all our perception, thinking, knowledge and actions.

The first part of this article offers a precise definition and the nature of the worldview and why it is necessary, with a brief analysis of modern paradigms of worldviews. The second part presents an understanding of the basic principles of an integrated Islamic worldview in the light of the Koran and hadith.

Due to the limitations of this article and in order to avoid a lengthy discussion of the terminology or content of the worldview, i.e. epistemology, metaphysics, cosmology, teleology, theology, anthropology and axiology, which are strongly interrelated with each other, were not discussed in this article intentionally.

Keywords: Islamic banking, Islamic finance, muhakala, munabaza, zakat, riba, garar, sharia law, haram, maysir.

Аннотация: В настоящей статье проанализированы ключевые основы религиозно-этических принципов экономических отношений в Исламе. Доказано, что мировоззрение обычно понимается как набор убеждений о фундаментальных аспектах реальности, которые обосновывают и влияют на все наше восприятие, мышление, знание и действия.

В первой части данной статьи предлагается точное определение и природа мировоззрения и почему оно необходимо, с кратким анализом современных парадигм мировоззрений. Вторая часть представляет понимание основных принципов интегрированного исламского мировоззрения в свете Корана и хадисов.

Ввиду ограничений данной статьи и во избежание длительного обсуждения терминологии или содержания мировоззрения, т.е. эпистемология, метафизика, космология, телеология, теология, антропология и аксиология, которые сильно взаимосвязаны друг с другом, не обсуждались в этой статье намеренно.

Ключевые слова: исламский банкинг, исламские финансы, мухакала, мунабаза, закят, риба, гарар, закон шариата, харам, майсир.

Экономическая история человеческой цивилизации является интересными многомерным явлением, уходит своими корнями вглубь веков; охватывает, объединяет и разделяет истории целых народов и континентов, эпохи, культуры и нации. Современная экономика рыночного типа является неоспоримым результатом многотысячелетнего синтеза опыта целых народов и их цивилизационных центров. Хотя экономика как самостоятельный вид деятельности существует с незапамятных времен, а как отрасль науки - сотни лет, глобальная проблема несоответствия между материальными потребностями общества и духовно-мировоззренческой парадигмой, сформированной ведущими мировыми религиями – с другой, остается так и не решенной в планетарном масштабе.

Термин мировоззрение (Weltanschauung на немецком языке), как система взглядов, оценок и образных представлений о мире и месте в нём человека сформирован еще И. Кантом (1724-1804). Данная формулировка использовалась и используется не только в философии, но и в других областях социальных наук.

Термин мировоззрение, к сожалению, часто используется без каких-либо точных указаний. Что же такое мировоззрение? Как мы можем это определить? Философами было предложено множество различных определений (например, Кантом (1724-1804), Гегелем (1770-1831), Кьеркегором (1813-1855), Дильтеем (1833-1911), Гуссерлем (1859-1938), Ясперсом (1883-1969), Хайдеггером (1889-1976).

Проведение исторического сравнения разного мировоззрения выходит за рамки данной статьи. Вместо этого ограничимся анализом четкого и плодотворного определения, предложенного западными и Исламскими учеными, о которых расскажем в первой части. Вторая часть анализа предоставит понимание исламского мировоззрения в части экономических отношений. Очевидно, что два понятия - «философия» и «мировоззрение» тесно связаны.

Философия – это гипотетическая интерпретация неизвестного (как в метафизике) или неточно известного (как в этике или политической философии). Термин «мировоззрение» часто используется, чтобы подчеркнуть

личную и историческую точку зрения. В этом смысле термин может иметь отрицательное значение. Однако можно определить класс философских мировоззрений, основанных на рациональности и, следовательно, нацеленных на своего рода универсальную значимость.

Мировоззрение - это набор убеждений о фундаментальных аспектах реальности, которые лежат в основе и влияют на все восприятие, мышление, знание и действия. Это исследование мира; взгляд на жизнь; буквально восприятие мира; особая философия жизни; концепция мира, которой придерживается человек или группа людей.

Мировоззрение относится к общей концепции природы мира, в частности, как содержащей или подразумевающей систему ценностных принципов. Любая философская система в целом может иметь такой стиль, который выводит практические следствия из ее теоретического компонента.

Согласно этим определениям, такая система ценностных принципов может быть вдохновлена религиозными принципами или моральной философией, независимой от религии. Кроме того, отличительные духовные и материальные аспекты жизни общества и человека часто в конечном итоге формируют их мировоззрение.

Поэтому, делая выбор, очень важно смотреть на мировоззрение, динамику с точки зрения различных социальных систем. У людей в обществе могут быть собственные принципы или вариации, но их стандартное поведение было бы склонно к общественно согласованным нормам.

Как было рассмотрено выше, мировоззрение - это набор убеждений о фундаментальных аспектах реальности, которые обосновывают и влияют на все восприятие, мышление, знание и действия. Мировоззрение также называется философией, философией жизни, мировоззрением и взглядами на жизнь, формулой жизни, идеологией, верой или даже религией.

Мировоззрение можно рассматривать как эволюционное и архитектурное - относящиеся к классификации знаний, используемых в метафизике, а не контекстуальное. Социальные явления яркие, и из-за взаимодействия между меняющимися реальностями жизни и восприятием социального мировоззрения последнее неизменно имеет временное измерение. Таким образом, мировоззрение остается в процессе изменения и реконструкции с течением времени вокруг некоторых неизменных элементов, поскольку оно исходит от людей, тогда они также начинают думать о религиозном мировоззрении, таком как исламское мировоззрение.

Исламское мировоззрение (IWV) в основном теистическое и этическое мировоззрение, которое резко контрастирует с секуляристской или атеистической альтернативой. Это мировоззрение проистекает из фундаментальной веры в то, что жизнь и существование возникли в результате воли, желания и замысла Единого Создателя. Таким образом, исламская концепция Бога должна предшествовать любым дискуссиям о природе вселенной и отношении человека к ней.

Исламское мировоззрение - это всеобъемлющая концепция вселенной и отношения человека к ней с исламской точки зрения, тем самым служащая основой для философии или взглядов на жизнь. Видение реальности и истины, которое появляется перед нашим мысленным взором, раскрывая суть существования; ведь это мир существования во всей его полноте, который проецирует Ислам.

В свете вышеизложенного можно сказать, что в исламском мировоззрении раздвоения мира нет. Нет двойственности. Исламское мировоззрение основано на двух основных источниках: Коране, который мусульмане считают прямым словом Бога, и Сунне, включающей традиции, касающиеся жизненного примера Пророка Мухаммеда. Однако ядром обоих является принцип Таухад, который мотивирует все, что есть в исламской религиозной мысли.

Религия должна иметь общественный имидж не только для того, чтобы продемонстрировать духовность ради нее, но и для того, чтобы позволить отдельному человеку и обществу в целом искать руководство в своих поступках для повседневной жизни. Таким образом, Исламское мировоззрение (IWV) направляет человека на путь как наместника Аллаха.

Исламское мировоззрение простое и легкое для понимания и рационализации. Оно основано на трех фундаментальных принципах: таухад (теизм), хилафа (наместничество) и адалах (справедливость). Эти принципы не только составляют основу исламского мировоззрения, но и составляют основу макасидов (целей) и стратегии жизни человека в этом мире.

Таким образом, не может быть речи о лоскутном одеяле или запоздалой реакции на противоречивые требования плюралистических групп или социальных классов. Единство Аллаха суммирует исламский образ жизни и представляет его в виде конкретного руководства для всех мусульман.

Принцип Таухида закладывает основу исламского социального порядка, который учит человека, что его социально-экономическая деятельность должна руководствоваться принципами из единого общего источника,

Аллаха (Субханахува Та'ала). Этот единый общий источник раскрывает свои принципы в Священном Коране.

Кораническое учение Таухуда и его объяснения концепция Бога и Его атрибутов предназначена для того, чтобы позволить людям вырваться из оков невежества и устойчивых обычаев, и традиций, которые не гарантируют вечного спасения. Именно это учение Коран предлагает человечеству, чтобы оно руководствовалось абсолютно правильным образом. Именно это делает Коран с абсолютной уверенностью в своей эффективности в предоставлении людям окончательного руководства.

Сегодня глобальным научно-практическим приоритетом общества является поиск эффективных моделей экономического устройства жизни человека. Синергетическая взаимодействие экономической теории и хозяйственной практики постепенно сняли остроту обозначенной выше проблемы, однако отнюдь не решили ее в полной мере.

Поиск новых гипотетических факторов экономического роста и попытка «имплантировать» их в общую конструкцию здания мировой экономики - передний фронт современной экономической науки. Развитие институционального направления теоретической экономики ознаменовался включением в модели экономического устройства общества таких, на первый взгляд, иррациональных, «неэкономических» компонентов, как обычаи, культура, религия, традиции, чувства, инстинкты, эмоции, совокупно создавали альтернативную рациональной экономике концепцию ее эффективного обустройство и развития.

Сакральные по своей сути вероисповедания и культура, по нашему мнению, среди определенных выше факторов-гипотез экономического развития является чрезвычайно влиятельными и заслуживающими более глубокого исследования и всесторонней компаративной аналитики. Они хотя и не предлагают исчерпывающих ответов на вопросы о том, как увеличить объем общественного производства, уменьшить инфляцию, сократить безработицу или добиться экономического процветания, однако они в значительной степени формируют поведенческие мотивы, как индивида, так и целого народа, обуславливают наше поведение, предпочтения, выбор и, наконец, формируют экономическую составляющую нашей ментальности.

Почувственное обращение Пророка к своим последователям (11:85) звучит как обязательная к исполнению установка и оно касается не только торгово-экономических отношений, но и де-факто защищает институт частной собственности - базовую и обязательную компоненту современной рыночной конструкции.

«О, мой народ! Соблюдай честно меру и вес; Имуществу людей не наносите ущерба, И злодеяний не было никаких на земле Вы не делайте посевом нечисти и смуты».

Экономика ислама выступает явлением, оказывающим влияние на общество, на его модели поведения, принципы, нормы и мировоззрение. Соотношение религиозного мировоззрения и экономической системы в современном мире – данные вопросы касаются любой мировой религии, причем позиции религиозного духовенства на протяжении времени отличались друг от друга: от строгого и неукоснительного соблюдения всех религиозных предписаний в экономическом поведении до признания, обоснования возможности более гибкого подхода в отношении финансовой жизни верующих людей.

В современном мире вторая точка зрения становится все более усиливающейся тенденцией. По мнению О. Шпенглера: «В экономической истории всякой культуры происходит отчаянная борьба, которую ведут против денег, коренящаяся в почве традиция расы, её душа». Социально-экономическая доктрина в исламе сформировалась в ранний период мусульманства, при этом Ислам на протяжении тысячелетий сумел отстоять нравственный императив в отношении финансово-хозяйственной деятельности своих последователей и неукоснительно следовал своим мировоззренческим основам.

В мировоззренческую картину ислама встроен очень важный фактор. Он оказывает специальное влияние на деятельность правоверных мусульман, связанную с финансово-экономической составляющей. К ней преимущественное количество зарубежных и отечественных авторов относят: в первую очередь, «справедливость (добропорядочность). А во-вторую - нравственное наполнение распоряжения экономическими ресурсами (собственностью и деньгами)» [4]. Отметим, что, многие принципы экономических отношений, которые до настоящего времени строго соблюдаемы шариатским законом, были заложены и в мировоззренческие основы и других религий, например, в православии.

Религиозно-этические нормы экономических отношений в Исламе выражаются в некоторых видах ограничений:

- запрет на несправедливость в сделках. «Горе обвешивающим, которые хотят получить сполна, когда люди отмеривают им, а когда сами меряют или взвешивают для других, то наносят им урон» Коран (83:1-3);
- запрете на неопределенность условий в сделке (посланник Аллаха - Ахмад наставлял: «Не покупайте рыбу в воде, которая ещё не поймана, так как в этом присутствует гарар»);
- запрет на ростовщичество (запрет на рибу);

— запрет на участие в неразрешенных видах деятельности. «Они спрашивают тебя о вине и азартных играх. Скажи: «в них есть большой грех» [9].

Рассмотрим подробнее философско-религиозные основы этих видов ограничений, составляющих основу религиозно-этических норм каждого мусульманина.

I. Запрет на несправедливость в сделках

Одна из основных мировоззренческих основ исламской экономики – принцип справедливости. Этические основы исламских финансов отличаются от общеэкономических основ, прежде всего, пониманием высшего блага в справедливом распределении ресурсов, транспарентности экономических отношений и строгим соблюдением условий договоров. «Ведущая основа богобоязненности и приближения к Божественной Истине – справедливость. Вероятно, истоки данного принципа исходят из античной философии и в частности трудов Аристотеля» [4].

Религиозные принципы ислама

Согласно Корану: «О, вы, которые уверовали! Будьте стойки [в вере вашей] в Бога, выступайте свидетелями справедливости. И пусть ненависть ваша к кому-либо не ведет Вас к пристрастию. Будьте привержены справедливости, ибо ближе она к богобоязненности. Страшиться Всевышнего, ведь ведаёт Он о том, что вершите вы» (Коран, 5:8). Согласно исламской доктрине, «справедливость является главным условием достижения принципа равенства в обществе. Справедливость – одна из главных божественных установок» (Коран, 49:9). Благодаря этому мировоззренческому принципу ислам определяет себе ведущую роль в установлении экономического миропорядка.

Шариат не запрещает прибыль в купле-продаже и не определяет конкретный размер данной прибыли, но запрещает обман, мошенничество, восхваление в товаре

качества, которых в нем нет, или скрывать имеющийся в нём дефект. Таким образом, религия склоняет общество к транспарентному ведению финансово-хозяйственных дел. В современной жизни запрет на несправедливость в сделках также воплощается в недопустимости обмана (например, в части качества и реальной стоимости товара/услуги), в недопустимости действий спекулятивного характера.

Кроме того, монополизм и олигопольный сговор тоже относятся к несправедливому поведению по отношению к другим лицам, присутствующим на рынке. Также, справедливое перераспределение материальных благ происходит путем обязательных пожертвований уммы в виде закята (благотворительного взноса), таким образом, уравнивается баланс между бедными и богатыми представителями мусульманского сообщества

II. Запрет на неопределенность условий в сделке

Под данное понятие попадают так называемые гарарные сделки. Гарар можно трактовать как необоснованный, повышенный риск или спекулятивные сделки. В исламской экономике контракт результат, которого не определен, является недопустимым, виды неопределенности в рамках контракта можно разделить на следующие категории. Соблюдение прав и выгод каждого представителя сделки лежит в основе мировоззренческой картины исламских финансов.

Таким образом, в современном мире любые биржевые и фьючерсные контракты подпадают под этот вид ограничений, кроме того, например, классический механизм страхования становится запретным при соблюдении данных норм Шариата.

Во-первых, в страховании по западной экономической модели присутствует неопределённость (гарар), поскольку заранее неизвестно, получит ли клиент компенсацию.

Во-вторых, в классическом страховании есть элемент случайно полученной прибыли - майсир. Одна из сторон рассчитывает получить возмещение в денежной форме, которое в несколько раз превышает величину его взноса.

В-третьих, в механизме страхования могут присутствовать скрытые процентные сделки, если страховая фирма зарабатывает свою прибыль путем размещения денежных средств под депозиты. В данном случае исламская экономика предлагает свою альтернативу классическому страхованию в виде такафула (исламского страхования), в рамках которого не используются запретные механизмы функционирования.

Религиозно мировоззренческие истоки данного запрета выражаются в необходимости строгого соблюде-

ния условий договорных отношений в исламе, а значит в необходимости сохранения верности данному слову. При присутствии факторов неопределенности, сокрытия информации или объективных рисков всестороннее соблюдение условий договорных отношений становится труднодостижимым. К тому же, верность данному слову (соблюдение договоренностей), согласно исламской этике, является основополагающим принципом религиозного мировоззрения.

Это доказывают некоторые айаты Корана: «[истинно] благочестив тот, кто уверовал в Бога, в день судный, в ангелов, Писание, пророков, [благочестивы] верные данной ими клятве» (Коран, 2:177); «Воистину, помнят [об этом] лишь muži разумные, которые тверды в Завете, заключенном с Богом, и не нарушают его» (Коран, 13:19-20).

Абу Бакр, первый халиф мусульман, в своих наставлениях воинам ислама говорил: «Пусть в ваших соглашениях с врагом не останется места для обмана и лжи. Всегда во всём будьте правдивы и докажите, что вы люди честные и достойные. Дорожите данным словом».

Согласно преданию, Джа'фар ас-Садик, шестой имам мусульман, говорил: «Есть три вещи, которыми Всевышний Господь никому не позволил пренебрегать: первое – обеспечение сохранности доверенного имущества, независимо от того, благодетелен ли его владелец или нет; второе – верность данному обещанию в отношении как с праведными, так и неправедными людьми; третье – благодеяние по отношению к родителям, независимо от того, праведны они или нет».

III. Запрет на ссудный процент или запрет на рибу

Ростовщичество активно практиковалось у арабов доисламской эпохи в виде процента за пользования займом, а также в виде дополнительных платежей за просрочку срока возврата займа. Ссудный процент – риб, согласно исламу, считается, прибавкой к одному из однородных предметов обмена, и при этом у этой прибавки нет никакой компенсации [1].

С установлением Ислама в мусульманском сообществе ситуация изменилась. «О, вы, которые уверовали! Не живите за счет лихвы, удвоенной или многократной, бойтесь Аллаха, и, быть может, преуспеете вы» [9]. Данным аятом подчеркивается пагубное влияние ростовщичества, поскольку оно может истощить деньги должников, и со временем от накопления долговой нагрузки, они оказываются в отчаянном положении от бедности и безысходности, не имеющими никаких надежд в этой жизни из-за такого бесчеловечного обращения, и в этом явный вред самой цивилизации.

Поскольку Всевышний завещал богатым бедных, которым он дал явное право на их состояние и узаконил долг для помощи страдающим нуждой [1]. Очевидно, что с точки зрения мировоззренческих основ, данный вид запрета продиктован гуманистическими соображениями, стремлением стимулировать финансово-хозяйственный рост, и присутствует во многих религиях в виде пожеланий и рекомендаций к поведению верующего человека. Однако, согласно Исламу, это наиболее строжайший запрет, который неоднократно упомянут в Коране. «Искореняет Аллах лихву и поощряет подаяние. Не любит Он грешника неблагодарного» [1].

Нецелесообразность процентной ставки с точки зрения исламских финансов

В рамках этого ограничения действует не только механизм недопустимости увеличения долговой нагрузки путем взимания процента от заемной суммы. «Сюда же включены штрафы по неисполнению условий возврата заемной суммы. Следовательно, любой долг, который влечет за собой прибыль, рассматривается как ростовщичество» [10].

Таким образом, исламская экономика опирается на рационализм даже в большей степени, чем классическая Европейская, подчеркивая, что кредитование пагубно для всего общества в целом, ведет к рискам банкротств и возникновению финансовых пузырей.

IV. Запрет на участие в неразрешенных видах деятельности

Запрет на участие в неразрешенных видах деятельности, харамный вид заработка, создает ограничения по видам предпринимательской деятельности дозволенной мусульманину. Плюс, различные проявления коррупции; преступные группировки и формирования. Данные виды заработка могут опорочить любого приверженца Ислама в глазах религиозного сообщества. Запретным является не только производство вредоносного, но и участие в торговле.

При этом, сама торговля считается богоугодным видом заработка. По словам исламского правоведа Ахмада ат-Табарини, лучшая нажива – честная торговля и когда человек работает своими руками. Под честной торговлей подразумевается торговать дозволенными товарами и услугами, не предавать и не ослушиваться Аллаха при её ведении. Необходимо, чтобы предмет сделки был ритуально чистым и дозволенным, также недопустимо использовать в качестве предмета оплаты за товар вино или свинину, такая сделка считается недействительной [1]. Указания в части харамных видов деятельности не подлежат изменению на протя-

жении всей истории Ислама и соблюдается с целью сохранения порядка в обществе, а также для соблюдения законодательных норм.

Таким образом, важнейшей задачей шариата является обеспечение благополучия людей, которое основывается на сохранении религиозных, нравственных и этических норм. Все это закладывается в основу мировоззрения мусульманина, любая деятельность, наносящая вред этому мировоззрению строго ограничивается шариатом.

Главная идея соблюдения столь жестких религиозно-мировоззренческих принципов заключается в том, чтобы объединить исламское общество единой моралью, едиными законами, а также стимулировать экономический рост и соблюдение нормативно-правового порядка в религиозном обществе.

Вместе с тем основные задачи сформированного мировоззрения заключаются в следующем:

- обеспечивать всем верующим равноправные возможности;
- создать положительную атмосферу для духовного роста и саморазвития;
- обеспечить справедливое распределение материальных ресурсов в социуме;
- сохранять экономический порядок и стабильное экономическое возрастание.

Эти категории, а также, исключение харамных видов деятельности обусловили, с одной стороны, безопасную предпринимательскую среду.

Таким образом, выстроенная мусульманами исламская экономическая система (исламский банкинг, исламское страхование и прочее) способствуют сохранению исламских ценностей и объединению исламского общества на основе единого мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абд ар-Рахман ибн Мухаммад Авад аль-Джузайри Законы торговли в четырех мазхабах // Издательство ДИЛЯ. – 2017. – с. 174 - 182
2. Natalie Schoon Modern Islamic banking // John Wiley & Sons Ltd. – 2016. – с. 44-47.
3. Edited by M Kabir Hassan / Mamunur Rashid Islamic corporate finance // Printed in the United Kingdom by Henry Ling Limited. – 2019. – с. 123 – 128.
4. Коран
5. Игнатова Т.В. Система «Хавала» в исламской экономике// Мусульманский мир. – 2017. – № 2. – С. 39-52.
6. Стогов Д.И. Ислам: история и современность: учеб.пособие по дисциплине «Религиоведение» // Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В.У. Ленина – 2018. – № 2. – с. 28-36
7. Мингатин М.Г. понимание того, что запрещено (харам) в финансовых структурах // современный мусульманский мир – 2019. – № 1. – с. 1-12
8. Шамиль Аляутдинов Подсознательные бедность и богатство // Издательство ДИЛЯ. – 2018. – с. 96 – 112
9. Коран Риполклассик / Москва. // отв. ред. Пороховой И.В / 2012
10. Имам Абу Хамид аль-Газали Адабы // Издательство Хузур-Спокойствие – 2020. –с.47- 64.

© Ярославцева Юлия Олеговна (vostok.rf2014@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Abu-Taleb D.** – Applicant, Institute for Psychology of Creativity
- Andreeva L.** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
- Biryukov S.** – PhD in Psychology, Senior Researcher, FGBUN Institute of Psychology Russian Academy of Sciences (Moscow)
- Chaar Maalouli Maria** – PHD Student, Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen (St. Petersburg)
- Chernov A.** – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Volgograd State University; Professor, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch)
- Enchinov E.** – Candidate of historical sciences (PhD), senior researcher, BNU RA «S.S. Surazakova Research Institute of Altaic», Gorno-Altaiisk
- Fakhurdinov R.** – Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev National Guard troops Russian Federation, Novosibirsk
- Fisenko G.** – postgraduate student, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
- Gabaraev A.** – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant professor, South Ossetian State University
- Gadzhieva M.** – Nizhnevartovsk State University
- Goryunova N.** – PhD in Psychology, Senior Researcher, FGBUN Institute of Psychology Russian Academy of Sciences (Moscow)
- Jiang Dan** – Postgraduate student, Transbaikal State University; Associate Professor, Heihe University of China
- Khabibullina Z.** – Doctor of Philosophy, Professor, Bashkir State University
- Kiryanova O.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer, Baikal State University, Irkutsk
- Lolaev T.** – Doctor of Philosophy, Professor, North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)

Our authors

- Ogarkov A.** – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the St. Petersburg State Academy of Arts and Industry named after A.L. Stieglitz, St. Petersburg
- Poberezhnyy I.** – post-graduate student, Kursk State University
- Raspopin E.** – candidate of psychology, associate Professor, Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Yekaterinburg)
- Saveleva I.** – candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Nizhnevartovsk State University
- Smetankina L.** – Doctor of Philosophy, professor, FGKVOU VO "Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny" Ministry of Defense of the Russian Federation
- Tokarev D.** – candidate of philosophy, associate Professor, Omsk Institute of water transport-branch of FSBEI HE "Siberian State University of Water Transport"
- Trofimova N.** – Doctor of psychology, Professor, Voronezh State University
- Voronin A.** – Doctor of Psychology, Chief Researcher, FGBUN Institute of Psychology Russian Academy of Sciences (Moscow)
- Wang Dihan** – postgraduate, Lomonosov Moscow State University, Moscow
- Yaroslavtseva Yu.** – postgraduate student, The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration
- Yudeeva T.** – Candidate of Psychological Sciences, State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea "Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov", Simferopol
- Zhikhareva L.** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea "Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov", Simferopol

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).